Исследования по истории русской мысли

STUDIES IN RUSSIAN INTELLECTUAL HISTORY

[11]

Edited
by Modest A. Kolerov

Модест Колеров
Moscow 2015

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

ЕЖЕГОДНИК 2012–2014

[11]

Под редакцией
М. А. Колерова

Модест Колеров
Москва 2015

Автор фотографии на авантитуле — Вера Колерова

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)
С 23

Под редакцией М. А. Колерова

С 23 Исследования по истории русской мысли [11]: Ежегодник за 2012–2014 год / Под редакцией М. А. Колерова. М. : Издатель Модест Колеров, 2015. 672 с.
ISBN 978-5-905040-18-4

УДК 1(082.1)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-905040-18-4

© Авторы статей, 2015
© Оформление серии — С. В. Митурич, С. Д. Зиновьев, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Пьер Паскаль. Основные течения современной русской мысли (1962). Перевод с французского О. В. Эдельман 9

* * *

Н. К. Гаврюшин. За кулисами философской драмы: метафизика и историософия Н. Н. Страхова.....128

И. В. Воронцова. Роль и место церковной публицистики 2-й половины XIX в. в модернизации традиционного религиозного сознания в России.....164

М. А. Колеров. П. Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография.....191

Борис Ковалев. Философские беседы в умершем городе: С. А. Аскольдов и оккупанты в Великом Новгороде в 1941–1943 гг. 376

Приложение: Статьи С. А. Аскольдова из оккупационной печати 1943–1944 годов 388

Н. Ю. Голубкова. О. Сергий Булгаков. Программа по догматическому богословию: 1943–1944 академический год. II курс 427

Владимир Янцен. К 120-летию со дня рождения Д. И. Чижевского:
1. Д. И. Чижевский. Академик Владимир Вернадский (1863–1945).....440
2. Д. И. Чижевский. Письма В. И. Вернадскому (1926–1936).....458

Н. К. Гаврюшин. С. С. Прокофьев как религиозный мыслитель 488

Михаил Соколов. Евразиец пишет генералиссимусу. (По материалам архивно-следственного дела П. Н. Савицкого.).....496

* * *

Дмитрий Морозов. Е. Н. Трубецкой в Ярославле в 1886–1896 гг. 543

Н. К. Гаврюшин. «Платонизму трижды анафема!»: Кому адресована филиппика А. Ф. Лосева 1930 года? 548

Л. Кацис. Из заметок читателя историко-философской литературы: Лосев, Мазе, евразийство, ГАХН.....558

М. А. Колеров. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Струве, Розанов, Котляревский, Флоровский, Бердяев, журнал «Скифы», ГАХН 590

М. К. Журнал «Русская Свобода» (1917): Роспись содержания.....644

Сводный указатель содержания Ежегодников «Исследования по истории русской мысли» (1997–2014).....651

Исправление ошибок.....666

Серия «Исследования по истории русской мысли» (1996–2015)....667

Планы продолжения монографической части серии.....670

М. А. Колеров

П. Б. Струве в русском идейно-политическом и литературном процессе: новая биография

1880–1898: русский марксизм.
1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме.
1901–1905: «идеалистическое направление» в русском социализме.
1905–1908: культура и партийный социал-либерализм.
1908–1917: религиозный индивидуализм и политический национализм.

Пётр Бернгардович Струве (26 января / 7 февраля 1870, Пермь — 26 февраля 1944, Париж) — в истории русской общественно-политической мысли до 1917 года[1] — социалистический и либеральный политик, экономист, философ, историк, в истории русской литературы — организатор, редактор и издатель журналов, газет, издательских серий,

[1] Здесь исследуется творческая биография Струве (далее — С.) до 1917 года.

инициатор идейно-общественных направлений, литературно-общественное значение которого знавший его лично Максим Горький описал в формуле «Иоанн Креститель всех наших возрождений» («Несвоевременные мысли», 18 мая 1917), а В. Г. Короленко — из враждебного народнического лагеря в декабре 1900 года — «неистовым Виссарионом», по аналогии с литературно-критическим богом русского освободительного движения — В. Г. Белинским[2]. Сам себя в конце жизни С. определил как «экономиста и историка»[3], несомненно, исходя при этом из общей для того времени универсальности и высокого уровня философских требований к системе профессиональных экономических и исторических знаний.

В главном роль С. свелась к организации ряда интеллектуально-политических движений и традиций, среди которых наиболее влиятельным стал русский марксизм 1890-х, сменившийся недолговечным «критическим направлением» в марксизме (1899–1902)[4] и социал-либеральным «идеалистическим направлением» (в освободительном движении) (1902–1905). После 1905 С. становится одним из центральных представителей русского политического либерализма, но быстро теряет своё практическое влия-

[2] *Ф. Берсенев*. Нечто о «критерии истины» [1901] // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901] / Сост. В. В. Сапова. М., 1999. С.358.

[3] *П. Б. Струве*. [Дневник политика.] 6 (25 июня 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 26. Ранее он называл себя «социологом, прошедшим эволюционную и в частности, и в особенности марксистскую школу» (*П. Б. Струве*. В чем революция и контрреволюция? // Несколько замечаний по поводу статьи И. О. Левина // П. Б. Струве. Избранное / Сост. М. А. Колеров. М., 1999.).

[4] Марксизм С. и его коллег этого времени вслед за полемическим сочинением В. И. Ленина «Что делать» (1902) в литературе по дурной инерции называется чаще всего «легальным марксизмом», но я считаю это понятие совершенно негодным ни с содержательной, ни с исторической точки зрения. Об этом см. ниже.

ние. Вершиной интеллектуальной биографии С. стало его участие и лидерство в интерпретации значения сборника «Вехи» (1909), который преимущественно толкуется как попытка поворота социал-либеральной русской мысли к либерально-консервативному синтезу, религии и государственности. Главным творческим итогом деятельности С. в России этого времени стало редактирование и издание им «толстого» журнала «Русская Мысль» (в целом 1907–1918), которому удалось преодолеть узко-либеральную партийность, став местом принципиального и гибкого соединения современной русской литературы, религиозной и политической философии, истории литературы и научных знаний.

Воспитаннику равно западнических и славянофильских кругов, активному работнику демократических просветительских институций, активному участнику революционного подполья и нелегальной марксистской пропаганды, первому на территории России публичному деятелю социал-демократии, С. удался ранний и очень успешный литературно-политический дебют на внутриполитической сцене, по итогам которого в 1900-е гг. С., вдохновляясь примером А. И. Герцена, выбрал карьеру влиятельного политического эмигранта-издателя, а затем — политического вождя, затем — либерала-индивидуалиста, политического националиста и империалиста британского образца, хотя и под немецким и славянофильским именем «национал-либерала». Этот выбор дал ему всероссийскую известность, но потребовал в жертву научные интересы С., лишь в 1910-е завершившего свои ранние (конца 1890-х) труды по истории и экономике. Революции 1917 г. и Гражданская война стали апогеем его политической карьеры, после которой в эмиграции влияние С. быстро затухало, издательские проекты не удавались, но энциклопедически широкая научная активность только росла, хотя и оставалась фрагментарной.

1) 1880–1898: русский марксизм

Младший, шестой сын пермского губернатора[5], принадлежавшего к известной немецкой научно-административной династии, основанной в России В. Я. Струве, создателем Пулковской обсерватории[6], С. при рождении был крещён в православии и вырос в славянофильской идейной среде, тесно связанной с либерально-государственной мыслью. В 1871 отец С. вышел в отставку, 1879–1882 гг. семья провела в Германии (Штутгарт), а с 1882 — поселилась в Санкт-Петербурге. Родители С. близко общались с И. С. Аксаковым и Ф. М. Достоевским, его отец уже в 1870-е демонстративно «носил только бороду»[7], а юный С. остро переживал публичные выступления И. Аксакова, Достоевского и В. С. Соловьёва 1880-х гг., вплоть до 1885 года питая славянофильские и националистически-монархические надежды[8]. В течение 1885–1888 гг. С. эволюциониро-

[5] О нём специально см.: *Н. П. Матханова*. Чиновник и мемуарист Бернград Васильевич Струве // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. № 1. Б. В. Струве (1827 — 18 февраля 1889, Ницца) — в 1865 назначен Пермским губернатором, но после ревизии вышел в отставку в 1870-м. Его жена — баронесса Анна Фёдоровна Розен (1835? — 1903, Санкт-Петербург), с ней он имел всего 6 сыновей. Директор Константиновского межевого института в Москве Василий Б. Струве (1854–1912) был единственным, с которым С. поддерживал (не близкие) отношения, при этом его женой была сестра известного марксистского деятеля В. А. Поссе Екатерина Александровна Поссе (1857–1917) (См. об этом: *А. Н. Нарбут*. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20). С. 10–11). См. также: *П. Струве*. Откуда берутся выдающиеся ученые и какова бывает судьба их потомства? // Возрождение (Париж) № 387. 24 июня 1926: в том числе о своей семье и египтологе В. В. Струве — приёмном сыне своего двоюродного брата.

[6] О нём: *З. К. Новокшанова (Соколовская)*. Василий Яковлевич Струве (1792–1864). М., 1964.

[7] *П. Б. Струве*. Об Евгении Ивановиче Ламанском (21 декабря 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 83.

[8] См.: *М. А. Колеров*. Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006 / 2007 год. М., 2009.

вал к либерализму западнического толка под впечатлением от произведений Б. Н. Чичерина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Д. Градовского и выступал активным участником либерального кружка редактора «Вестника Европы» К. К. Арсеньева, в котором познакомился с В. С. Соловьёвым, В. Д. Спасовичем, А. Ф. Кони и в котором одновременно принимали участие яркие деятели литературы Н. М. Минский, Д. С. Мережковский, Л. З. Слонимский, С. А. Венгеров[9]. С 1888 года, под влиянием своего старшего брата М. Б. Струве и, по позднему признанию, книги Р. Майера «Освободительная борьба четвёртого сословия», С. признал себя социалистом, став марксистом, социал-демократом и революционером. Впрочем, С. не раз менял акценты в своих автобиографических экскурсах, и потому ярче и ближе к оригиналу переживания звучит его воспоминание-признание о Салтыкове-Щедрине:

> «Последнее поколение, которое слышало и ощущало голос Салтыкова живым во всей его полноте силе, это было поколение, которое приблизилось к сознательной жизни в 80-х гг. Пишущий эти строки решал тригонометрическую задачу на выпускном экзамене в тот день, когда хоронили Салтыкова. Про себя я могу сказать, что из всей литературы, появившейся в дни моей юности, ничто так не повлияло на образование моих морально-общественных чувств и взглядов, как сатиры Щедрина, печатавшиеся уже не в Отечественных Записках, а в Вестнике Европы, и морально-философские произведения Толстого той же эпохи. Целые места из «Пёстрых писем» просто вонзились в мою память, когда я был на гимназической скамье. Надо было пережить реакцию 80-х гг. для того, чтобы на всю жизнь за-

Подробно о предках и юности С. см. классическое исследование: *Ричард Пайпс*. Струве: левый либерал, 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 14–47.

[9] *К. Арсеньев*. Воспоминания о В. Д. Спасовиче // Вестник Европы. СПб., 1906. Т. VI. Кн. 11. С. 460.

помнить такие слова: “Живые притаились в могилах; мёртвые самолично встали из гробов и ходят по стогнам, стуча костями”...»[10]

Как общественный деятель, С. вырос также внутри широкого круга практиков народного просвещения и освободительного движения: в общении с семьёй Гердов, близкой к В. М. Гаршину и Салтыкову-Щедрину, ученицами гимназии А. А. Оболенской во главе с Я. Г. Гуревичем (А. В. Тырковой, Н. К. Крупской, Н. А. Герд (сестра однокурсника С.[11], преподавательница вечерней школы для рабочих[12]), Л. К. Давыдовой[13]); с 1889 года — под личным покровительством известной просветительницы А. М. Калмыковой, в книжном складе которой он стал работать и которая познакомила его с участниками леволиберального «Приютинского братства» (Д. И. Шаховским, В. И. Вернадским, С. Ф. Ольденбургом и др.) и ввела его в круг радикальных деятелей оппозиционного Комитета грамотности Вольного экономического общества, а с 1895 года, после пере-

[10] *Пётр Струве*. М. Е. Салтыков // Русская Мысль. СПб., 1914. Кн. V. II о. С. 142.

[11] В. А. Герд был однокурсником С. на естественно-математическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1889 году: В. А. Оболенский. Воспоминание о Струве [1944] // Вестник РХД. № 134. Париж, 1981. С. 103.

[12] *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве. С. 106–107.

[13] М. К. Давыдова (по мужу — Иорданская, бывшая замужем за социал-демократом Н. И. Иорданским и писателем А. А. Куприным), вторая дочь издательницы журналов «Новое Слово» (до весны 1897) и «Мир Божий» А. А. Давыдовой вспоминала: «Я училась в гимназии (частной) Стоюниной, а моя старшая сестра Лидия — в частной гимназии Оболенской. Там она училась вместе с Н. К. Крупской и О. К. Григорьевой (Витмер по мужу). Это были три очень близкие подруги» (*М. К. Иорданская*. Новый table-talk / Публ. С. Шумихина // Новое литературное обозрение. М, 1994. № 9. С. 213). Л. К. Давыдова стала женой М. И. Туган-Барановского, с которым вместе они в 1899–1900 гг. выстроили из «Мира Божия» марксистский внепартийный журнал.

дачи Комитета в ведение Министерства народного просвещения, — в III (экономическое) отделение самого ВЭО, где развил активную научную и публичную дискуссионную деятельность вплоть до изменения устава ВЭО в апреле 1900, закрывшего его для публики.

В 1889 С. поступил на естественно-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где, в частности, прослушал вводный курс «Основ химии» из уст Д. И. Менделеева[14]. В 1890 году перевёлся на юридический факультет (оставил его в 1892 году и в 1895 — экстерном окончил полный курс университета по этому факультету с дипломом первой степени). С 1889 года С. вошёл в близкие сношения со студентами-марксистами и их кружками, готовившими пропагандистов для рабочей среды[15]: В. С. Голубевым (университет, руководитель[16] «Рабочего союза», основанного М. И. Брусневым), Д. В. Странденом (университет, член того же союза[17]), в 1891 — на юридическом факультете университета, где возглавил кружок[18]; с 1892 — с брусневцами Л. Б. и Г. Б. Красиными и Р. Э. Классеном[19] (Технологический институт), в женский круг которых входили А. В. Тыркова, Н. К. Крупская и Н. А. Герд (с 1897 — жена С.)[20]. Вместе с социал-демократической молодёжью

[14] *Петр Струве*. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911. С. 182 («“Профессор” Шварц и “куратор” Мелиссино», 1908).

[15] Подробно о них: *Р. А. Казакевич*. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960.

[16] *В. В. Святловский*. На заре Российской социал-демократии // Былое. М., 1922. № 19. С.149,150, 153.

[17] Там же. С.153.

[18] Однокурсник С. свидетельствует об этом во времени вплоть до осени 1891 года: *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве [1944]. // Вестник РХД № 134. Париж, 1981. С. 104–105.

[19] *В. В. Святловский*. На заре Российской социал-демократии. С. 150, 153.

[20] О них: *Р. А. Казакевич*. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х — начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского

накануне и в ходе учебы в университете С. принял участие в общественных демонстрациях на похоронах М. Е. Салтыкова-Щедрина (1889), публичной панихиде по Н. Г. Чернышевскому (1889), многолюдной демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова (1891). После серии арестов марксистов в начале 1890 г. С. выехал в Австро-Венгрию, где провёл два семестра, изучая общественные науки в университете г. Граца. Однокурсник и друг С. по социал-демократическим кружкам А. Н. Потресов отправился в Швейцарию для установления связи с марксистской группой «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым и получения изданной ею литературы. Это, по-видимому, было едва ли не первой попыткой установления столь активного контакта, поскольку, по свидетельству В. С. Голубева, брусневцы-технологи о марксистской литературе круга Плеханова в 1890–1891 гг. просто не знали: «Социал-демократия только-только ещё намечалась. О группе же “Освобождение Труда” как-то позабыли»[21]. Другой марксист вспоминал об этих годах: «В это время имя Маркса не имело для русской учащейся молодежи ничего притягательного. Не помню я, чтобы оно пользовалось популярностью среди студенчества Петербургского университета, куда я поступил в 1890 году»[22].

и М. И. Бруснева). Л., 1960. В браке с Ниной (Антониной) Александровной Герд (1867–1943), дочерью известного педагога А. А. Герда (Heard, британского происхождения) и сестрой ещё более известного педагога и организатора среднего образования В. А. Герда, у С. родилось пять детей, все — сыновья: Глеб (1898–1985), Алексей (1899–1976), Константин (о. Савва) (1900–1948), Лев (1902–1929), Аркадий (1905–1951). Г. П. Струве стал самым известным из них — историком и издателем русской литературы в эмиграции. Не менее известен ныне живущий внук С. — глава русского зарубежного издательства YMCA-Press и журнала «Вестник РХД (РСХД)» — Никита Алексеевич Струве (1933).

[21] *В. С. Голубев.* Страничка из истории рабочего движения (памяти Н. В. Шелгунова) // Былое. СПб., 1906. № 12. С. 111.

[22] *К. Тахтарев.* Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. Л., 1924. № 24. С. 5.

В немецком мире того времени марксизм и социал-демократия вступили в полосу очень быстрого роста своего электорального и политического влияния, непосредственно вызванного отменой в Германии многолетнего исключительного закона против социалистов («Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии», 1878–1890). Идейный вождь этой социал-демократии Ф. Энгельс оценивал перспективы партии как скорый парламентский путь к власти на фоне революционного кризиса в стране в течение ближайших лет, в пределах 1896–1904 гг. Видя кратное расширение партии, Энгельс уделил особое внимание отношениям партии и «социалистической науки», отстаивая её независимость и право на критику партийных программы и тактики, внутрипартийной терпимости и самокритики[23], одобрил и высоко оценил Эрфуртскую программу СДПГ (1891), в которой религия была объявлена «частным делом» партийца. В области политической борьбы Энгельс рисовал образ самосбывающегося прогноза индустриализации как приближения социализма: «чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс (...) нужен ещё более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии (...) рабочие же массы с помощью всеобщего избирательного права заставят с собой считаться (...) мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможны лишь

[23] См. письма Ф. Энгельса 1891–1892 гг. к К. Каутскому и А. Бебелю (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 17, 31, 77, 436, 442). Представителей социалистической науки и партийной прессы в СДПГ было принято называть «академиками»: это именование было воспринято и в ранней русской социал-демократии (об этом см.: *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; *Е. Лозинский*. Что же такое, наконец, интеллигенция?: Критико-социологический опыт. СПб., 1907 (переизд.: М., 2003)).

тогда, когда экономический переворот приведёт широкие массы рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству (...) лет через пять-десять различные парламенты будут выглядеть совсем по-иному»[24].

Всё это позволило личному секретарю Энгельса и хранителю архива Маркса Э. Бернштейну считать Энгельса «отцом» ревизионизма и реформизма в марксизме. В России же своеобразным «сыном» Энгельса и воспитанником немецкой «социалистической науки» можно считать С. 1890-х — начала 1900-х гг., старавшимся применить в России стандарты легализации германской социал-демократии и повторить личные карьеры её публичных вождей. Это отвечало и его собственным приоритетам, хотя практика и демонстрировала его непригодность к успешной карьере политического вождя: «Собственные мысли составляли один из основных интересов его жизни. (...) Поэтому я не помню его ведущим нескончаемые споры, столь обычные для русской интеллигенции. (...) Он никогда не искал поклонения толпы и, отстаивая свои убеждения, постоянно шел против течения». И поэтому кумиром молодежи 1890-х гг. С. стал «неожиданно для себя»[25].

В переписке со своим русским корреспондентом, близким к народничеству Н. Ф. Даниельсоном (в русской печати: *Николай -он*) Энгельс предметно анализировал перспективы общины, промышленности, капитализма и социализма в России в контексте масштабного голода 1891–1892 гг., показавшего экономическую слабость общинного сельского хозяйства, на который русские социалисты-народники полагались как на зародыш будущего социализма. Здесь русским народникам, взявшим на вооружение «букву» марксизма и отстаивавшим особость

[24] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 51 (письмо к М. Оппенхейму 24 марта 1891).

[25] *В. А. Оболенский.* Воспоминание о Струве [1944]. С. 110–111.

русского пути к коммунизму, минуя капитализм как общую основу народного хозяйства в силу его прогнозируемой маргинальности из-за слабости внутренней основы и недоступности внешних рынков, удалось найти в марксистском учении для Германии противоречие между образцом интернационального британского капитализма и случаем его особого национального развития в условиях германского протекционизма. В противоречие своим ранним надеждам на переход Германии к коммунизму именно в силу невозможности беспредельного локального развития капитализма[26], но не переставая говорить, что голод и сокращает внутренний рынок (в деревне), и создаёт его

[26] Об этом подробно писал позже Туган-Барановский: он обратил внимание, что в своей речи конца 1840-х (в «Рейнском Ежегоднике») и статье 1850 года (в «Новом Рейнском Обозрении») Энгельс заключал (изложение): «Германия должна выбирать между свободой торговли и протекционизмом. Если Германия предпочтёт первое, то германская промышленность будет уничтожена английской конкуренцией и массовая безработица вызовет в Германии социальный переворот. Но если Германия пойдёт другой дорогой и введёт высокие покровительственные пошлины, то это должно иметь своим следствием быстрое развитие германской промышленности. Внутренний рынок скоро окажется слишком узким для всё возрастающей массы её продуктов, и Германия быстро окажется в необходимости искать для своей промышленности внешние рынки, что, в свою очередь, должно повести не на жизнь, а на смерть между немецкой и английской промышленностью. (...) Эта же теория недостаточности рынка для продуктов быстро развивающейся промышленности составляет и в других сочинениях Маркса и Энгельса теоретическую основу их рассуждений о необходимости крушения капиталистического строя, так, напр., в знаменитом «Манифесте» и в полемической книге Энгельса против Дюринга» (*М. И. Туган-Барановский*. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015. С. 192, 194). Более того, замечал экономист, проблема достаточности внутреннего рынка для развития капитализма оставалась не решённой и для Германии — настолько, что ещё в 1903 году, когда для России она была уже теоретически решена, знаменитый выходец из марксизма Вернер Зомбарт по итогам специально предпринятого статистического исследования доказал, что внутренний рынок способен поглотить растущую производительность национального капитализма (С. 211–212).

(в городе), Энгельс всё же определённо писал Даниельсону: «переход от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности... со временем... распространит капиталистическую систему также и на сельское хозяйство»[27].

«Для 70-х годов прошлого столетия характерно, что Маркс был как бы экономическим и историко-философским авторитетом русского народничества — в эту эпоху духовное влияние Маркса, пожалуй, нигде не было так велико, как в России. Между тем, через 10–20 лет в борьбе русского марксизма с народничеством, начавшейся в 80-х годах заграницей и в 90-х годах породившей русский, так называемый "легальный" марксизм, авторитетом того же Маркса побивалось народничество»[28], — вспоминал С. Именно поэтому главным источником идейного переворота стало не распространение марксизма и обнаружение его равно применимости к России с её «социалистической» сельской общиной, как и к Западной Европе, где община уже была уничтожена. «Меня марксистом гораздо больше сделал голод 1891–1892 гг., чем чтение "Капитала" Маркса»[29], — вспоминал С., обнажая трагедию отсталости, но умалчивая о том, что, подобно славянофилам, политические операторы отсталости, народники, уже вполне освоились с «Капиталом» и выступали его главными толкователями[30]. Именно мысль о *достаточности* внутренне-

[27] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 312, 400.

[28] *Пётр Струве.* Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 328–336.

[29] Patriotica. С. 410. «На разные темы» (1908).

[30] Народническое истолкование взгляда Маркса на источники развития капитализма и разъяснений Энгельса о применении его к реальности России ёмко дал В. В. (В. П. Воронцов), дополнительно к тезису об обнищании народа, утверждая недостаточность внутреннего рынка в силу сужения и платёжеспособного спроса: «Рост внутреннего рынка далеко не соответствует возрастанию производства, потому что наибольшая часть дохода от умножающихся фабрик и заводов поступает в руки не-

го рынка страны для развития капитализма начал отстаивать С., дебютировав в немецкой социалистической прессе в 1892 году[31]. И, как ни странно, три года спустя после содержательной дискуссии с Энгельсом об этом, на критической недостаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России настаивал его конфидент Н. Ф. Даниельсон, исходя из политической недоступности рынков внешних, — и потому ожидал прекращения капиталистического развития страны[32]. Имея такую противоречивую поддержку против русских народников, лучшие из которых уже начали теоретический дрейф к марксизму, но политически оставались едины с государственным славянофильством, боровшимся за общину как за оплот монархии, С. выбрал мишенью своей политической публицистики именно вопрос о приятии русского капитализма как фактора общечеловеческого прогресса и пути собственно России к социальному и политическому освобождению. Это предстояло сделать общепринятым фактом в среде революционной интеллигенции.

Осенью 1892, по возвращении в Россию, через посредство работавших в Технологическом институте химиков, переводчиков и издателей немецкого текста упомянутых «Основ химии» Д. И. Менделеева (1891), Л. Ю. Явейна

большой кучки капиталистов, которые не имеют возможности потребить достающуюся им долю национальной продукции и не предъявляют достаточного спроса на товары. Для широкого развития крупной капиталистической промышленности нужно иметь возможность продавать её продукты не только на внутреннем, но и на внешних рынках. Наиболее промышленные европейские государства на завоевании таких рынков и основали пышный расцвет своего капитализма» (*В. П. Воронцов [В. В.]*. Очерки экономического строя России [1906]. М., 2015. С. 67–68).

[31] Три статьи в Sozialpolitisches Centralblatt и рецензия в Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik только в этом году.

[32] *Николай -он*. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. СПб., 1894. №6.

и А. Э. Тилло[33], лично знакомых с Ф. Энгельсом[34], С. сблизился с «кружком технологов» (из него в 1894 выдвинулся как революционер В. И. Ульянов (Ленин) и в 1895 вырос «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»).

В университете С. стал активным участником научных кружков, в частности, М. И. Свешникова, члена редакционного комитета журнала «Северный Вестник» А. Л. Волынского и Л. Я. Гуревич (1890–1898)[35]. Одновременно по рекомендации Калмыковой С. как титульный сотрудник (наряду с Калмыковой, Е. М. Гаршиным, Е. А. Соловьёвым, Ф. Ф. Эрисманом, Н. И. Кареевым, Л. Е. Оболенским) принял активное авторское участие в новом журнале «Русская Школа» Я. Г. Гуревича, в котором в 1890–1893 гг. опубликовал большое число партийно нейтральных обзорных статей о сфере образования в Германии, Австрии, Франции, России[36]. В 1892–1894 с научными целями посещал Австрию, Германию и Швейцарию, где начал сотрудничество с немецкой социал-демократической печатью, своими тексте-

[33] Именно они протежировали в этом кружке В. И. Ульянову, считает биограф: *В. Т. Логинов*. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 151. Во всяком случае, А. Э. Тилло оказался среди первых и главных знакомых семьи Ульянова-Ленина при переезде его в Санкт-Петербург (В. И. Ленин — М. А. Ульяновой 5 октября 1893 // *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений. Т. 55. М., 1975. С. 1). Согласно официальной истории КПСС, на квартире Л. Ю. Явейна (Санкт-Петербург, Подольская ул., д. 2, кв. 6) весной и осенью 1891 Ленин встречался с марксистами. См. также некролог: *П. Струве*. Л. Ю. Явейн // Русская Мысль. М., 1911. Кн. XI. II о. С. 49. Химик, преподаватель Технологического института, 1854–1911, А. Э. Тилло был его сотрудником.

[34] С Ф. Энгельсом был лично знаком и коллега С. по университетскому марксистскому кружку А. М. Воден.

[35] *П. В. Куприяновский*. «Оглядываясь на прошлое...» Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 30.

[36] В наиболее авторитетной ныне библиографии трудов С., составленной Р. Пайпсом (*Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001), сведения о его публикациях в этом журнале существенно неполны, содержат ряд фактических ошибок и требуют уточнения de visu.

ми об аграрном развитии России и др. обратив на себя внимание русских народников и Ф. Энгельса. По возвращении в Россию работал помощником библиотекаря Учебного комитета Министерства финансов С. Ю. Витте под непосредственным покровительством его ближайшего помощника, неформального «голоса» Министерства финансов в печати[37], учёного секретаря учёного комитета министерства финансов А. Н. Гурьева (1864 — после 1910)[38]. В 1894 С. находился под трёхнедельным арестом по делу о (неподтвердившейся) принадлежности к революционной подпольной партии «Народное право». После ареста был уволен из библиотеки по личному распоряжению Витте[39].

Взаимная изоляция марксистских кружков Петербурга и Москвы, обрекая идейные круги на формирование собственных центров легальной концентрации (в Петербурге — Комитет Грамотности, Вольное Экономическое

---

[37] *А. С. Суворин*. Дневник. М., 2015. С. 166 (1 января 1897).

[38] В должности с 1889 до 1903 гг. См.: С. Ю. Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 годах. В 2-х т. [3 изд.] Т.1 / Предисл. Мст. П. Афанасьева. М., 2015. С. 12, 17. Один его труд переиздан: *А. Н. Гурьев*. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк [1903]. М., 2015. Под редакцией Гурьева С. в то время подготовил к печати не учтённый в библиографиях перевод труда основателя «австрийской школы» политической экономии, скрывшись под псевдонимом, образованным от девичьей фамилии матери (Розен): *К. Менгер*. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / Пер. с нем. Я. Розенсона под ред. А. Гурьева. СПб., 1894. В библиотеке С. помогал в научных занятиях единомышленникам: см. публичную благодарность ему в современной событиям книге: *М. И. Туган-Барановский*. [Предисловие к первому изданию «Периодических промышленных кризисов», 1 марта 1894] // М. И. Туган-Барановский. Избранное / Сост. Г. Н.Сорвина. М., 1997. С. 54.

[39] *Б. М. Виттенберг*. По направлению к Струве (Обзор книг о П. Б. Струве) // Новое литературное обозрение. № 67. М., 2004. С. 358, прим. 5. Об отношении С. к Витте см.: *П. Струве*. Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики // Русская Мысль. М.: СПб., 1915. Кн. III. II о.

Общество, отдельные издания вокруг фигуры С.; в Москве — издательство Н. В. и М. И. Водовозовых, Московское юридическое общество, вокруг фигуры С. Н. Булгакова) преодолевалась прежде лишь немногочисленными «шлюзами» партийного и литературного общения вокруг личных связей Н. В. Водовозова, Г. Б. и Л. Б. Красиных (они были равно близки и с кругом Водовозовых, и с кругом Булгакова — хотя бы просто потому, что Н. В. Водовозов и С. Н. Булгаков были женаты на революционно активных родных сёстрах М. И. и Е. И. Токмаковых[40]. С ростом присутствия С. в печати интеграция столиц ускорилась: «Для борьбы с марксистами народники в эту зиму [1893–1894 года] вызывали из Питера свою тяжелую артиллерию; так на Рождестве 1893 года в Москву приезжал и читал реферат В. В., но вслед за ним приехал в то время лидер марксизма, П. Струве» и «с большим успехом противостоял народничеству»[41]. Наибольший успех публичной марксистской пропаганде создавали легальные студенческие праздники в дни основания университетов, собиравшие в университетских столовых по 500 человек и более, с речами перед которыми выступали известные публичные фигуры — для организаторов таких мероприятий их известность была принципиальным условием для их при-

[40] *Г. Б. Красин.* Детство и юность Леонида Борисовича (Семейная хроника) // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов. М.; Л., 1928. С. 28. Тем не менее в течение всех 1890-х гг. фактом является отсутствие координации и даже конкуренция между Струве и Булгаковым, который очевидно не признавал лидерства С.: в этом видится генезис пониженной солидарности Булгакова со средой С, несмотря на его непременное участие во всех его проектах. Как позже говорилось, «генерал» общественной активности Булгаков после эмиграции С. стал первым среди «идеалистов» и явно претендовал быть вождём «идеализма», повторяя эстрадную популярность С. в Санкт-Петербурге и отчасти Москве 1890-х — уже в Киеве 1900-х.

[41] *С. М.* На заре рабочего движения в Москве // Текущий момент. Сборник. М., 1906. С. 3.

глашения в аудиторию. Знаменитый социолог, историк и публицист, в середине 1890-х гг. активно выступивший против русского марксизма (под именем «экономического материализма») с точки зрения рядовой научной критики, но отвергнутый общественными симпатиями, Н. И. Кареев писал:

> «В университетские годовщины, 8 февраля (для Санкт-Петербургского университета. — *М. К.*), я был в числе сравнительно немногих, в том числе и писателей, приглашавшихся на «чаепития», которые происходили в кухмистерских и сопровождались речами на высокие темы (...) Дружное настроение прогрессивного студенчества во второй половине девяностых годов было нарушено спором между «марксистами» и «народниками», На чаепитиях происходила иногда полемика, и раздавались шиканье и свистки. Однажды приглашённый говорить, я произнёс речь на ту тему, что неужели хоть раз в год, на празднике науки, студенты не могут забыть свои теоретические разногласия. Речь была принята хорошо, но в то время, когда я ещё только подходил к столу, какая-то сидевшая за ним девица с крайней ненавистью во взоре уже заранее на меня шипела (я считался за народника, хотя сам себя таким не называл). Особенно же студенческая аудитория делилась на два лагеря, попеременно аплодировавших и свистевших на заседаниях Исторического общества, где П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский были просто идолами одной части слушателей, а их оппоненты пользовались сочувствием другой. Разделение это приняло такой характер, что один наивный первокурсник сказал мне после такого бурного заседания, что не знает, кем ему быть, марксистом или народником, а быть тем и другим студенту-де нельзя... Нужно прибавить, что это разделение ещё не было политически партийным на социал-демократов и социал-революционеров, а догматически теоретическим по вопросам об экономическом материализме и роли личности в истории, о фабричном труде и крестьянской об-

щине с артелью и кустарным производством. В таком именно аспекте, совсем, притом, не касаясь экономического вопроса, а только имея в виду историко-философскую теорию, я и рассматривал возгоравшийся спор в своих журнальных статьях тех годов...»[42]

В 1870–1880-е годы для оппозиционных кругов в России Германия служила образцом регулярного полицейского государства и одновременно — образцом социал-демократического движения, которое преследовалось полицейскими ограничениями во исполнение «Исключительного закона против социалистов» канцлера Бисмарка и кайзера Вильгельма Первого[43] и который прямо принуждал социал-демократию к сведению всей своей деятельности в имперском и локальных парламентах как единственной форме легальности. И прямо запрещал партийные организации, партийную печать, партийные собрания. Таким образом вся партийная жизнь СДПГ была нелегальной, а её политический результат в виде числа парламентских мандатов и её интеллектуальное влияние — единственными формами легальности. Интеллектуальная верность партии становилась делом личного самоопределения в сфере науки и идеологии. Интеллектуальное влияние социал-демократии и марксизма институционализировалось в явлении университетского катедер-социализма и «Союза социальной политики», в частности. По итогам этих лет Энгельс даже в применении к СДПГ говорил в 1891 году о «немецкой социалистической науке» как о факте и факторе, имеющем внутри партии права независимости, равной независимости партийной печати[44]. Следуя практике статусных народ-

[42] *Н. И. Кареев*. Прожитое и пережитое / Публ. В. П. Золотарева. Л., 1990. С. 194–195.

[43] «Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии» (1878–1890).

[44] Письма к К. Каутскому от 23 февраля 1891, А. Бебелю от 1–2 мая 1891 и др.

ников и практике СДПГ, Струве впервые для марксистской революционной среды в России — осознанно и рискованно — выбрал для себя путь «публичного марксиста», с юности предпочитавшего выступать под своим именем и стремившимся к публичному участию в качестве лектора в социал-либеральных институциях — Комитете Грамотности, Вольном Экономическом Обществе, ежегодных праздниках Петербургского университета 8 февраля. И всё это — параллельно с многолетним участием в подпольных марксистских кружках для самообразования и подготовки агитаторов среди рабочих, изданием нелегальной литературы. Образцом в этом ему служила Германия с ее марксизмом и социал-демократией.

В целом Германия последней четверти XIX века была для России образцом национального объединения, науки, техники и экономического прогресса, обеспеченного политикой в области образования, милитаризацией и протекционизмом. Новый кайзер Вильгельм Второй в 1888–1889 гг. инициировал ряд мер социальной политики и лишь после этого, в 1890 г., прекратил действие «Исключительного закона против социалистов», демонстративно соединив в этих первых мерах «государственного социализма» полицейский контроль и социальную политику. Первый же после этого съезд СДПГ в Эрфурте затвердил в программных принципах СДПГ, проверенных Энгельсом с точки зрения их верности Марксу и практики, религию (включая философское мировоззрение) как «частное дело» партийца (именно поэтому, кстати, секретарь Энгельса Эдуард Бернштейн после его многолетних ревизионистских выступлений, осуждённых партией, так и не был исключён из СДПГ, что до крайности удивляло Плеханова). Это стало дополнительной санкцией интеллектуальной свободы социал-демократов при соблюдении политической лояльности партии. В России эта среда социал-демократической

интеллигенции, по немецкому образцу, с конца 1890-х гг.[45] звалась «академиками» и нашла специальное критическое исследование в известной книге Е. Ю. Лозинского об интеллигенции как классе[46].

Вплоть до 1891 года СДПГ вполне эффективно боролась за выживание и рост в условиях полицейских ограничений, развивая нелегальную инфраструктуру. Разветвлённая нелегальность в соединении с парламентско-интеллектуальными трибунами позволила СДПГ втрое увеличить число своих активных избирателей на имперском уровне.

Принимая полицейский вызов, СДПГ выработала особое отношение к легальности, которое осталось действительным и после её полной легализации и которое ясно выразил Энгельс в письме Каутскому, отвечая на его сетования о том, что уход видного марксиста (и затем ревизиониста) Конрада Шмидта наносит ущерб партийной печати, в которой тот мог бы работать: «Я не могу поставить в упрек Шмидту его приват-доцентство, оно издавна было его мечтой и мечтой его родителей. К тому же в Швейцарии теперь и у марксиста имеются некоторые шансы»[47].

Высокая степень внутрипартийной терпимости к разноголосице философских и иных исповеданий «эрфуртского образца» может быть истолкована (по крайней мере, так была истолкована и воспринята в России того времени и служила образцом б*о*льшей части русской социал-демократии вплоть до 1917 года) как форма поддержания и удержания внутри партии стабильности широкой радикальной коалиции, зримо идущей к власти в стране (в России она явно к власти не шла, но с отставанием на четверть века ши-

[45] См.: *А. Н. Потресов.* Письма к П. Б. Струве (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1992. № 6; *П. Б. Струве.* Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1994. № 4.

[46] *Евгений Лозинский.* Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб., 1907.

[47] Письмо к К. Каутскому от 30 апреля 1891.

роко проникала как аналог катедер-марксизма). П. И. Новгородцев в своём глубоком исследовании социалистической практики конца XIX — начала XX века писал так:

> «Те разнообразные влияния, которые отразились на Эрфуртской программе, по существу своему были несогласимы, и потому они поместились в ней рядом не органически примирённые, а только механически связанные. Но так как социализм революционный и утопический нашёл себе место лишь в теоретической части программы, все же практические требования получили характер государственный и реалистический, то в соответствии с этим и вся программа, как партийное credo действующего социализма, приобрела очевидный уклон к реформизму. Теоретические принципы Маркса, выраженные в программе, оказались висящими в воздухе, так как практическая часть программы не только от них не исходила, но самым решительным образом их опровергала. Принципиальные, как и исторические, корни этой части лежат... вне революционных основ марксизма. Непререкаемые и незыблемые положения марксистской догмы торжественно открывают собою Эрфуртскую программу; но оказывается, что это торжественное начало имеет чисто декларативный характер, практические же положения марксизма вытекают не из марксизма, а из теории правового государства, из принципов Руссо, Канта и Гегеля, проникших в немецкий социализм под влиянием Лассаля».[48]

Отстаивая совместимость идеализма с революционностью, его независимость от реакционного мистицизма и вообще независимость политических программ от философских мировоззрений, С. совершенно в духе Новгородцева вычленял в философской традиции примеры соединений,

[48] *П. И. Новгородцев.* Об общественном идеале [1917] / Сост. А. В. Соболева. М., 1991. С. 376.

которые придавали особую «легитимность» доктринам: «Фихте — идеалист и социалист, Кант — идеалист и либерал»[49].

К традиции Энгельса и Бебеля в СДПГ следует отнести и неоднократно публично выраженный в ней консенсус вокруг признания приоритета национальных интересов «немецкого отечества» в случае войны, в которой главным противником ожидалась именно феодальная и «варварская» Россия. В этом контексте манифест Базельского конгресса Интернационала 1912 года об отрицании единства национальных интересов в войне и приоритете классового интернационального единства пролетариата в борьбе против войны — был эпизодом, непосредственно привязанным к повестке Балканских войн, где Балканы выступали в образе почти колоний великих держав, что создавало иллюзию дистанции по отношению к ним. Первые же залпы 1914 похоронили Базельский манифест, принятый единогласно. И СДПГ шла в первом ряду этих похорон.

Зимой 1893 / 1894 года, находясь, после ряда опубликованных им немецких статей, уже на вершине дебютного признания в немецкой социал-демократической литературе в качестве специалиста по капиталистическому развитию России и отмеченный живым классиком марксизма Ф. Энгельсом, С. решил выступить в России в качестве нового интеллектуального лидера марксизма, место которого в результате эмиграции Г. В. Плеханова оставалось вакантным. Здесь С. уже имел богатый опыт обзоров, рецензий и публицистических выступлений в легальной (с 1890 г. — в либеральной газете «Русские Ведомости», журналах «Русская Школа» Я. Г. Гуревича и «Вестник Европы» К. К. Арсеньева) и нелегальной печати[50], но, готовя текст

[49] *Пётр Струве.* На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 619 («Г. Чичерин и его обращение к прошлому», 1897).

[50] *Русский социал-демократ Nemo [П. Б. Струве].* Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892) / Публ.

своей первой книги, С. предпочёл заявить, что для выражения своих взглядов не имеет места в периодической печати (что противоречило его же собственным ссылкам на свои публикации в «Вестнике Европы», имевшем значительное распространение в образованной части аудитории. Обязанный Арсеньеву многолетней, начиная с ранней юности, интеграцией в либеральные и журнальные круги, обязанный ему лично как редактору очень почётной возможностью стать автором энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона по ряду ключевых статей, в это время С., однако, решил дистанцироваться от этого своего учителя. Видимо, мотивом к этому стал отказ Арсеньева поддержать радикализацию своего ученика (позже именно он приветствовал сближение С. с либералами и либеральной программой). С. весьма прозрачно вспоминал об этом в эмиграции: «когда А. И. Чупров или К. К. Арсеньев как (...) руководители либерально-оппозиционного против самодержавия общественного мнения России отклоняли участие в активной революционной борьбе с властью и какую-либо солидаризацию с тогдашними революционерами, они могли ссылаться на факт безвозбранного существования и огромного культурного влияния *своих* (и очень многих других) терпимых самодержавием оппозиционных органов печати»[51].

В конце лета 1894 года на средства Калмыковой С. издал первый и анонсировал второй выпуск (он никогда не был написан даже частично) своей книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894): вышедшая тиражом 1200 экземпляров (из них 750 были проданы в первые две недели)[52], она получила весьма широ-

М. А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

[51] *П. Б. Струве.* Неизбывная дилемма (7 февраля 1927) // П. Б. Струве. Дневник политика (1925–1927) / Подг. текста А. Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 97.

[52] Так суммирует данные самого С. Р. Пайпс: *Ричард Пайпс*. Струве: левый либерал. 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 171. Но А. М. Калмыко-

кое распространение и сразу же попала в центр внимания правящих кругов, которые увидели в ней манифест одного из сторонников капиталистической индустриализации, проводимой С. Ю. Витте как экономического последователя теоретика протекционизма Ф. Листа. Внимательный современник даже зафиксировал презрительный оттенок отношения части читающей публики к этому идейному сближению марксиста С. и властвующего протекциониста Витте, назвав тогдашнего С. «подыгрывавшимся к Витте *в силе* своею шумихою с марксизмом»[53]. Поставив в переписке с Н. Ф. Даниельсоном проблему достаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России, Энгельс так и не дал определённого ответа: остановит ли голод и обнищание аграрной России развитие русского капитализма, сократив для него объём внутреннего рынка. Но поместил проблему в контекст политики протекционизма как фактора становления крупной национальной промышленности при недостаточной зрелости национального капитализма, чем «легализовал» начатое ещё Плехановым[54] и продолжен-

ва писала, что напечатано было 200 экземпляров: «Через два месяца всё издание было распродано и не переставали поступать требования из провинции» (Мои воспоминания о Ленине. Неизданная рукопись Александры Михайловны Калмыковой // Огонёк. М., 1926. № 17. [Без нумерации страниц]). То же число экземпляров названо в другой публикации мемуаров: *А. М. Калмыкова*. Обрывки воспоминаний // Былое. Л., 1926. № 1 (35). С. 66.

[53] *В. В. Розанов*. Литературные и политические афоризмы (Ответ К. И. Чуковскому и П. Б. Струве) [1910] // В. В. Розанов. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / Собр. соч. под ред. А. Н. Николюкина. М., 2005. С. 420.

[54] «В то время, когда Лист вёл свою агитацию, очень многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто в этом не сомневается (...) Теперь... ни один скептик не спрашивает, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность в отечестве Листа. (...) Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке, — лишь давши окрепнуть своей промышленности, путём господства на своём внутреннем рын-

ное С. обращение русских марксистов к наследию Ф. Листа как идеолога германского протекционизма, политика которого была реализована одновременно с объединением, экономическим развитием Германии и рождением пролетарской социал-демократии в стране. Ещё в 1891 г. в письме к П. Лафаргу (тогда же опубликованном в печати) Энгельс заключал: «Россия много потрудилась над созданием крупной национальной промышленности; развитие этой промышленности сразу приостановится, так как голод лишит её единственного рынка сбыта — внутреннего рынка»[55] — и это сильно укрепляло теоретические позиции русских народников, как тут же следом отсылал адресата к той части «Капитала» Маркса (Т. 1. Гл. 24. § 5), где тот описал «создание внутреннего рынка для промышленного капитала», в частности, в формулах, которые разрушали народнические построения о сжатии внутреннего рынка по мере обнищания крестьянства: «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создает внутренний рынок»[56].

Марксист вспоминал об обращении С. за помощью к наследию Листа, равно удобного и для германской практики, и для идеологии С. Ю. Витте, бывшего поклонником и пропагандистом Листа: «Несколько тяжеловесный, но не лишённый своеобразной силы, западнический пафос «Критических заметок» можно лучше всего охарактеризовать фразой самого Струве, сказанной по поводу «Национальной системы» Листа: это — победная песнь торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающая его культурно-историческую мощь и победоносное

ке» (*Г. В. Плеханов*. Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 186, 184).

[55] *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения. 2-е изд. Т. 38. М., 1965. С. 129.

[56] Там же. С. 169.

шествие по всем языкам». Правда, воспевая свою победную песнь, Струве ни на минуту не забывал о той «широкой исторической критике», о том «социально-политическом обличении капиталистического строя», которые дал Маркс, он искренно считал себя марксистом...»[57] В этом понимании Листа С., кстати, был не одинок, ибо одновременно и Плеханов писал о Листе как идеологе буржуазии в деле развития капитализма в Германии[58]. «Под прикрытием Листа, — вспоминал через 10 лет после дебюта С. марксист, — была доказана “законность” русского капитализма»[59]. В самом общем и кратком курсе научно-популярной истории Германии Ф. Лист был определён как проповедник обязательности развития национальных политических институтов. Подчёркивалось, что в его «Национальной системе» «немало страниц посвящено доказательству мысли, что без политической свободы немыслима успешная хозяйственная деятельность»[60].

В условиях философского плюрализма в рядах образцовой для тогдашней России и мира германской социал-демократии и практике политического марксизма как экономической и исторической доктрины, С. объявил себя в книге «критическим позитивистом», в то время как, например, ведущий представитель русского марксизма в эмиграции Г. В. Плеханов заявил себя материалистом, а материализм — единственной философией марксизма. В этом плюрализме реализовывалась Эрфуртская программа СДПГ (1891, то есть уже легализованной СДПГ) (Ausgehend von diesen Grundsätzen fordert die Sozialdemokratische Par-

[57] *В. Базаров.* Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 484–485.

[58] *Н. Бельтов.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К° [1894] / Под ред. С. Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 246–247.

[59] *Мих. Оленов.* Так называемый кризис марксизма. СПб., 1905. С.134.

[60] *А. К. Дживелегов.* История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб., 1908. С. 106.

tei Deutschlands zun chst: (...) 5. Erklärung der Religion zur Privatsache). Яркий русский марксист В. М. Шулятиков писал, подводя предварительные итоги развития дореволюционного русского марксизма (в котором радикальными «диалектическими материалистами» были лишь В. И. Ленин и А. М. Деборин):

> «В интеллигентных кругах установилось традиционное отношение к философии: на последнюю смотрят, как на своего рода Privatsache, как на нечто такое, что составляет область индивидуального благоусмотрения, индивидуальных оценок, индивидуального творчества. Утверждают, что расхождение, даже самое коренное, в философских вопросах, отнюдь не должно свидетельствовать о наличности социальных разногласий. Философские идеи представляются слишком мало и слишком слабо связанными с какой бы то ни было классовой подпочвой... в данном случае допускается широкая свобода. Того же взгляда придерживаются весьма и весьма многие марксисты. Они убеждены, что в рядах пролетарского авангарда допустимо пёстрое разнообразие философских воззрений, что не имеет большого значения, исповедуют ли идеологи пролетариата материализм или энергетику, неокантианство или махизм»[61].

[61] *В. М. Шулятиков*. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха [1908]. М., 2012. С. 5. Г. В. Плеханов иронически отрецензировал эту книгу, но ничем не опроверг процитированное мной исходное её утверждение: *Г. Плеханов*. [Рец.:] В. Шулятиков. Оправдание капитализма в западноевропейской философии... // Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 144. Перед лицом этого действующего в СДПГ программного принципа, в декабре 1901 года Плеханову, потерпевшему неудачу с требованием исключить Бернштейна из СДПГ за «разрыв с социализмом», пришлось лишь разводить руками: «...он остаётся “товарищем”, и его не просят удалиться. Это отчасти объясняется очень распространённым теперь между социал-демократами всех стран *ложным взглядом на свободу мнений*. Говорят: “как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь”...» (*Г. В. Плеханов*. Cant против Канта,

Компетентный свидетель и участник процесса, С. Л. Франк годы спустя резюмировал:

> «Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере, впервые о нём заговорил П. Б. Струве во вступительных главах своих «Критических заметок» (1894 г.), и он первый среди марксистов призывал «обновить» философскую основу марксизма путём замены материализма кантовским критицизмом. Несколько лет спустя в Германии появилась нашумевшая в своё время книга Штамлера «Wirtschaft und Recht», содержавшая методологическую критику экономического материализма с точки зрения кантианского различения между «сущим» и «должным». Позднее Эдуард Бернштейн, в числе отмеченных им изъянов и недомыслий традиционного социал-демократического вероучения, указал на философскую несостоятельность материализма и на необходимость опереться на Канта»[62].

Критически откликаясь на книгу С., главный оппонент русского марксизма 1890-х, влиятельнейший политический социалист-публицист конца XIX в. Н. К. Михайловский обоснованно отметил, указывая на русскую литературу 1860–1870-х гг. и особенно труды Ю. Г. Жуковского, что марксизм — не новость для русской науки и общественной мысли и что приоритет здесь вовсе не принадлежит С., «смешно» претендующему на «новое слово», но приоритет С. законно принадлежит ему в апологии неизбежного капитализма как культурной силы, выраженной в финальной

или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 97).

[62] *С. Франк*. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 80–81.

формуле «пойдём на выучку к капитализму»[63]. Выступая с таким призывом, по мнению критика, С. «служит злу, потому что оно необходимо»[64]. Да и сам призыв этот не оригинален: в народнической среде считалось, что её изобретателями были народники[65].

Но эта громкая формула, которой завершалась книга, на десятилетия стала лозунгом оптимистической проповеди молодого С. и была даже признана им изобретенной в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» 1938 года, а в устах его критиков — знаком «оправдания» капитализма вообще, а не только как стадии развития к коммунизму. Якобы изначально присущая С. в этой формуле «буржуазность», однако, на деле свидетельствовала о его презрении к общинно-феодальной архаике и о его надеждах на передовой пролетариат: «Симпатии к трудящейся народной массе — не монополия народников, и мы также чувствуем глубокое сожаление к разорённому страдальцу-народу. Но картина его разорения лучше всего доказывает нам его культурную беспомощность. На почве её, страшно вымолвить, крепостное право — меньшая утопия, чем обобществление труда. Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму»[66]. Поэтому более точ-

[63] *Н. К. Михайловский*. О г. П. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» [1894] // Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. СПб., 1900. С. 419–421.

[64] Там же. С. 442.

[65] Считалось, что впервые он был произнесён народником Н. С. Русановым в журнале «Дело» в 1880 году (№ 10) в статье «Штопанье мужицкой сермяги» (*В. А. Твардовская, Б. С. Итенберг*. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999. С. 154).

[66] *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 288. Позже, когда критик указал на то, что впервые формулу «выучки к капитализму» ввёл в оборот известный народник Н. Е. Русанов (Кудрин) ещё в 1880 году, С. официально настаивал на её собственном изобретении вне внешнего влияния (*И. Кондакова*. «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к ка-

ной следует признать оценку, которую дал новации С. другой радикальный критик, Е. А. Соловьёв (Андреевич): в отличие от прежних русских социалистов, С. выбрал Маркса не как диагноста Запада, а как учителя общемирового прогресса: «Теперь не открыли Маркса, а постарались применить полностью его учение и к России»[67]. Как в большой перспективе оценил отклик на первую книгу С. в России французский марксолог, «в гегемонию российского пролетариата верили все марксистские группы — вот почему они с энтузиазмом отнеслись к тому, что П. Струве окрестил «исторической миссией капитализма». (...) Можно воспользоваться даже марксистским понятием «фетишизм» для характеристики этого двойного культа: не только рабочего класса, силы, возглавляющей демократические и либеральные тенденции в царской России, но и капитализма, предварительного условия для торжества социализма»[68]. Именно в такой, социалистической перспективе проповеди С. не сомневались и те его современники, перед которыми не стояло задачи непременно посрамить С. как недостаточно радикального революционера. Например, Милюков

питализму...» // Ориентиры. М., 1991. № 2. С. 29–33). К этому можно добавить и предвосхищение Плехановым дискурса выучки в своём классическом марксистском манифесте: «Если... мы ещё раз спросим себя — пройдёт ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом — почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила?» (*Г. В. Плеханов.* Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264). Позже именно этот дискурс и — что особенно важно — в русле доктрины Листа развивал Витте: «На протекционизм Лист смотрит как на временное лишь средство для развития производительной силы нации, как на школу» (*С. Ю. Витте.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 233).

[67] *Е. А. Соловьёв.* Очерки из истории русской литературы XIX века. 2-е изд. СПб., 1905. С. 539.

[68] *Максимильен Рюбель.* Большевизм и марксизм [1968] // М. Рюбель. Маркс против марксизма / Пер. Ю. В. Гусевой. Сб. ст. под ред. А. В. Гусева. М., 2006. С. 142.

резюмировал мысль С. так: «Россия не составляет исключения в ряду других культурных стран... перед переходом к социалистическим формам хозяйства ей предстоит этап развитого капитализма. Этот смысл имело знаменитое приглашение Струве, которым он закончил свою книгу: “Пойти на выучку к капитализму”»[69].

При этом важно заметить (и это заметили сразу современники С.), что пролетарский революционаризм С. носил не миметический, а вполне искренний, даже — пролетарский, классовый, характер, делая С. тем идеалистически настроенным пролетарским революционером из буржуазно-интеллигентской среды, образ которого стоял перед сознанием Ленина, когда он говорил о внесении социалистического сознания в рабочий класс, имея в виду происхождение и роль Маркса и Энгельса, а также, наверное, свои собственные (В. И. Ленин. «Что делать?»). Современник (не Ленин) вспоминал о С. как «бывшем теоретике гаршинских глухарей», где центральный, страшный антикапиталистический образ был взят из рассказа В. М. Гаршина «Глухарь» — о рабочем тяжелейшего физического труда, изнутри котла силой своего тела поддерживавшего стенку котла при обработке его извне кузнечным молотом, который быстро доводил рабочих до истощения и смерти...[70]

Влиятельная общественная деятельница, вхожая в высшие столичные круги, баронесса В. И. Икскуль[71] сообщила тогда же А. М. Калмыковой о первой книге С.: «“Заметки”... лежат на столе у всех министров, и в кабинетах их только и говорят о книжке»[72]. В ней С. впервые в рус-

[69] *П. Н. Милюков.* Воспоминания. С. 178.

[70] *Е. Чарский.* [Рец.:] Л. Тахоцкий. Петр Струве в политике (...) // Мир Божий. СПб., 1906. Июль [№ 7]. II о. С. 99.

[71] О ней: *Вера Бокова.* Баронесса Икскуль // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб., 1994. С.95–123.

[72] Цит. по: *Р. Пайпс.* С. 172; То же со ссылкой на другую публикацию: В. Т. Логинов. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 182.

ской легальной литературе выступил не только с изложением, но и с проповедью марксистского взгляда на экономическое развитие России, согласно которому её путь к социализму и коммунизму должен был произойти в результате капиталистического развития страны и формирования класса революционного пролетариата, а не минуя капитализм, ведущий к обнищанию крестьянства и тем якобы уничтожающий рынок для своего развития (о чём вроде бы говорил опыт голода 1891–1892 гг.), и опираясь на коллективистские традиции русской крестьянской общины, в которую интеллигенция была призвана внести социалистический общественный идеал, как то утверждали народники.

Уже после политического и идейного разрыва со С., исторический «отец русского марксизма» как революционной теории — Плеханов — даже в резко критическом по отношению к С. тексте был вынужден признать «Критические заметки» — «тяжеловесно написанной и местами наивной, но в общем всё-таки дельной» книгой[73].

Программа и историографический круг «Критических заметок» С. фактически стали программой для будущих изданий и научных трудов русских марксистов 1890-х гг., в которых был детализирован, расширен или преодолён научно-политический горизонт этой книги по обозначенным ею приоритетам (марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895); статья «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» (1897) В. И. Ленина; серия переводов издательства М. И. Водовозовой из «Handswörterbuch des Staatswissenschaften» под редакцией С. Н. Булгакова и др. (1890–1900-е); марксистская полемика о рынках в журнале «Научное Обозре-

[73] *Г. В. Плеханов.* Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Статья первая [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 209.

ние» (1898–1899)[74]; «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве» (1897) и «Капитализм и земледелие» (1901) С. Н. Булгакова; «Русская фабрика в её прошлом и настоящем» (1898) М. И. Туган-Барановского; «Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899) В. И. Ульянова-Ленина[75]; «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (1901) Н. А. Бердяева, «Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (1913) самого С.[76]). Примечательно, что даже такая узкоспециальная историографическая тема, как экономическая эффективность крепостного права накануне его отмены в преломлении полемики народников и марксистов даже в конце 1890-х гг. продолжала звучать как повод к общественной партийной мобилизации, вменяя С. роль интеллектуального и политического вождя социал-демократической молодёжи, которую он *годами*, как минимум, с 1894 по 1900 гг., играл на всех доступных ему публичных

[74] Эта полемика переиздана В. В. Саповым в приложении к книге: *С. Н. Булгаков*. О рынках при капиталистическом производстве. М., 2006.

[75] Именно С. предложил ему это заглавие, нашёл издателя — М. И. Водовозову, обеспечил весьма значительный тираж в 2400 экземпляров и снабдил автора специальной литературой (*В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник*. Подлинная история РСДРП — РКП (б) — ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 86).

[76] В 1913 году С. лишь собрал свои очерки конца 1890-х — начала 1900-х о крепостном хозяйстве, тщетно полагая продолжить исследование. Резкий критик этого сборника, марксист М. Н. Покровский, тем не менее признал, что С. «принадлежит неоспоримая и крупная заслуга в истории русского народного хозяйства: он первый поставил вопрос о «крепостном хозяйстве» как известной исторической категории» (*М. Покровский*. [Рец.:] Пётр Струве. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.... // Голос Минувшего. М., 1914. № 3. С. 299. Переизд.: *М. Н. Покровский*. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. Изд. 2. М., 2012).

площадках. Московский университетский историк и либерал А. А. Кизеветтер вспоминал о чтении С. в Московском юридическом обществе доклада о крепостном хозяйстве:

> «Крепостное хозяйство первой половины XIX столетия! Какое было дело до этого студенческой массе, наполнившей актовую залу университета такой толпой, что люди стояли плечом к плечу? Конечно, до крепостного хозяйства этой толпе никакого дела не было. Но ведь на кафедре должен был показаться апостол марксизма, имя которого вызывало столько восторгов со стороны одних и столько нападок со стороны других. Как же было не взглянуть на него, хотя бы одним глазком? Впрочем, зала, видимо, была переполнена поклонниками лектора, представителями социал-демократической молодёжи. Эти социал-демократические кавалеры и девицы вели себя чрезвычайно возбуждённо. Для чего-то они перекрикивались из одного угла громадной залы в другой весьма воинственными голосами, словно кому-то хотели этим заявить: «Дескать, знай наших, мы марксисты, мы всех за пояс заткнём». Наконец на кафедре появился с нетерпением жданный лектор. Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных кликов. Она долго не смолкала. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звоня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно. Наконец пары были выпущены и аудитория поуспокоилась. Струве начал свой доклад. Поклонники ожидали от него митинговой речи, а он читал специальный научный доклад, в котором давал предварительный очерк тех мыслей, которые были позднее им развиты в его книжке о крепостном хозяйстве. Я смотрел по сторонам и видел, что социал-демократические барышни совсем увяли, да и кавалеры нахмурились. Ведь они пришли совсем не ради учёной премудрости, а ради всё той же изо дня в день повторяющейся словесной потасовки»[77].

[77] *А. А. Кизеветтер.* На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 159. Интересно, что с либеральных позиций докладу С.

Неожиданно большой культурный багаж, который приходилось принимать левой молодёжи в связи с партийным лидерством С. сообразно его не вполне типичным для революционной среды широким интересам. Они уже были имплантированы в руководимые С. журналы «Новое Слово» и «Начало». Ведя редакционный портфель «Начала», С. писал своей давней коллеге, переводчице З. А. Венгеровой 7 марта 1899 о предложенной ею в марксистский журнал фигуре «декадента» и символиста М. Метерлинка и её опасениях: «То обстоятельство, что нас ругают за вас, не играет... *никакой роли*. Нас ругают *за всё*. Я лично сочувствую статьям о Метерлинке и не боюсь конфликта с "читающей публикой". Итак, не торопитесь с Метерлинком, но *не оставляйте его* — вот мое *откровенно* высказываемое желание. За рецензию о переводе Нитцще буду очень благодарен»[78].

Статьи самого С. 1890-х гг. о Ф. Ницше, Б. Н. Чичерине, В. С. Соловьёве, А. П. Чехове, первыми открывшие их творчество для марксистской литературы, затем получили продолжение в специальных очерках о них, с которыми выступили в 1900-е гг. С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и с течением времени всё более широкий и радикальный круг социал-демократических критиков.

Следуя модели интеллектуального лидерства, С., видимо, копировал и образец, явленный Н. К. Михайловским (которому С. тщетно пытался противопоставить авторитет Н. В. Шелгунова). Признанный систематизатор того времени, конфликтовавший с Михайловским, не мог не признать, что тот в годы политической реакции оказался единственным, кто мог публично стать во главе «практического движения», только потому, что начал работу по «систематиза-

возражал будущий весьма догматический историк-марксист М. Н. Покровский.

[78] Цит. по: *В. М. Абрамкин, А. Л. Дымшиц.* «Начало». Марксистский журнал девяностых годов. М., 1932. С. 113.

зации новых идей», что «главная сила [его] таланта заключается именно в философски-воспитанном уме, обладающем при богатой эрудиции непреоборимою диалектикою, всё разлагающим анализом и своеобразным остроумием» и что если бы его статьи «перевести на один из иностранных языков, они не замедлили бы доставить автору общеевропейскую известность»[79]. Несомненно, С. не только выступил с претензией на такой статус публичного политического мыслителя-систематизатора, но и буквально дебютировал на общеевропейской социалистической сцене — в идеологическом центре германской марксистской печати, что позволило ему персонально конкурировать с Михайловским в качестве «европейской известности». Н. К. Михайловский (1842–1904), несомненно, адекватно понимал этот вызов и остро переживал его: если за два года до появления книги С. Михайловский легко расправился с попыткой личной полемики против него, предпринятой А. Л. Волынским (1861–1926) и «Северным Вестником», создав ему и его журналу общественную репутацию маргиналов, то теперь Михайловский вынужден был терпеть интеллектуальное поражение от ещё более молодого человека, не сумев с тем же успехом мобилизовать на свою сторону «последние слова науки», как это внешне сделал С.: Михайловский полемизировал неудачно и ревновал[80]. Это было тем более не-

[79] *А. М. Скабичевский.* История новейшей русской литературы (1848–1892). 2 изд. СПб., 1893. С. 109–110.

[80] Не будучи марксистом, известный экономист и фабричный деятель старшего поколения И. И. Янжул кратко похвалил книгу С. (*И. И. Янжул.* Промысловые синдикаты, или предпринимательские союзы, для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки. СПб., 1895. С. 402) — и поплатился за это полным прекращением общения с Н. К. Михайловским. «В нескольких строках своей новой книги “Промысловые синдикаты” я сказал комплимент талантливому и остроумному очерку г-на П. Б. Струве, и что с главнейшими его выводами я вполне-де согласен. Моя книга о синдикатах положила конец нашей дружбе с Михайловским, он перестал у меня бывать, посещая Москву, а в «Русском Богатстве» появилась довольно

удачно, что уже через ряд лет С. и его сторонники, закончив триумфальное начало своей борьбы за интеллектуальное лидерство «научного» марксизма против «субъективной социологии» Михайловского как идейного лидера народничества, согласились с выдвинутой Михайловским самой постановкой проблемы соотношения свободы и необходимости и далее развивались в её фарватере.

Выдающиеся интеллектуальные способности С. и многократно отмеченная широта его научных интересов не только делали его, несмотря на возраст, идейным лидером публичного русского марксизма как идейно-политического движения, но и одновременно лишали его психологических мотивов к построению инфраструктуры лидерства, в которой партийная солидарность и политическая лояльность вождям была важнее индивидуальной правоты. Коротко говоря, подобно Энгельсу, С. изначально поставил себя в русском марксизме в качестве интернационального законодателя идейной моды, оставляя за собой полную свободу для личного поиска и саморазвития, учителя партии, а не строителя подполья. При этом нет сомнений, что С. был полноценным участником нелегальной, подпольной революционной работы, в которой традиционно обслуживал «интеллигентскую» часть — создание студенческих кружков марксистского самообразования для подготовки агитаторов в рабочей среде. Позже старый марксист, большевик и поэтому, конечно, радикальный политический противник С., для которых он был бо́льшим образцом ренегатства, чем даже меньшевики, тем не менее лично свидетельствовал, критически рецензируя уже появившуюся партийную историю русской социал-демократии, из которой её авторам уже хотелось вычистить, дезавуировав, С.:

нелепая, но резкая критика о моей книге, написанная, по слухам, моим товарищем и учеником профессором Карышевым» (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 271–272).

в 1890-е годы «Струве не боялся принимать личное участие в делах социал-демократических организаций»[81].

Несмотря на известную высокую самооценку С., источники не содержат никаких свидетельств о том, что он испытывал акты ревности, зависти или личной конкуренции в отношении других идейных лидеров русского марксизма того времени, близких ему поколенчески, — Г. В. Плеханова, М. И. Туган-Барановского, Н. В. Водовозова, С. Н. Булгакова. Видимо, он понимал, как много позже, с большой дистанции засвидетельствовал экономист-теоретик его поколения В. Я. Железнов, что С. «благодаря своим большим аналитическим и одновременно интуитивно-творческим способностям, благодаря своему исключительно глубокому и всестороннему образованию не имел с самого начала своей научной деятельности равноценной конкуренции среди марксистов»[82].

В «Критических заметках» С. впервые легально в России дал изложение не только экономического учения Маркса (что до него сделали управляющий в 1889–1894 гг. Государственным банком, член Совета министра финансов Ю. Г. Жуковский[83] и Н. И. Зибер[84]), но и системы «историко-экономического материализма» и впервые после трудов Г. В. Плеханова и членов группы «Освобождение труда», запрещённых в России, и вообще впервые в российской легальной печати выступил с радикальной критикой народ-

[81] *М. Ольминский.* [Рец.:] Н. Батурин. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906 // Былое. СПб., 1906. № 12. С. 294.

[82] *В. Я. Железнов.* [Современные теории хозяйства] Россия [1927] // Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / Сост. М. Г. Покидченко. М., 2003. С. 280.

[83] См. переиздание его труда, предшествующего изложению доктрины Маркса: *Ю. Г. Жуковский.* История политической литературы XIX столетия. От преддверия до середины XIX века [1871]. М., 2015.

[84] *Н. И. Зибер.* Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. 3 изд. СПб., 1897.

ничества как системы взглядов и теории «самобытного экономического развития» России, сосредоточив её теперь не на старых его вождях в лице А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачёва, П. Л. Лаврова, Л. А. Тихомирова, как это было сделано в последних на тот момент марксистских трудах Плеханова[85], а на актуальной публицистике Н. К. Михайловского, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова, В. В. (В. П. Воронцова) и перешедших на экономический язык Маркса народников Николая -она, Н. А. Карышева, Н. А. Каблукова[86], которым Плеханов не дал марксистской *экономической* альтернативы, дал очерк

[85] На это обратил внимание мемуарист, апологет В. И. Ленина, объясняя особый смысл его нелегальной и на деле мало известной работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», так же, как и «Критические заметки» С., посвящённой критике трудов Михайловского, Кривенко, Южакова и нелегально вышедшей в свет общим тиражом до 175 экземпляров летом—осенью 1894 года (*С. И. Мицкевич*. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. Мемуарная запись. М., 1937. С. 181, 182–183). Исследователь резюмирует: «Широко распространенная версия о том, что [эта работа] произвела переворот в умах молодежи и похоронила либеральное народничество, скорее похожа на историографическую мифологему. (...) Нам не удалось обнаружить значительных доказательств ее широкого положительного или отрицательного восприятия в либерально-народнических кругах». В 1910 году библиограф не смог найти 2 и 3 выпусков, в том числе за границей, и у самого Ленина, в библиотеке Плеханова книги также отсутствовали (*Б. П. Балуев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 166–167). Примечательно, что, готовя и активно обсуждая в переписке из ссылки в Шушенском с родными состав сборника своих статей «Экономические этюды и статьи» (СПб., 1899) и особенно включения в него неопубликованных полемических статей, Ленин ни разу даже не упомянул «Что такое...», хотя цензурные условия вполне позволяли включить эту работу или её вариант в книгу.

[86] «Народники очень любят подчёркивать своё полное согласие с чисто экономическим учением Маркса, особенно с теорией ценности...» (*Н. А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901]. С. 294, прим. 62).

индустриализации и экономического развития России до и после отмены крепостного права в 1861 году. С. заявил здесь о марксистах (и был позже поддержан в этом Плехановым): «Мы считаем наш спор с народниками естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством» — и, ссылаясь на П. Я. Чаадаева, утверждал «единство цивилизации России и Запада»[87]. С. оригинально различил внутри народничества, солидарного в вопросе о возможности «самобытного развития» России, — «западническую» и «славянофильскую» фракции[88] — учение о роли личности в истории (интеллигенции, свободной вы-

[87] *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894. С. 29.

[88] Г. В. Плеханов прежде утверждал лишь славянофильский характер народников как «славянофильствующих революционеров» (*Г. В. Плеханов*. Наши разногласия [1885] // Г. В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264), критикуя их за «мелкобуржуазность». Позже, когда В. И. Ленин стал неизменно отвергать славянофильскую природу народничества, настаивая исключительно на его «мелкобуржуазности», Плеханов настаивал на том, что «наше народничество состояло в тесном родстве со славянофильством» (*Г. Плеханов*. Письмо в редакцию // Голос Минувшего. М., 1913. № 11. С. 307). Подвергая С. критике за «внеклассовое» сближение народничества со славянофильством, Ленин, однако, ни тогда, ни позже не предъявил подобных претензий Плеханову. В целом в начале XX века, до проведённой в СССР идеологической унификации исторических формул, в русском политическом языке уподобление дихотомии народников (неонародников) и марксистов расколу славянофилов и западников — было обычным делом. Даже простой наблюдатель политических споров поэт О. Э. Мандельштам вспоминал, что «в глубокой страстной распре с.-р. и с.-д. чувствовалось продолжение старинного раздора славянофилов и западников» («Шум времени», 1925: главка «Семья Синани») Ещё важнее, что даже руководитель ранней советской пропаганды и цензуры Н. Л. Мещеряков, сам участвовавший в начале 1890-х гг. в названных спорах, писал в исторической экспозиции: «Старое славянофильство и западничество надели на себя новые одежды. Первое выступило в костюме народничества, а второе под видом социал-демократии» (*Н. Мещеряков*. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции) М., 1922. С. 63) .

бирать путь развития своего народа) и учение об особой судьбе русского народа, которые соответственно представлены Лавровым, Михайловским и Южаковым — и В. В., В. С. Пругавиным и И. И. Юзовым (Каблицем), с другой стороны. Именно в этом контексте прозвучала знаменитая формула, повторённая С. вслед за Г. Зиммелем, о том, что марксизм «игнорирует личность как социологически ничтожную величину»[89] и поэтому русская интеллигенция и её народнические вожди — в вопросе об историческом развитии России — «кучка идеалистов, мечтающая о сохранении «устоев», есть в *социологическом* отношении quantit négligeable (...) Мы нарочно подчёркиваем, что считаем «кучку идеалистов» quantit négligeable в *социологическом* отношении, так как вполне признаём и её интеллектуальную мощь, и её великое этическое значение», по сравнению с пролетариатом — ««бессословная интеллигенция» не есть реальная общественная сила»[90]. Из этого полемического поля в последующей русской литературе выросла известная полемика между С. и С. Н. Булгаковым в 1896–1897 гг. о поставленной в результате применения кантианства к марксизму в труде Р. Штамлера «Хозяйство и право» о проблеме соотношения «свободы и необходимости»[91], развитая в трудах П. И. Новгородцева, и последующие штудии Пле-

[89] *П. Струве.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 30.

[90] Там же. С. 70–71.

[91] В этой полемике С. продолжал позитивистски и «ортодоксально» выводить общественный идеал целиком из данных науки, а Булгаков, значительно ранее С., уже выступал с более творческих позиций, близких кругу московских университетских идеалистов и правоведов, выступавших за «возрождение естественного права»: «В результате полемики с Штамлером и Струве для меня выяснилось, что идеал даётся не наукой, как это думает настоящий марксизм, а «жизнью», следовательно, он вненаучен или ненаучен и в этом смысле относительно науки автономен» (*С. Н. Булгаков.* Задачи политической экономии [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 695, прим.)

ханова о «роли личности в истории». Выступление Булгакова в московском журнале «Вопросы философии и психологии» со штудией о сфере социального идеала фактически открыло журнал и для самой тематики, и для участия в дискуссии С. и Н. И. Кареева, и для дальнейшего сближения петербургского «критического марксизма» с московской университетской средой и кругом журнала «Вопросы философии и психологии». Естественным фоном для неё были систематические и полемические тексты С. Н. Трубецкого и В. С. Соловьёва, направленные против доминировавших в издании проблем позитивизма, психологии и гносеологии, в частности программная статья С. Н. Трубецкого «В защиту идеализма» (1897). Именно «в защиту идеализма» (и по аналогии с отвергаемой и революционными марксистами, и самим С. серией статей 1897–1898 гг. «Проблемы социализма» идеолога СДПГ и реформиста-ревизиониста Э. Бернштейна, собранных в книгу в 1899 г.) планировал в 1901 году сборник «Проблемы идеализма» С., который он реализовал в союзе с П. И. Новгородцевым и московским кругом идеалистов С. Н. Трубецкого. Видимой для современников была и сознательная перекличка с «идеалистами сороковых годов» (1840-х), заложившими основы русского идейного западничества[92].

Откликаясь на рецензию Булгакова на книгу Штамлера в «Вопросах философии и психологии», С. действовал вполне лояльно по отношению к марксистской доктрине, радикально отделяя её партийную историческую проповедь от любых гносеологических методик, применяемых её сторонниками на пути партийности. Главное в этой дискуссии С. с Булгаковым о громкой новой книге из круга германской социал-демократии состояло в том, что она вполне ве-

[92] Модель их типового описания, выработанную в сочинениях П. В. Анненкова, Ф. М. Достоевского, А. Ф. Писемского, Б. Н. Чичерина, см. в позднем очерке Н. А. Бердяева «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Глава II).

сомо показала интегрированность молодых русских марксистов в интернациональную марксистскую дискуссию и одновременно обнаружила в них достаточно самоуважения и доктринальной и академической квалификации, чтобы они могли уже в 1896–1897 гг. свободно и самостоятельно решать вопрос о Privatsache. Можно прямо сказать, что в русском марксизме тогда не было иных сил, кто мог бы выступить в этой сфере наравне с Булгаковым и С., хотя и без каких бы то ни было философских открытий. Никто из марксистов, в общем, даже недоумевая от герметичности спора, и не протестовал. С. писал в полемике с Булгаковым, из всех сил изображая наличие интеллектуальной традиции в России там, где пока было лишь кричащее одиночество двух собеседников:

> «Живое обсуждение т. н. «экономического материализма» или материалистического понимания истории вновь поставило на очередь вопрос о соотношении между свободой и исторической необходимостью. Материалистическое, — или мы охотнее станем говорить — экономическое понимание истории есть грандиозная попытка ввести историю человечества в систему *научного опыта*, основным формальным понятием которого является необходимость или закономерность в смысле строгой причинности.
>
> Но история в то же время *делается людьми*, стремящимися к осуществлению *своих целей*, действующими во имя *своих идеалов*. Ставить цели и стремиться к их осуществлению можно только при сознании своей свободы. С другой стороны, научное познание и понимание явлений мыслимо лишь под руководством идеи необходимости, прямо противоречащей идее свободы. (...)
>
> Исход из этого противоречия, по-видимому, один — в метафизике. Этот исход указан Кантом, Шеллингом и Шопенгауэром, каждым на свой лад. Эти три философа прекрасно понимали занимающее нас противоречие, понимали во всей его глубине. Канту мы и обязаны его раскрытием,

после которого тщетны все попытки объединить свободу и необходимость в одном высшем начале.[93] Штамлер в своем сочинении «Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung» с полною силою вновь противопоставил свободу и необходимость. В этом главное значение и основная заслуга полемики Штамлера против материалистического понимания истории. Такая постановка вопроса, как справедливо указывает г. Булгаков[94], вынуждает у представителей этого учения самокритику. (...) Считаю нужным заметить, что я стою при этом на той же самой почве, что и г. Булгаков: мы оба одновременно — сторонники критической философии и материалистического понимания истории[95]. Опровергая Штамлера, г. Булгаков говорит и слишком мало, и слишком много. Все здание социального

[93] Читатель, знакомый с моими «Критическими заметками к вопросу об экономическом развитии России» (СПб. 1894), заметит в предлагаемой статье уклонения от высказанных в моей книге взглядов. Но мне кажется, что я только подвинулся дальше в том направлении, в котором написана моя книжка. Один из моих немилостивых критиков (г. Михайловский) заметил, что я «напрасно» пытаюсь опереться на критическую философию. Дальнейшее развитие литературы и собственная работа мысли, наоборот, убеждают меня, что это было вовсе не «напрасно». — *Прим. Струве*.

[94] Вопросы философии. 1896 г., ноябрь—декабрь. — *Прим. Струве*.

[95] Это сочетание критической точки зрения и материалистического понимания истории показывает, что последнее по существу нисколько не связано с материалистическою метафизикой. Генетическая связь экономического материализма и материалистической метафизики неоспоримо доказывается главой о французском материализме в «Heilige Familie» Маркса. В мировоззрении Энгельса материалистическое понимание истории и материалистическая метафизика составляли прочное психологическое единство. Но ни генетическая связь, ни психологическое единство этих учений у Маркса и Энгельса не обусловливают их систематического или логического единства. Материалистическое понимание истории заявляет свои притязания лишь на «das fruchtbare Bathos der Erfahrung» и не нуждается ни в какой метафизике. См. мою статью о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Арсеньева и Петрушевского. — *Прим. Струве*.

идеализма, возведенное Штамлером, нисколько — выражаясь юридически — не конкурирует с материалистическим пониманием истории. (...) Свобода беззаконна. Впрочем, другого *философского* смысла, кроме отрицания необходимости или закономерности, слово *свобода* и не имеет. (...)

Материалистическое понимание истории в его применении к современной нам жизни и является именно попыткой показать историческую необходимость определенного социального идеала. Говорят — и я тоже говорил это, — что научный коллективизм выводит свой идеал из социально-экономической действительности. Это верно и в то же время неверно. Идеал, конечно, вырос из условий действительности, как это всегда бывает со всеми идеалами, но для каждого действующего субъекта, сознательно строящего идеал, и для массы, стихийно или тоже сознательно к нему стремящейся, он представляет психологическое prius по отношению к действительности и действующим в ней силам. В научном исследовании этой действительности идеал ищет лишь признания за собой реальности и необходимости. Таков и был действительный ход развития современного коллективизма от утопии к науке. Идеал остался неизменным[96], изменился лишь взгляд на условия его реализации. Сам же идеал стоит вне науки, или, если хотите, выше ее, хотя и нуждается в научной санкции. (...)

Итак, научным является тот идеал, который в своей картине будущего заключает возможно больше элементов необходимости. Круг никогда не может оказаться совершенно зачерченным, по крайней мере, для психологического сознания; это означало бы смерть идеала и деятельности. Но чем меньше будет целый сегмент нашего круга, тем увереннее будем мы в нем двигаться, т.е. действовать. Удивительное и вполне заслуженное обаяние основанного на материалистическом понимании истории представляет наиболее удовлетворяющее современному научному духу

[96] Конечно, в общих чертах. — *Прим. Струве*.

соотношение необходимости и свободы. (...) Тут необходимость не противоречит свободе, а поддерживает ее. В этом смысле за гносеологически совершенно несостоятельным определением Энгельса, что свобода есть «познание необходимости», скрывается величайшая психологическая истина. (...)

Материалистическое понимание истории не претендует давать ответ на вопрос: что делать? этот вопрос решается в другой инстанции — интересов и идеалов, оно говорит лишь: как делать. И этой теории как раз достаточно, не слишком мало и не слишком много, для исполнения завета Фихте: Man muss nicht nur kampfen, sondern auch siegen wollen[97]»[98].

Несмотря на то, что в России главными распространителями экономической доктрины марксизма уже стали статусные интеллектуалы Зибер и Ю. Г. Жуковский, а влияние её очевидно и в «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве», прочитанных наследнику престола министром финансов С. Ю. Витте в начале 1900-х, более всего с марксизмом знакомила широко легализованная в прессе, статистике, университетах народническая интеллигенция, в 1870–1880-х гг. перешедшая на марксистскую платформу при описании мирового и западного прогресса, из которого она временно исключала полуфеодальную Россию, в которой был недостаточно развит капитализм. Казалось, что если Энгельс ждал свершения социалистического переворота в Германии уже в течение 1890-х гг. (внешним противником коего станет Россия), то Россия уже не имеет времени для капиталистического развития перед на-

[97] «Нужно стремиться не только к борьбе, но также и к победе» (*нем.*).

[98] *П. Б. Струве.* Свобода и историческая необходимость // Петр Струве. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб., 1902. С. 487–507. Впервые: Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 120–139.

ступлением эры социализма. В отрицании перспектив развития капитализма в России народники находили частичную поддержку у Энгельса, но более всего — у охранителей, составлявших в России весомую часть правящего слоя. Предсказуемо, что критики «государственного народничества», старого славянофильства и уже институционализированного народничества П. Н. Милюков, В. С. Соловьёв, Г. В. Плеханов этот их идейный стык воспринимали как признак их взаимного вырождения. В поле критики родилось и понятие «легальное народничество», призванное дискредитировать или, наоборот, глорифицировать его как нечто не революционное[99]. Ясно, что эта шкала революционности даже внутри пропаганды выглядит продуктом

[99] Об этом подробно: *Б. П. Балуев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *В. В. Зверев*. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. М., 1997; *Г. Н. Мокшин*. Русское легальное народничество 60–90-х годов XIX века. Очерки истории и историографии. Воронеж, 2005; *Г. Н. Мокшин*. Что такое «легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. Саратов, 2011. Т. 11. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. Плеханов в своих ранних марксистских работах 1880-х гг. «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» уже различал в народничестве «революционное» и «легальное» («мирное»). При этом исследователь справедливо замечал, что «вряд ли логично называть либеральное народничество легальным, одновременно противопоставляя его народничеству Чернышевского как революционному, ведь Чернышевский тоже проповедывал свои взгляды в легальной прессе. Но, к сожалению, и сейчас некоторые последователи вслед за Плехановым, оперируют этим термином» (*Б. П. Балуев*. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 146–147). Впрочем, само употребление слова «легальный» в русском языке конца XIX века тесно сопровождалось противопоставлением его «нелегальному», «подпольному», а легальность понималась не как приспособление к условиям легальности, а как публичное признание того, что прежде существовало исключительно в подполье. Например, К. Н. Леонтьев в письме к В. М. Эберману от 1 мая 1890 упоминал «легальных нигилистов» (Неизданные письма Константина Леонтьева / Публ. Д. Соловьёва // Звезда. СПб., 1993. № 3. С. 152).

чрезмерного радикализма, полагающего революционность исключительно в виде непрерывной смерти на баррикадах.

Когда народничество дошло до своего этаблирования и в радикальном, и в респектабельном образе и уже подвергалось критике за его превращение в *обыденный политический* фактор, русский марксизм оставался исключительно интеллектуальным изыском на кафедре или в подполье. Плеханов, уже в начале 1880-х нашедший в России массовый промышленный пролетариат и, следовательно, индустриальный капитализм и, следовательно, полагавшийся на социал-демократическую перспективу, жил в эмиграции и в России оставался практически неизвестен.

Главным нервом своей полемики против народничества С., философски присягая «критическому позитивизму», сделал противопоставление «экономического материализма» («исторического материализма») К. Маркса и Ф. Энгельса и «субъективного идеализма» русской радикальной интеллигенции (согласно самоопределению Михайловского), из рецепции которого уже в конце 1890-х гг. выросла мощная синтетическая неонародническая традиция, в 1900–1930-х породившая плодовитое поколение русских социалистических мыслителей, соединявших опыт недогматического марксизма и его «ревизионистской» критики с русской идеалистической философией и практикой русских социал-демократов и социалистов-революционеров.

Вызванная первой книгой С. полемика его с интеллектуальным лидером социалистического народничества того времени Н. К. Михайловским изначально сконцентрировалась на проблеме (впоследствии афористически развитой Бердяевым в его статье в сборнике «Вехи») взаимоотношений свободы и необходимости, сущего (правды-истины) и должного (правды-справедливости), способности идеологов развить, внести в общество и реализовать политический идеал свободы и социализма (коммунизма), равно отрицающий самодержавный строй и капиталистическую эксплуатацию. Это представление о свободе

политической воли в деле изменения направления экономического развития страны в сторону социализма основывалось на презумпции отсталости России от Запада и отсутствии в ней собственных корней для самодостаточного роста капитализма. Одновременно проблема развития капитализма в России актуализировала теорию французских экономистов-физиократов и их последователей о фундаментальности и самодостаточности земледелия как основы для «изолированного государства» (И. Тюнен), которая в применении к Германии была предвосхищена И. Г. Фихте и развита Ф. Листом в доктрину протекционизма в интересах суверенного промышленного развития и национального объединения Германии и защиты её от экономической конкуренции Англии. В 1870–1880-х гг. доктрина Ф. Листа была успешно реализована канцлером Бисмарком в Германии, что сделало её живым политическим примером для русской оппозиции, которая увидела тесную связь экономического роста с основами парламентаризма, устойчивой политической свободы и активной социальной политики государства. Одновременно масштабный голод в России 1891–1892 гг., ставший национальным бедствием, поставил под вопрос и экономическое выживание сельской общины как народнической «ячейки» социализма и способность самодержавия эффективно управлять аграрным развитием страны вне капиталистического пути. Это нанесло серьёзный удар по славянофильскому консенсусу самодержавной власти и народнической оппозиции и создало основу для консенсуса марксистов и правительства, проводившего интенсивную индустриализацию России. Однако народники утверждали, что разорение крестьянства в любом случае лишает капитализм в России перспективы, ибо лишает его внутреннего рынка, обязывая русскую буржуазию вести при поддержке государства борьбу за колонии в конкуренции с великими державами, к чему Россия объективно не приспособлена. Вопрос о внутреннем рынке

для капитализма стал центральным в полемике марксистов против народников, которым в итоге пришлось признать, что пролетаризация деревни ведёт к росту городского населения и промышленности. Именно марксистов в этом споре поддержал «индустриализатор» Витте, позже явно вступив в полемику на их стороне и фактически повторяя и развивая их аналогии между континентальными масштабами России и Северной Америки: «Раскинутая на обширном пространстве, на сплошной территории, обеспеченная всем необходимым для достижения высшей степени экономического развития Россия сама представляет единственный по величине рынок сбыта, и её международные торговые сношения являются для неё не вопросом существования, а лишь способом естественного и потому мирного обмена излишков. В колониальной политике Россия не нуждается»[100].

«Критические заметки» С., выйдя в свет значительным тиражом в 1200 экземпляров, сразу попали в центр внимания власти и оппозиции не только как манифест русского марксизма, но и как аргумент в пользу политики индустриализации, проводившейся С. Ю. Витте. Имея в виду эти толкования, Ленин («Что делать?», 1902) ввёл в поли-

[100] *С. Ю. Витте.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 237.

В эмиграции это авторское мифотворчество С. достигло особых высот: «В моё духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И. С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессианизма как в его консервативной, так и в его революционной редакции, вошли определяющим образом, как одно из самых важных «влияний», породивших тот строй идей, первым выразителем которого я явился в русской исторической и философски обоснованной публицистике и который стал известен под внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения наименованием “легальный марксизм”...» (*П. Б. Струве.* И. С. Тургенев как политический мыслитель [1933] // П. Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981. С. 212).

тический оборот понятие-теорию «легального марксизма» во главе со С., согласно которой «легальный» изначально был ревизионистским и реформистским, а «нелегальный» во главе с самим Лениным — истинным и революционным. Уже в середине 1900-х, также исходя из политических интересов, эту теорию поддержал С. При этом игнорируются те факты, что Ленин стал автором многочисленных легально изданных работ, С. вёл активную нелегальную работу, в том числе вместе с Лениным, а «нормативов» истинного марксизма тогда просто не существовало, ибо они были разработаны лишь в СССР. Несмотря на широкое распространение даже в современной литературе этого понятия в применении к С., оно не имеет особого предмета описания, поскольку в легальной сфере работали все без исключения литераторы-марксисты, а появившееся в 1899 году условное разделение марксистского движения на «критиков» и «ортодоксов» никак не отражалось на подпольной деятельности его участников ни до, ни после этого[101]. «В период между 1894 и 1899 гг. российская социал-демократия выступала единым фронтом», резюмирует немецкий исследователь темы, указывая на активное участие «ортодоксов» Ленина и Плеханова в легальной печати (хоть и под псевдонимами)[102].

Осознанный отказ С. от использования псевдонимов в его главных марксистских трудах и его ставка на максимальное использование легальных институций для прямой пропаганды марксизма (Вольное экономическое общество, легальная периодика, праздничные студенческие вечера

[101] О бессмысленности и пропагандистском характере понятия «легальный марксизм»: *Р. Пайпс*. С. 181–182. Специальный критический очерк по истории понятия и независимая от труда Р. Пайпса развёрнутая аргументация в пользу его научной негодности: *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5.

[102] *Йоахим Цвайнерт*. История экономической мысли в России. 1805–1905 [2002] / Пер. под ред. В. С. Автономова. М., 2008. С. 298.

в Санкт-Петербургском университете) требовали его личного участия под своим именем. Образцом для этого, несомненно, служила практика германской социал-демократии, где все марксисты были «легальными», а ведущие идеологи не скрывали своих подлинных имён, формируя партийную доктрину в непрерывных публичных дискуссиях. Для всех легальных и нелегальных последователей Маркса в России С. надолго стал первым политически публичным марксистом и социал-демократом в стране. Один из первых университетских марксистов в Москве, активный автор и редактор марксистских изданий, доверенный посредник в отношениях российских социал-демократов с эмигрантом Г. В. Плехановым, зять главной марксистской издательницы 1890-х — начала 1900-х гг. М. И. Водовозовой С. Н. Булгаков свидетельствовал: «когда были напечатаны его [С.] «Критические заметки», то «все мы считали, что появился гений»[103]. Каутский в письме к Плеханову ряд лет спустя, в 1901 (!) году, когда в России размежевание «критиков» и «ортодоксов» марксизма уже достигло финала, зная всё личное ожесточение, с которым Плеханов публично выступал в 1898–1899–1900 годах против Бернштейна, К. Шмидта и С., продолжал оценивать значение С. как международной фигуры социал-демократии очень высоко:

> «Многие из молодых марксистов — неокантианцы (я имел в виду Струве, Виктора Адлера в Австрии, Конрада Шмидта, Вольтмана, Бернштейна (...))... некоторые из этих марксистов-неокантианцев — наши лучшие головы (Бернштейн, Струве, Адлер), но я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя одной из этих лучших голов»[104].

[103] *Н. А. Цуриков.* Мои встречи с о. Сергием Булгаковым (1908–1934) // Н. А. Цуриков. Прошлое / Сост. В. А. Цуриков. М., 2006. С. 346.

[104] К. Каутский — Г. В. Плеханову, 6 февраля 1901 // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. С. 172.

Бывший социал-демократ и профессиональный историк Г. П. Федотов десятилетия спустя в эмиграции ответственно свидетельствовал о С., Туган-Барановском и Булгакове: «Русские марксисты сумели выдвинуть ряд действительно талантливых учёных. На целое десятилетие экономические вопросы заслонили в России даже политические, сделавшись основными («теологическими») для интеллигентского мировоззрения. (...) Русские марксисты, как в экономике, так и в истории, во всяком случае, не имели себе равных на Западе»[105].

Вслед за книгой С., в декабре 1894 на средства его близкого сотрудника и друга А. Н. Потресова была издана первая легальная русская книга Г. В. Плеханова (Н. Бельтова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой Плеханов, изложив свою доктрину марксистского «диалектического материализма», взял С. под защиту и тем придал ему вес равного первого систематика марксизма в России. Плеханов даже практически сравнил С. с молодыми Марксом и Энгельсом, также подвергшимися несправедливой (и в случае С. — явно недобросовестной из уст русских народников) критике за признание исторической обоснованности и «школы» (у С. — «выучки») капитализма и якобы оправдание вызываемых им социальных бедствий в Германии, каковой был подвергнут С. в России со стороны С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловского[106]. С. вы-

[105] *Г. П. Федотов.* Наука в России [1940-е] // Г. П. Федотов. Собр. соч. в 12 т. Т. 7. Статьи в журналах (...) / Под ред. С. С. Бычкова. М., 2014. С. 417.

[106] *Н. Бельтов.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и К° [1894] / Под ред. С. Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 231–233, 235, 241; в развитии полемики с Михайловским, выступившим против книги С. в «Русском Богатстве» (1894. Кн. X): [Г. В. Плеханов] Ещё раз г. Михайловский, ещё раз «триада» [1894] // Там же. С. 261. Здесь же — вполне комплиментарное адвокатирование Плехановым С. за его «очень неосторожное» выражение «признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму» с помощью ссылки на подобные же «неловкости» В. Г. Белинского.

соко оценил эту книгу Плеханова в ряду других его трудов по философии материализма, не разделив, однако, его материалистического пафоса: «русская книга Бельтова «Монистическое понимание истории» — по-моему, наилучшее изложение историко-философских основ ортодоксального марксизма»[107].

В противоположность первому популяризатору марксизма в России Н. И. Зиберу[108] и С. (а затем и М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков), Плеханов положил здесь, в книге Бельтова, начало новой терминологической традиции в русском марксизме, поддержав перевод термина Wert не как «цена»[109], а как «стоимость», что затем приняли на вооружение В. И. Ленин и И. И. Скворцов-Степанов[110]

[107] *Пётр Струве*. Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А. В. Чусова под ред. Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 99, прим. 14.

[108] *Н. И. Зибер*. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. Изд. 3. СПб., 1897.

[109] *Н. Бельтов*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С. 43. Первые переводчики «Капитала» на русский язык Г. А. Лопатин и Н. Ф. Даниельсон в 1872 г. перевели Wert как *стоимость* согласно тогдашним толкованиям К. Маркса, которые были им пересмотрены уже в 1873 г. (*В. Я. Чеховский*. О переводе Марксова «Wert» на русский язык // Вопросы экономики. М., 2008. № 1 (автор призывает вернуться к переводу *цена*). Оппонент настаивает на общетеоретической верности перевода *стоимость*: *Л. Л. Васина*. «Ценность» versus «стоимость» // Альтернативы. М., 2015. № 2 (87)), но были оставлены без внимания Н. Ф. Даниельсоном при двукратном переиздании его перевода в 1898 г.

[110] В том же 1898 г. С. в качестве редактора нового перевода «Капитала» уделил особое внимание точному переводу Wert как цены («Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в «Капитале», является понятие ценность. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого Wert, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова» (*П. Б. Струве*. Предисловие редактора русского перевода // К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. СПб., 1898. С. XXVIII): этот перевод в 1900-х годах Плехановым (Редактор журнала М. М. Филиппов, следуя консенсусу, без санкции

и вся советская наука[111]. Это оставило всю прежнюю терми-

Г. В. Плеханова исправил его *стоимость* на *ценность*: *Н. Карелин*. Заметки читателя по поводу «упразднения» Туганом-Барановским и Струве учения Маркса о норме прибыли // Научное Обозрение. 1900. № 10. С. 1725–1735; № 11. С. 1922–1936. В полемике по существу перевода Плеханов заявил, что считает перевод *стоимость* более удачным, чем *ценность* (*Г. П.*: [Рец.:] С. Франк. Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд. СПб., 1900 // Заря. Stuttgart. № 2–3: Декабрь 1901. С. 325, прим.)) и Лениным (Тот же М. М. Филиппов так же произвольно исправил Ильину-Ленину *сверхстоимость* на *сверхценность*: *Владимир Ильин*. Заметка по вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова) // Научное Обозрение. 1899. Январь. № 1. С. 37–45. Тем не менее Ленин далеко не сразу решился идти против традиции, пока она представила ему в лице С. и Булгакова: ещё в конце 1890-х он не имел готового терминологического решения, приводя в своих конспектах спорное понятие без перевода, на немецком Wert: *В. И. Ленин*. Тетради по аграрному вопросу. М., 1969. С. 6) и его последователями был отвергнут в борьбе против С., в новом переводе И. И. Скворцова была вновь введена *стоимость* (изд. 1907–1909).

[111] В. В. Сапов акцентировал внимание (*С. Н. Булгаков*. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903. С. 899, 935) на важном разъяснении Б. П. Вышеславцева (в его книге 1953 года «Кризис индустриальной культуры»): «Здесь необходимо сказать несколько слов о неудачном переводе слова Wert, установившемся в советской науке. Этот перевод филологически неверен, философски безграмотен и покоится на непонимании духа языка. «Стоимость» совсем не соответствует немецкому слову Wert и всецело соответствует немецкому слову Preis. «Сколько стоит?» означает по-немецки Was kostet? Поэтому «стоимость есть Kostenpreis». «Стоимость» выражает то, что политическая экономия и Маркс называют «ценой» в отличие от «ценности». Это важное противопоставление уничтожается при пользовании термином «стоимость», ибо стоимость и есть цена. Но нелепость перевода достигает своего предела, когда мы имеем дело с «потребительной ценностью»: дело в том, что огромная потребительная ценность может не иметь никакой стоимости. Воздух и вода имеют великую ценность, но «ничего не стоят». Это безвыходное затруднение марксистские переводчики «Капитала» В. Базаров, И. Степанов и А. Богданов принуждены были открыто признать (предисловие к «Капиталу». Киев — Нью-Йорк, 1929): если ещё и возможно, говорится здесь, Tauschwert перевести как «меновую стоимость», то логика требует, чтобы Gebrauchswert переводилось как «ценность» (ибо она может не иметь стоимости!). Переводчики в заключение при-

нологическую традицию С. (которая в этой части была плодом консенсуса в русской науке[112]) с его теоретическим ря-

нуждены сознаться, что этот термин «не совсем удобен» и «не логичен». Другое основание для сохранения термина «ценность» состоит в том, что широкое философское понятие Wert как раз передаётся русским словом «ценность»: можно говорить о ценностях научных, эстетических и, наконец, экономических. И эти ценности суть объективные ценности. В этом преимущество термина Маркса: экономические ценности входят в универсальную систему ценностей. Термин «стоимость» даёт не перевод, а безграмотное исправление Маркса. Единственный довод, который мы встречаем у русских марксистов против термина «ценность», состоит в том. что ценность будто бы означает субъективную оценку. Верно как раз обратное. Современная философия давно установила объективное значение ценностей. Оно на каждом шагу применяется и марксистами (...)».

[112] Политико-экономическое понятие «ценность» при переводе понятия Wert в России 1870-х — начала 1900-х гг. употребляло абсолютное большинство экономистов вообще и марксистов, в частности: Ю. Г. Жуковский, Н. И. Зибер, неизвестные марксисты-нелегалы и кружка Бруснева (брошюра «Что теория ценности должна разъяснять?» (1891–1892?) была изъята у брусневца при аресте (Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Книги и периодические издания. Часть IV. М., 1971. С. 775 (№ 2150)), коллега Бруснева по руководству кружком В. С. Голубев (*В. Голубев.* [Рец.:] Б. С. Труд и капитал. М., 1897 // Образование. 1897. № 4. С.192), ранний В. А. Базаров (*В. Базаров*. Труд производительный и труд, производящий ценность. СПб., 1899), С. С. Штейнберг и А. М. Воден (*Освальд Кюльпе.* Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901), П. Нежданов (он сам употреблял понятие «ценность», но констатировал наличие двух «партий» вокруг перевода *цены-стоимости*: *П. Нежданов*. О старом вопросе (По поводу новой книжки: Е. Смирнов. Цена и трудовая стоимость). СПб., 1903. С. 25, прим.), С. Н. Булгаков (*С. Булгаков.* О некоторых основных понятиях политической экономии. I. Ценность // Научное Обозрение. Февраль 1898. № 2. С. 330–353), С. Л. Франк, М. И. Туган-Барановский (он принципиально различал и одновременно употреблял оба понятия, следуя их «психологическому» и «социальному» смыслам: *М. И. Туган-Барановский*. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015 (Отдел II. Ценность и прибавочная ценность)), ранний А. А. Богданов (*А. Богданов*. Обмен и техника // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. СПб., 1904. С. 279–344.

дом «цена — ценность» в стороне от русской политической экономии XX века, но в широком философском контексте интернациональной «австрийской школы»[113].

Богданов употреблял *ценность* и *стоимость* на равных, но в полемике против субъективно-психологической теории, политической экономии Струве, Франка, Туган-Барановского), А. Ю. Финн-Енотаевский (*А. Финн.* Промышленный капитализм в России за последнее десятилетие // Очерки реалистического мировоззрения. СПб., 1904. С. 345–408), А. Сурков (Васильев) (*А. Сурков.* Экономические статьи наших журналов // Жизнь. 1900. Октябрь. Том X. С. 321–330), П. П. Маслов (*П. Маслов.* [Рец.:] С. Л. Франк. Теория ценности Маркса... // Жизнь. 1900. Декабрь. Том XII. С. 392–395), А. А. Санин (*А. Санин.* Экономические иллюзии. III // Научное Обозрение. Апрель 1899. № 4. С. 824–839), М. М. Филиппов (*М. Филиппов.* Опыт критики «Капитала» // Научное Обозрение. 1899. № 6. Июнь. С. 1090–1109), П. А. Берлин (*П. Берлин.* [Рец.:] Das Ende des Marxismus von D-r Paul Weisegruen. Leipzig, 1899 // Научное Обозрение. 1899. № 6. Июнь. С.1238–1241), Ю. О. Мартов (*Г. Геркнер.* Рабочий труд в Западной Европе [/ Перевод Л. Мартова] СПб., 1899. Идентификация автора перевода — в переписке его близких родственников и единомышленников: *В. О. Цедербаум* — Ю. О. Мартову. 12 мая 1899 // РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 27. Л. 9 об.), В. Э. Ден (*В. Э. Ден.* К учению о ценности. Три очерка: А. Смит, Д. Рикардо, К. Родбертус. СПб., 1895), Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова (СПб., 1899. Стлб. 1241–1242 (Маркс)), переводчики А. Лабриолы (*Антонио Лабриола.* Исторический материализм и философия (письма к Сорелю). СПб., 1900. С. 13; *А. Лабриола.* К «кризису марксизма». Киев, 1905. С. 11), П. Фишера (*П. Фишер.* Теория ценностей. Введение в изучение К. Маркса. Киев, 1907), А. А. Мануилов, А. Н. Миклашевский, В. А. Косинский, М. Н. Соболев, Н. А. Каблуков (Протокол заседания Московского юридического общества 9 октября 1895 года // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 725–727), Л. Н. Канцель (*Э. Бернштейн.* Исторический материализм / Пер. Л. Канцель. СПб., 1901). См. развитие этой терминологической традиции в эмиграции: *С. И. Гессен.* Правовое государство и социализм [1924–1925] // С. И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 209.

[113] Русский перевод марксового термина Wert как «ценность» давал русским адептам австрийской школы политической экономии плодотворные выходы к сопредельным сферам философии и социологии (осо-

Одновременно Плеханов, выстраивая схему генезиса марксизма, включил в неё французских материалистов XVIII в. Гольбаха и Гельвеция, французских историков времён реставрации Тьерри, Минье и Гизо, социалистов-утопистов Фурье, Оуэна и Сен-Симона (и в их контексте народники — «наши утописты»[114]), немецкую идеалистическую философию Гегеля и Шеллинга. Опираясь на формулу Шеллинга «в свободе должна быть необходимость», Плеханов, подобно С., боролся с народническим подчинением экономической «необходимости» идущей капитализации крестьянской России — «свободе» антикапиталистического выбора интеллигенции в пользу общинного крестьянского социализма — и трактовал подлинную свободу как реализацию исторической необходимости[115] (он назвал здесь народников «нашими утопистами» по аналогии с утопистами французскими и немецкими: это определение потом было детально развито у С.). В духе времени Плеханов, даже пропагандируя политический смысл «диалектиче-

бенно С.: «работы Струве по методике политической экономии близко подходят к той области, где философия сливается с социологией. Благодаря сопредельности областей, всё новейшее развитие философии отпечаталось на социологических исканиях» (*Леонид Габрилович*. Новейшие русские метафизики. С. 647). Работая над своей неоконченной книгой «Основы политической экономии», Струве писал сыну Льву Струве, экономисту, 17 ноября 1922: «Основные положения моей системы: положительная ценностная разность есть категория менового, основанного на цене (и деньгах), хозяйственного уклада, потому и «прибавочная ценность» не только есть, но не может даже мыслиться иначе как некоторый итог “обмена”» (ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Д. 218. Л. 53.)). Богатый понятийно-лексический подтекст в связи «цена — ценность — оценка» в немецком языке отметил О. Кюльпе, а русские переводчики бережно сохранили в формуле об этике, которая «обладает одним основным понятием, общим ей с эстетикой и политической экономией, а именно — понятием ценности» (*Освальд Кюльпе*. Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901. С. 98).

[114] Там же. С. 57.

[115] Там же. С. 99–100, 128.

ского материализма», не стал утверждать его философскую монополию и уверенно высказался за соединение материализма с практическим идеализмом развития политического сознания пролетариата интеллигенцией: «Маркс и Энгельс поставили себе задачей развивать это самосознание: согласно духу диалектического материализма, они с самого начала поставили перед собой совершенно, исключительно идеалистическую задачу», «мы вовсе не «грубые материалисты»... мы... ставим перед собою, прежде всего, совершенно *идеалистическую задачу*»[116]. Только после того, как в 1898 году душеприказчик Энгельса Э. Бернштейн соединил философский идеализм с реформистской ревизией революционного марксизма, Плеханов начал требовать от С. и других материалистической «ортодоксальности».

Книги С. и Плеханова (Бельтова) сделали вопрос об «экономическом материализме» — «модным» в русской печати[117]. При этом компетентный наблюдатель обнаружил при сравнении обеих книг, что С. «более догматичен», чем Плеханов, и даже «не признаёт никакого значения за идеалами и идеями»[118]. В целом С. и Плеханов, по оценке критика, равно далёкого и от народничества, положительно решили «самый насущный вопрос нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадию экономического развития Западной Европы, которая называется капитализмом», при этом несомненно являясь «врагами капитализма»[119]. При этом,

[116] Там же. С. 233–234, 255.

[117] [Рец.:] Историко-философские и социологические этюды Н. И. Кареева // Русская Мысль. М., 1895. Кн. III. III о. С. 158.

[118] *Л. Е. Оболенский*. Новый раскол в нашей интеллигенции (Н. Бельтов: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» — П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России») // Русская Мысль. М., 1895. Кн. VIII. II о. С. 30, 32.

[119] Там же. С. 30. Такого рода адвокатирование не было излишним, ибо среди современников нередки были обвинения в адрес С. за якобы апологию капитализма (*И. А. Гофштеттер*. Доктринеры капитализма (По поводу книги г. Струве «Критические заметки к вопросу об эко-

по другому свидетельству, всё-таки именно С. собрал своей книгой главный урожай марксистской славы: его «Критические заметки» «долго служили чем-то вроде бумажных скрижалей русского марксизма... соображениям народничества противопоставили какую ни есть теорию... на редкость вовремя»[120]. Во всяком случае, как свидетельствовал современник, «в 90-ые годы, чтобы заслужить звание готового марксиста, требовалось и от юношей, и от барышень ознакомление с Марксом, Энгельсом, Бельтовым, Струве, Зибером и т. д.»[121].

Начиная с 1894 года по протекции К. К. Арсеньева (и по следам Маркса и Энгельса, писавших энциклопедические статьи) С. принял авторское участие в составлении редактируемого им «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, ставшего высшим справочным авторитетом того времени. Здесь С. до 1899 г. опубликовал серию статей по экономике и, в частности, о К. Марксе[122], в которой, в от-

номическом развитии России»). СПб., 1895). Интересно, что позже, в эмиграции, С. с лёгкостью перетолковал свой марксизм именно в этом апологетическом духе.

[120] *Мих. Оленов.* Так называемый кризис марксизма. СПб., 1905. С. 132.

[121] *Ю. П.* Среди общественных валов (Письмо в редакцию) // Полярная Звезда. СПб., 1906. № 13. С. 152.

[122] *С.* Маркс, Карл Генрих // Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». Т. XVIIIa (36). М., 1896. С. 662–667: «В духовном творчестве М. слились три крупные умственные течения новейшего времени: английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия, и дали новый и совершенно своеобразный продукт». Эту формулу С. повторил в статье 1897 года «Наши утописты» (*Пётр Струве.* На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб., 1902. С. 64). Но дидактическая триада, конечно, не стояла и не могла стоять в центре внимания С. и его единомышленников: она лишь выражала основу их философского пафоса, давая — даже в рамках «Проблем идеализма» (1902) устами Энгельса им марксистскую санкцию и социал-демократическую легитимность, дополнительную к программному Privatsache: «Пусть наконец действительно осуществятся известные слова Энгельса, который приводил современный социализм в связь не только с Сен-Симоном, Фурье, Лассалем, Марксом, но и Кантом, Фихте, Шеллин-

личие от упомянутой схемы Плеханова и в развитие суждений Ф. Энгельса об источниках социализма и марксизма в Германии («Развитие социализма от утопии к науке», 1880)[123], впервые была дана формула «трёх источников» (английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский утопический социализм) и «трёх составных частей марксизма», значительно позже ретранслированная (без ссылки на первоисточник в словаре) В. И. Лениным в специальной статье[124], канонизированной в советском марксизме.

В январе 1895 года новый император Николай II принял представителей земств и городов, перед которыми выступил с краткой речью, в которой ответил на либеральные надежды на новое царствование в духе реформ Александра II и расширения уже существующих прав земства на участие в вопросах местного самоуправления. В речи, авторство которой общее мнение приписывало обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, была оглашена формула о том, что надежды на «участие представителей земства в делах внутреннего управления» — «бессмысленные мечтания» и, следовательно, все иные попытки компромиссной либерализации самодержавия — тоже. Воспользовавшись этим поводом и следуя уже архаичному монархическому пафо-

гом, Гегелем. Связь эта существует и должна быть сделана достоянием общественного сознания» (*С. Н. Булгаков*. Основные проблемы теории прогресса [1902] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 533).

[123] «Современный социализм ... выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует ещё и поныне. Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней возникла новейшая немецкая философия, нашедшая своё завершение в Гегеле».

[124] *В<ладимир> И<льин>*. Три источника и три составных части марксизма // Просвещение. СПб., 1913. №3. С. 28–31.

су И. С. Аксакова, С. впервые выступил автором обращения в стилистике некогда лоялистской оппозиции, пробуя играть роль не только в марксистской и социал-демократической политике, но и в политической реабилитации революционеров в глазах умеренной части общества и радикализации биографически близкого ему либерального движения. В нелегально размноженном на мимеографе «Открытом письме к Николаю II», принадлежность которого перу С. вскоре выяснилась, говорилось: «Вы сказали своё слово, и оно разнесётся теперь по всей России, по всему культурному миру... со вчерашнего дня вы стали определённой величиной, относительно которой нет более места «бессмысленным мечтаниям» (...) Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии... дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалёком будущем падёт под напором живых общественных сил. (...) Ваша речь вызвала чувство обиды и удручённости, от которого однако живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других оно обострит решительность бороться с ненавистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать»[125]. Это выступление в соединении с растущей активностью публичных выступлений С. в Вольном экономическом обществе, в которое он вступил в 1895 году, начало создавать ему широкую известность как крайне радикальному представителю в целом единого антисамодержавного освободительного движения, и марксистское кредо С. легитимировало марксизм как новый язык респектабельного общественного знания, использование которого было равно удобным для бюрократической, университетской, политически — либеральной, неонарод-

[125] XXXVI. Открытое письмо к Николаю II // За сто лет. 1800–1896 / Сост. В. Бурцев. Ч. 1. Лондон, 1897. С. 264, 266–267.

нической или собственно социал-демократической среды. А противостоящее этому новому, западническому консенсусу самодержавие получало клеймо устаревшей самоизолированной власти, для которой сама современность была «бессмысленными мечтаниями»[126].

Под впечатлением от успеха книг С. и Бельтова (Плеханова) А. Н. Потресов в 1895 году составил первый марксистский «идейный» сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», который должен был продемонстрировать наличные писательские силы русского марксизма и, в русских интеллектуальных традициях, представить существующим общественное и идейное направление. Оказалось, что из наличных русских марксистских литературных сил в России и за рубежом сборник смог привлечь только П. Н. Скворцова, В. А. Ионова, В. И. Ульянова (Ленина) и А. Н. Потресова, Г. В. Плеханова, С. и Р. Э. Классена[127], но был уничтожен цензурой.

Начиная примерно с 1894 года С. упорно искал возможности для создания легального партийного органа русских марксистов по образцу народнического «Русского Богатства», либеральных «Вестника Европы» и «Русской Мысли»: сохранились глухие свидетельства даже о возможности проекте использования какой-либо газеты для этой цели[128] (например, в её литературно-политическом отделе — подобно тому, как, по общему признанию, именно корреспонденции газеты «Русские Ведомости» из Германии ста-

[126] Даже в советской драматической сказке Е. Л. Шварца «Тень» (1938–1940) был использован его освободительный код, в котором власть характеризовалась в антикатегориях «Открытого письма»: «Тень: Никаких перемен. Как было, так будет. Никаких планов. Никаких мечтаний».

[127] *М. Колеров.* Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887–1947. М., 2000. С. 27.

[128] Первой марксистской газетой в России стал «Самарский Вестник», издававшийся инженером и известным писателем Н. Г. Гариным (Михайловским) в Самаре в 1895–1897 гг.

ли для всего русского общества главной информационной школой парламентаризма и социал-демократии). О периоде 1894–1896 гг. вспоминал тогдашний марксист, однокурсник С. В. А. Оболенский:

> «Когда возникла мысль о издании марксистского органа печати, я получил приглашение от П. Б. Струве и А. Н. Потресова вступить в его редакционную коллегию. Эта коллегия несколько раз собиралась на квартире М. И. Туган-Барановского, обсуждая всевозможные вопросы, связанные с изданием нового журнала. (...) Перечислю здесь всех людей, принимавших участие в наших заседаниях... Это были: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Потресов, В. В. Водовозов, К. К. Бауэр, А. А. Никонов, М. А. Рейтлингер и я. Кроме того членами редакционной коллегии считались живший в провинции А. С. Изгоев и находившийся в ссылке В. И. Ульянов (будущий Ленин) (здесь ошибка памяти мемуариста: во время ссылки Ленина, т. е. в 1897–1899 гг., в свет выходили марксистские журналы «Новое Слово» и «Начало», организованные без участия Оболенского. — *М. К.*). Фактическим редактором был единодушно выбран самый младший из нас П. Б. Струве. Официальным издателем наметили меня, а официального редактора, обязанность которого заключалась в те времена лишь в отбытии тюремного заключения из-за каких-либо «криминальных статей» (таких редакторов имели все оппозиционные журналы и газеты), купили за хорошее жалование. Впрочем, из этой затеи ничего не вышло, так как в моем ходатайстве о разрешении издавать журнал Главным Управлением по делам печати мне было отказано».[129]

В ноябре 1895 года близкие к кругу С. и Потресова петербургские марксисты-пропагандисты среди рабочих, исторически связанные с кружками в Технологическом ин-

[129] *В. А. Оболенский*. Воспоминание о Струве. С. 106.

ституте, создали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Ульяновым и Ю. О. Мартовым, но с декабря 1895 по август 1896 практически всё руководство и активный состав «Союза» был арестован, а в феврале 1897 приговорён к ссылке в Сибирь. «Союз» успел распространить многочисленные листовки, выпустить ряд нелегальных изданий, поддержать массовую стачку петербургских текстильщиков в мае—июне 1896, выдать делегатский мандат Плеханову, С. и Потресову на участие в IV конгрессе Интернационала в Лондоне в июле—августе 1896 года. Русская делегация на конгрессе распространила доклад о стачке текстильщиков, которая, объединив до 30.000 рабочих, действительно стала почти всеобщей, учитывая, что по переписи 1897 года в Петербурге было учтено всего 50.000 рабочих. С. так вспоминал об этом и своём пережитом тогда энтузиазме:

> «Во время этой стачки и после неё пишущему эти строки пришлось быть за границей, и он никогда не забудет того внимания и того огромного интереса, с которым западноевропейские рабочие и социалисты относились к известиям приходившим тогда из Петербурга. Мне пришлось в эти дни — по поводу стачки и материальной поддержки её участников — беседовать с вожаками германской социал-демократической партии, с покойным Либкнехтом, с Бебелем, с Зингером, и в первый раз из их уст услышать признание того, что с весны 1896 года русское фабричное движение не есть уже мечта кучки интеллигентов-социалистов а факт русской действительности, засвидетельствованной поведением рабочих масс»[130].

У хорошо понимавшего тогдашние условия России вождя СДПГ К. Каутского такая личная стратегия С. вызывала удивление и уважение. Когда в 1896 году С. собрался

[130] *П. Струве.* Привет // Рабочее Слово. № 3. 5 апреля 1906. С. 2.

(и в итоге прибыл) на Международный социалистический конгресс (IV конгресс Интернационала) в Лондоне под своим именем, Каутский писал Плеханову: «мы увидимся в Лондоне? Наш друг Пётр тоже собирается туда. Я должен признаться, что считаю это отчаянной смелостью, так как Лондон, конечно, будет кишеть русскими шпиками, а он и без того уже на подозрении»[131].

2 июня 1897 по всеподданнейшему докладу министра финансов С. Ю. Витте император Николай II издал закон об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности, который существенно развил начальные меры регулирования «рабочего вопроса» по законам 1882 и 1885 гг. и стал существенной основой для возможной социальной политики государства. Закон был воспринят обществом и особенно социал-демократами как серьёзная уступка правительства, вырванная у него забастовкой 1896 года, и внушила им большие надежды одновременно и на перспективы экономической борьбы пролетариата против капитализма (С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова), и на перспективы политического влияния социал-демократии, если бы она смогла возглавить рабочее движение и представить его интересы в широкой освободительной коалиции против самодержавия (Струве). Казалось, что именно социал-демократическая активность находит отражение в политике правительства. Примечательно, что именно тогда, 28 июля 1897 года, по распоряжению Департамента полиции МВД С. был поставлен под негласный надзор полиции[132].

Тем временем в результате трёх волн арестов и ссылок петербургский «Союз» практически прекратил своё существо-

[131] К. Каутский — Г. В. Плеханову 20 июля 1896 // Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3-х т. Т. II: Г. В. Плеханов и международное рабочее движение / Гл. ред. М. Т. Иовчук. М., 1973. С. 160.

[132] Справка СПб. Охранного Отделения от 30 мая 1911 // ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. Д. 59 л. Ч. 2 (1910). Л. 46.

вание, выведя из активной деятельности тех его лидеров, кто стремился соединить практическую пропаганду среди рабочих с политической работой в кругах интеллигенции: в результате вне репрессий сохранились лишь практики низовой работы, обеспечивающие экономические интересы пролетариата и узкий круг социал-демократических публицистов, пропагандировавших в доступной ему печати идеи марксизма и обеспечивавших ссыльным марксистам доступ к легальной литературной авторской и переводческой работе, дававшей им серьёзный заработок. Во главе этого круга, несомненно, стояли А. Н. Потресов, С., М. И. Туган-Барановский в Санкт-Петербурге и Н. В. Водовозов и С. Н. Булгаков в Москве. Однако Потресов был вскоре арестован и сослан, Туган-Барановский не проявил организационных талантов, Водовозов скончался, Булгаков сосредоточился на переводческой работе в издательстве М. И. Водовозовой. В Санкт-Петербурге С. как политический социал-демократ остался практически в одиночестве.

Весной 1897 года издательница трудов Н. А. Добролюбова, Н. К. Михайловского, Н. В. Шелгунова, Н. И. Кареева, С. Н. Кривенко, научно-популярной литературы и ежемесячного журнала «Новое Слово» О. Н. Попова предложила его редактору, одному из лидеров народничества С. Н. Кривенко приобрести безнадёжно убыточный под его редакцией журнал. После отказа Кривенко и выхода всего коллектива народников из числа сотрудников журнала она продала его родственнику С. В. А. Поссе[133], который пригласил возглавить редакцию противостоящих народничеству марксистов во главе со С. и М. И. Туган-Барановским при участии А. М. Кал-

[133] Владимир Александрович Поссе (1864–1940) — был участником демонстрации 17 ноября 1886 у Волкова кладбища в память Н. В. Добролюбова, был знаком с А. И. Ульяновым, за что подвергался аресту. Два старших брата Струве были женаты на сестрах Поссе. Соучениками Поссе по университету были В. В. Водовозов, С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, В. И. Вернадский, В. В. Вересаев (*В. А. Поссе*. От Февраля до Бреста / Публ. В. Ю.Черняева // Русское прошлое. Кн. I. Л., 1991. С. 173–187).

мыковой[134]. Марксистское «Новое Слово», несмотря на то, что никто из руководителей новой редакции не имел редакционного опыта, стал лучшим журналом этого направления до 1917 года, обеспечив на своих страницах консенсус всех наличных партийных и научных сил русского марксизма (кроме редакторов, Плеханова, В. И. Ленина, И. Гурвича, Булгакова, В. Я. Богучарского, Б. А. Кистяковского, Е. Смирнова, А. Н. Потресова, Ю. О. Мартова, Х. Раковского, Л. Крживицкого, Е. Лозинского), деятельное сочувствие немарксистских сил. Член «Приютинского братства» востоковед С. Ф. Ольденбург свидетельствовал, что именно С. был центром редакционных решений, когда вспоминал, что именно на квартире Калмыковой, где жил С., проходили редакционные встречи с Лениным, В. В. Водовозовым, Потресовым[135] (относительно Ленина, он, конечно, ошибся: встречи с ним здесь проходили ранее, а в момент издания «Нового Слова» Ленин был уже с февраля 1897 в ссылке).

Редакция С. обеспечила политическую актуальность «внутренних обозрений» С., следовавшего в этом образцу К. К. Арсеньева, единство петербургского и московского круга авторов, представительную провинциальную хронику, ряд значимых имён в целом пресного литературного материала и квалифицированный рецензионный отдел. С марта 1897 в литературной части новая редакция дебютировала сочинениями М. Горького, И. С. Шмелёва, Е. Н. Чирикова, И. Франко, В. В. Вересаева, М. О. Гершензона, Д. Н. Овсянико-Куликовского, архивными публикациями о А. И. Герцене. В майском номере (№ 8: подписной год начинался осенью) журнала С. поместил первую для марксистской критики положительную рецензию на сочинение А. П. Чехова — повесть

[134] *М. А. Колеров.* Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

[135] *С. Ольденбург.* Памяти А. М. Калмыковой // Красная летопись. № 4(19). 1926. С. 143.

«Мужики»[136], которую как неудачную оценил Н. К. Михайловский, развязав полемику с рецензентом: С. приветствовал повесть как художественное свидетельство социально-культурной дифференциации деревни и крестьянства, обнаружив в Чехове крупного художника, а не простого бытописателя и юмориста. В этой ситуации С. единственный из политических авторов выступил в защиту Чехова от тех многих, кто увидел в повести измену «радикальному принципу»[137].

Вероятно, слабость собственных литературно-критических сил подвигла создателей «Нового Слова» при соучастии имевшего значительные личные средства инженера, писателя и марксиста, прежде содержавшего влиятельную и радикальную марксистскую газету «Самарский Вестник» (1895–1897), Н. Г. Гарина-Михайловского искать союза с признанным, но непрерывно существовавшим на грани банкротства журналом «Северный Вестник» Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынского. Гуревич свидетельствовала, что в 1897 году «одно время велись переговоры с Н. Г. Гариным-Михайловским. Струве и Туган-Барановский предлагали слить воедино «Северный вестник» и «Новое слово» ввиду того, что их журнал «эволюционирует в сторону идеализма», а «Северный вестник» в общественном отделе эволюционировал, как им казалось, в сторону марксизма. Но они ставили при этом условием, чтобы Волынский остался в журнале на правах обычного сотрудника, а не члена редакции, что было для меня принципиально неприемлемо, — и я отказалась»[138].

---

[136] Переизд.: *Пётр Струве.* На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. СПб., 1902 («“Мужики” г. Чехова» и «“Мужики” Чехова и г. Михайловский»). В обширное собрание критики (А. П. Чехов: pro et contra. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. (1887–1914). Антология / Сост И. Н. Сухих. СПб., 2002) не включена.

[137] *А. С. Суворин*. Дневник. С. 210.

[138] *Л. Я. Гуревич.* История «Северного вестника» // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 250.

Учитывая, что редакции во главе со С. и Туган-Барановским удалось подготовить лишь 10 номеров журнала и обеспечить его идейный старт практически с нуля, успех журнала был огромным — тираж его номеров составлял от 4 000 до 5 600 экземпляров. Журнал, признавался позже марксист, «сразу же стал на такую высоту, которой впоследствии не достигало уже ни одно из периодических изданий русского марксизма»[139]. В декабре 1897 он был закрыт решением Комитета министров как политически вредное издание.

Начатое в «Новом Слове» сотрудничество С. с О. Н. Поповой после закрытия журнала продолжилось: С. стал редактором, составителем, отчасти переводчиком обширной книжной серии под маркой издательницы. В ней, в частности, вышли: первый том «Капитала» К. Маркса в переводе под редакцией и с предисловием С., труды Туган-Барановского, серия переводов по истории индустриальной экономики Европы, западной философии и литературы, превратив санкт-петербургское издательство О. Н. Поповой (наряду с московским издательством М. И. Водовозовой, где редакторами работали С. Н. Булгаков и С. Л. Франк) в крупнейшее русское марксистское издательство 1890-х гг.

За исключением, видимо, бездоходных «Критических заметок» С., все эти издательские предприятия, несмотря на очевидный дефицит оборотных средств у издателей, носили полноценный коммерческий характер и подразумевали выплату существенного гонорара авторам, переводчикам и редакторам, что стало весомым фактором финансирования социал-демократической партийной общественности. Книгопродавцы свидетельствовали о рыночной популярности марксистской литературы того времени: «Книги Бельтова и Струве расходятся в очень короткий срок и делаются библиографической редкостью», а, например, полный

[139] *В. Базаров.* Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С. А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 486.

тираж первого тома «Капитала» в переводе С. — 3 020 экземпляров «разошлись за несколько дней»[140].

В марте 1898 по просьбе члена ЦК новосозданной РСДРП С. И. Радченко, знакомому С. по группе Бруснева, «кружку технологов» и петербургскому «Союзу борьбы», С. написал «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии»[141] (издан в апреле 1898), в котором суммировал, по его признанию, то, что было предметом консенсуса русских марксистов: в ходе политической борьбы «пролетариат улучшает своё положение и вместе с тем борется за своё конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм». «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение. (...) Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»[142]. Несмотря на позднейшие попытки С. задним числом преуменьшить свой социалистический радикализм и особенно — антибуржуазный радикализм написанного им манифеста, очевидец свидетельствовал, что и в своей частной жизни С. оставался вполне ортодоксальным революционером. Крупская вспомина-

[140] *О. В. Монеров.* Наше время и его отражение в книжной литературе // Известия книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. Год II. № 1. СПб.; М. Октябрь 1898. С. 12.

[141] В советской литературе формула «просьбы» была заменена формулой «поручения». О самом факте — прямое признание С., где Радченко назван — «инициатор «Манифеста», написанного... П. Б. Струве по просьбе покойного по соглашению с ним» (*[П. Струве]* С. И. Радченко [Некролог] // Русская Мысль. М., 1910. Кн. X. III отд. С. 44).

[142] Опубликовано в многочисленных собраниях партийных документов в годы СССР. См., например: Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Часть I: 1898–1924. Изд. 4, испр. и доп. М., 1933. С. 2–3.

ла, как после 19 апреля (1 мая) 1898 года жена С. писала ей об их первенце: «каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса[143], говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется»[144]. Примерно тогда же, в 1900–1901 гг., на стене кабинета С. Н. Булгакова висели портреты Маркса и затем рядом — В. С. Соловьёва[145].

В конце 1898 года написал и вскоре выступил в немецкой марксистской печати с трактатом, который на русском языке появился в неавторизованном и низко оцененном самим автором переводе Б. В. Яковенко лишь в 1905 году, когда споры «критического направления» в русском марксизме были уже делом истории. С., написав его, видимо, сразу на немецком языке, не приложил усилий к тому, чтобы сде-

[143] Компетентный исследователь и участник движения свидетельствовал, что этот жанр марксистской наглядной агитации имел своим источником первоначального распространения круг близкого к С. «технолога» Р. Э. Классена: «Первые фотокарточки Маркса, впервые распространённые в России кружком Классена, были получены от Екатерины Григорьевны» Бартеневой. Лично знакомая с участником заговора о цареубийстве А. И. Ульяновым (1887), участница I конгресса Интернационала, Е. Г. Бартенева работала в 1889–1891 гг. в организации Бруснева-Голубева (в неё входил кружок Классена), специализируясь на пропаганде среди рабочих, подготовкой которой были объединены до 130–140 интеллигентов (*И. С. Книжник-Ветров.* Русские деятельницы Первого Интернационала и Парижской Коммуны (Е. А. Дмитриева, А. В. Жаклар, Е. Г. Бартенева). М; Л., 1964. С. 252, 237, 240–242, 244–245).

[144] Цит. по: *В. Т. Логинов*. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 312.

[145] Мемуарист, сообщающий свидетельство об этом Е. Н. Трубецкого, готов счесть его «шаржем» (*Н. А. Цуриков.* Мои встречи с о. Сергием Булгаковым // Н. А. Цуриков. Прошлое. М., 2006. С. 342). Но чуть более ранняя переписка Булгакова с Гершензоном, в которой оба выказывают интерес к распространению фотоизображений Энгельса и Маркса для личного пользования (В ожидании Палестины. 17 писем С. Н. Булгакова к М. О. Гершензону и его жене. 1897–1925 гг. / Публ. М. Колерова // Неизвестная Россия. XX век. II / Под ред. В. А. Козлова. М., 1992. С. 115) говорит о том, что шаржа в этом сообщении нет.

лать его доступным для русского читателя и, похоже, был вполне удовлетворён тем, что своим выступлением в ходе полемики о наследии Маркса заявил себя самостоятельно мыслящим критиком интернационального уровня, признанного в СДПГ. Пожалуй, лишь Плеханов тогда вовремя изучил этот текст С., но был, видимо, столь увлечён полемикой против Бернштейна, что надолго отложил сведение идейных счётов со С., с которым весь 1899 год вели общее партийное дело вокруг журнала «Начало», а в 1900–1901 гг. договаривались о коалиции для издания газеты «Искра». Это сделало «ревизионизм» С. либо «терпимым» как дело сугубо научных споров, либо известным для русской социал-демократии с большим опозданием, когда в 1899 году «критическое направление» было наконец замечено и Лениным. Фундаментом для «критического направления» стало вынесение социалистического идеала за пределы исторической закономерности и научного знания и отказ от «теории катастрофы», то есть коммунистической революции, которая одномоментно должна была соединить в себе политический и социальный переворот, став крахом для экономики капитализма. Историческое соседство критики С. с ревизионизмом Бернштейна сослужило С. дурную услугу: он так и не смог преодолеть поверхностных или недобросовестных уподоблений одного другому и в общих очерках идейной истории русской социальной мысли это сближение до сих пор доминирует. На деле же С., с точки зрения русских марксистов рискованно приветствуя Бернштейна за порыв к свободе мысли, постарался перехватить его критическую инициативу, чтобы укрепить и отстоять «конечную цель» — социалистический идеал как теперь уже независимый от практических приземлений. С. писал, сразу демонстрируя свой выбор в полемике вокруг Бернштейна, который противникам С. было угодно проигнорировать: «Буржуазный мир обнаруживает некоторого рода приятную взволнованность по поводу критического устранения марксизма. Оживлённо обсужда-

ется «конец марксизма» и взвешиваются его благотворные последствия. Однако мне кажется, что здесь имеет место крупное заблуждение, и если бы я хотел дать своей статье громкое название, то озаглавил бы ее скорее «Начало марксизма», или, лучше, «Марксизм и никакого конца»...». Резюме трактата словами самого С. выглядит в целом так:

> «Понятие революции изгоняется в ту область, в которой со времени Канта находятся свобода воли (в смысле беспричинного действия), субстанциальность души и т. п. — это в высшей степени важные практически, но теоретически непригодные понятия. (...) Если переход от капитализма к социализму следует признать необходимым, то его нужно представлять как общепонятный процесс, то есть нужно *показывать постоянное и причинно обоснованное изменение общества*. (...)
>
> От многих противоречий не удастся избавиться, если не откинуть совершенно мысль о «социальной революции» как теоретическое понятие. Но с ней рушится и любая интерпретация капиталистического развития, которая в само развитие вкладывает абстрактную противоположность капитализма и социализма. Необходимость социализма обосновывается тогда не чудом «социальной революции», которая на место капиталистического общественного строя ставит социалистический, но единственно посредством постепенного развития экономических феноменов и их правового нормирования в капиталистическом обществе. (...)
>
> Марксизм даже в его реалистическом понимании содержит не так много науки, чтобы кто-нибудь потерял живую радость творчества от того, что социальное будущее предстанет его сознанию полностью предопределённым. Но он достаточно научен, чтобы сделать истиной для своих адептов смелые слова Фихте: *«Нужно желать не только борьбы, но и победы»*.
>
> Утопические черты необходимо были присущи марксизму как теоретическому обоснованию социализма, поскольку

он исходил и не мог не исходить из действительных предпосылок [18] 40-х годов, то есть из теории обнищания. *С тех пор, однако, стала явной реальная почва развития к социализму, иначе говоря, она впервые появилась.* Я имею в виду *действительное хозяйственное и политическое усиление рабочего класса в рамках капиталистического общественного строя.* (...)

Так называемая «теория крушения», или теория социальной «революции», поэтому оказывается для нас понятийно-логически несостоятельным учением. Теория крушения в её новейших прочтениях почти без исключения привязана к учению о возрастающей анархии капиталистического производства в противоположность одновременно прогрессирующему обобществлению производства и росту производительных сил. Проклятие анархии согласно этой теории делается явным в кризисах. Однако у Маркса стихийность производства обосновывала лишь возможность, но не необходимость кризисов. (...)

...Возьмём проблему социализма не как, или, лучше сказать, не только как историческую, но и как *практически-политическую. Тогда* отношение между конечной целью и движением переворачивается. *Тогда* конечная цель должна господствовать над движением. Здесь лежит ключ к гносеологическому объяснению и социально-психологической оценке эволюционно-исторического утопизма. Каждый социалист исходит из социализма как морально-политического идеала; он является для него регулятивной идеей, которою меряются и оцениваются отдельные факты и события с этико-политической точки зрения. Ничем иным не является он и у класса, который, будучи организован в партию, выступает вовне и внутри себя как единый *этико-политический субъект*. Социал-демократическое движение должно быть подчинено, как идеалу, конечной цели, или — оно распадется. Вера в конечную цель есть религия социал-демократии, и эта религия является не «частным делом», а важнейшим общественным делом партии... Содержание

социал-демократической религии дано в движении, в его носителе — пролетариате, и в конечной цели.

И тут я должен сказать о книге Бернштейна, которая дала внешний повод к настоящим рассуждениям[146]. Эволюционно-исторический утопизм, с которым борется Бернштейн, причем отчасти успешно, исторически теснейшим образом сросся с теоретически необходимым содержанием социал-демократической религии. Этот утопизм нельзя просто отсечь, даже располагая более острым духовным инструментом, чем Бернштейн. Для этого он слишком глубоко врос в социал-демократическое сознание.

И это вполне отвечает его великой исторической функции. Мысль, что только верные по содержанию или истинные идеи могут производить полезное действие на личную или общественную жизнь, есть рационалистический предрассудок. Научно ложные идеи могут, в силу своего *психологически* обусловленного действия, оказывать на общественную жизнь могущественное и благотворное влияние. Они могут приводить к политически верным действиям. Не только реалистические элементы марксизма, но и эволюционно-исторический утопизм имеет неоценимые заслуги в деле социалистической пропаганды и агитации (...) И в прошедшем периоде социал-демократического движения это было практически самым важным и наиболее ценным: это означало социал-демократическое воспитание пролетариата.

Трудно судить, пережило ли себя это средство воспитания. В любом случае оно с течением времени стало традицией.

[146] Излагаемые в настоящей статье воззрения по сути совпадают с общей идеей, которую я изложил в моей работе на русском языке «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», С.-Петербург, 1894. В предисловии к этой работе я уже защищался от упреков марксистской ортодоксии. Несмотря на это, я продолжаю претендовать на то, что мои взгляды имеют название «марксистских». Они связаны именно с основным реалистическим положением Марксовой философии истории. — *Прим. Струве*.

Но традиция далека от того, чтобы быть для большинства тем, чем она стала для Бернштейна, — непереносимым *Cant* [молитвенным песнопением. — *М. К.*]. Она ещё истинна для верующих, но не существует объективного Cant. Социал-демократическая религия, однако, может изменить своё содержание, оставаясь социал-демократической. И она изменит его. Со временем она сбросит эволюционно-исторический утопизм, ряд представлений, являющихся ныне религиозными, будет уничтожен или заменён иными, не носящими религиозного характера, представлениями. Видимо, произойдёт движение назад — на место уничтоженных ясных представлений придут неясные, вследствие их всеобщности, постулаты или же практические и, я бы даже сказал, мелочные программные пункты. Но так всегда происходит изменение религиозных или подобных религиозным идеологий. Да будет мне позволена одна аналогия: в некотором смысле социализм существует подобно идее бога. (...)

Бернштейн твёрдо стоит за социализм и классовую борьбу. Поэтому он остается социал-демократом, и этого, справедливости ради, не должны оспаривать его противники. Но от эволюционно-исторического утопизма он полностью отказывается. Все свои сомнения, полное разрушение и новый строй социально-политических воззрений он изложил в своей книге. Его книга является значительным симптомом преобразования социал-демократической идеологии и, в то же время, поскольку Бернштейн наряду с Энгельсом и Каутским является одним из основателей марксистской ортодоксии, событием, производящим сильное моральное впечатление. Но, чтобы её влияние сказалось, нужно время. Научный социализм не является чистопородной наукой: как социальный идеал, он необходимо является сопряжением науки и утопии. (...) Утопия тоже имеет свои права. Она является *самостоятельным*, не растворимым в науке остатком социального идеала. Утопию утверждают в её правах, когда требуют её строгого отделения от науки. Уто-

пия не должна противоречить науке, но в остальном она может и должна быть автономной. (...) социализм является социальным идеалом и, как таковой, обладает божественным правом на добрую долю утопии. (...)

Для каждого, кто чувствует себя социалистом, утопическое и революционное в нём так же дороги, или даже ещё более дороги, чем реалистическое. Ложен лишь тот утопизм, который выдает себя за науку. То, что Маркс и Энгельс были утопистами и революционерами, придает им человеческое и в значительной мере историческое величие. (...)

В заключение ещё раз подчеркнём одну мысль: если критический марксизм в своём дальнейшем достраивании Марксова учения хочет действительно твёрдо встать на ноги, то он должен придерживаться основного реалистического взгляда самого Маркса, его «материалистического», а правильнее, экономического взгляда на историю»[147].

С января по май 1899 года С. и Туган-Барановский получили под своё руководство новый марксистский журнал «Начало», тайно для них и даже для цензуры специально организованный в провокационных целях полицейской агентурой во главе с М. И. Гуровичем. Журнал попал под жёсткое давление цензуры, сдвинулся в сторону большего академизма, что отразилось на его меньшем, по сравнению с «Новым Словом», тиражом в 3500 экземпляров, и не успел выявить своей работой социал-демократическую сеть (что было его задачей для полицейской провокации), но зафиксировал полное интеллектуальное лидерство марксизма в России. Параллельно он ясно продолжил избранный кругом курс на соединение политического радикализма с новыми течениями в литературе, предоставив страницы

[147] *Пётр Струве.* Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А. В. Чусова под ред. Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. Passim.

для сочинений не только социал-демократам Н. Г. Гарину-Михайловскому, В. В. Вересаеву, но и Д. С. Мережковскому, З. Н. Гиппиус, а также для обзоров З. А. Венгеровой о Метерлинке и Ницше. К участию в журнале С. лично пригласил А. П. Чехова и Ф. К. Сологуба[148], принял предложение о сотрудничестве М. О. Гершензона[149]. Здесь же С. впервые подробно в истории левой журналистики исследовал феномен В. В. Розанова («Романтика против казёнщины»)[150]. Помимо текстов редакторов, в журнале было весомо солидарное присутствие марксистов независимо от их уже намечавшегося размежевания на «ортодоксальных» и «критических»: Плеханова[151], Булгакова и ссыльного Ленина, успевшего разместить здесь 6 публикаций.

История «Начала» продемонстрировала новое качество марксистского движения. Оказалось, что в 1898–1899 годах Департамент полиции МВД назначил своего негласного сотрудника М. И. Гуровича издателем марксистского

[148] 12 января 1899 С. пригласил Чехова: ОР РГБ. Ф. 331. К. 59. Ед. хр. 67; 14 января 1899 С. пригласил Сологуба: РГАЛИ. Ф. 482. Оп. 2. Ед. хр. 24.

[149] 13 апреля 1899 С. ответил в Берлин Гершензону согласием на его сотрудничество в «Начале»: ОР РГБ. Ф. 746. К. 41. Ед. хр. 67. Л. 4.

[150] В более поздней специальной статье о писателе С. вспоминал: «В 1899 г. приходилось убеждать и доказывать, что Розанов крупный писатель. В «прогрессивной» печати видели тогда в Розанове только Иудушку... как его окрестил Вл. Соловьёв, ...изувера, писавшего... что Ходынка есть искупительная жертва за 1-е марта 1881... [с тех пор] в русской литературе обозначился блестящий литературный талант, создавший почти новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль, философская или политическая, всецело сливалась с образами действительности, и исторической, и повседневной. (...) Розанов — один из первых русских писателей» (Patriotica. С. 492, 493, 504. «На разные темы. В. В. Розанов, большой писатель с органическим пороком», 1910).

[151] Плеханов начал публиковать в этом журнале свой цикл статей об искусстве «Письма без адреса», который С. после закрытия журнала передал для печатания в «Научное Обозрение» М. М. Филиппова: *[Е. С. Коц]* Примечания // Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения в 5 тт. Т. V. М., 1958. С. 773–776.

журнала («Начало») и обеспечил его значительными средствами. Его целью было сконцентрировать вокруг журнала все наличные руководящие силы русских марксистов и поставить их сначала под наблюдение, а затем под контроль. Первая задача была успешно решена: всё пишущее сообщество марксистов во главе со Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и от эмигранта Плеханова до ссыльных Потресова и Ленина. Но ничего нового для полиции практически не было в этой выставке достижений русского марксизма: все авторы, выступавшие открыто и скрывавшиеся под псевдонимами, были уже известны полиции. Легальное звучание марксизма, его влияние, его распространение вширь оказалось результатом активности публичных фигур, а не подпольных организаций. Численность активных членов этих организацией во всей России даже в 1902 году Фёдор Дан определил в 50 с небольшим человек. Здесь полицейские задачи и, прямо скажем, полицейский кругозор вступили в противоречие с политическим восприятием событий правительством. «Начало» было подвергнуто жёсткой цензуре и быстро, уже 22 июня 1899 закрыто решением Комитета министров (министров юстиции, внутренних дел, народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода), а его номера было предписано изъять из публичных библиотек.

Политически острый, «боевой» журнал «Новое Слово», несмотря на сопутствовавший ему масштабный разгром марксистского подполья, был хорошо принят аудиторией как первый легальный, то есть публично политический марксистский журнал в России. Ему сопутствовал «рабочий закон» 2 июня 1897 года, вскоре после его закрытия, в марте 1898 года С., в развитие журнальной проповеди написал уже нелегальный первый манифест РСДРП, в котором тоже акцентировал задачи социал-демократии как авангарда борьбы против самодержавия за политическое освобождение. В этом контексте журнал «Начало» в начале 1899 года, несмотря на то, что точно так же аккуму-

лировало все литературные марксистские силы в столицах, ссылке и эмиграции, прозвучал слабо, ибо оказался слишком академичным и не смог проявить особой политической остроты. К тому же в условиях широкой диффузии марксизма в периодической печати «Началу» стало невозможно соединить идейное лидерство с монополией на марксизм, в пространстве которого в 1899 году уже действовали журналы «Мир Божий» тёщи Туган-Барановского А. А. Давыдовой, В. А. Поссе «Жизнь», М. М. Филиппова «Научное Обозрение», а в ноябре 1899 — январе 1900 — петербургская газета «Северный Курьер».

Тем не менее накопленный журналами опыт имел взрывной характер: марксистская наука и публицистика быстро разлились по целому ряду общедемократических «толстых» журналов начиная с 1898–1899 гг. и с тех пор захватывали всё новые позиции в легальной печати, главным ограничением в которой был уже только отказ от прямых политических призывов, а «социалистическая наука» уже де-факто была признана легальной и легитимной. Последующая социал-демократическая деятельность в России развивалась уже в поле легальной практики широкой марксистской печати, марксистских книгоиздательств, а в тени этого, как известно, именно система распространения нелегальных эмигрантских изданий в России (социал-демократической «Искры» и социал-либерального «Освобождения») стала стержнем для создания подпольных партийных организаций.

2) 1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме

В ноябре 1899 — январе 1900 гг. С. выступил во вскоре закрытой цензурой газете «Северный Курьер» с серией статей, в которых предпринял попытку синтезировать антиреволюционное наследие «либерального консерватизма»

правоведа и публициста А. К. Градовского с революционной социал-либеральной проповедью политического освобождения и социальной справедливости. Формулой такого социал-консервативного синтеза стало понятие «усложнения жизни», впервые появившееся у С. ещё в «Критических заметках». Индустриальное, антинародническое, капиталистическое усложнение жизни, по мнению С., требовало его политического «усложнения» и свободного национального развития. С. и позже возвращался к этой формуле, стремясь применить её и к нуждам идеологической консолидации национальной буржуазии, прямо адресуясь к которой в издании П. П. Рябушинского, компромиссную цель видя в «развитии и усложнении жизни, выражающемся в капиталистическом преобразовании общества»[152].

Однако, как признался позже одним из участников «критического направления» в марксизме С. Л. Франк, «неокантианское движение в социализме имело, несомненно, серьёзное значение в смысле расшатывания старых устоев марксистской догмы. (...) Но положительное значение этого движения нельзя признать особенно большим»[153]. Идеалистические поиски в области философии ничего не могли прибавить практической деятельности марксистов в России, а признание религиозного фактора консолидирующим по аналогии с католической Италией — плохо встраивались в условия огосударствленной цезарепапистской православной церкви синодального строя.

На 1900 год пришёлся пик энциклопедической интеллектуальной активности С., который одновременно выступил со своим политико-экономическим учением, близким к «австрийской школе», центром которого было понимание

[152] *Пётр Струве*. Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия. Сб. Кн. II. М., 1911. С. 145.

[153] *С. Франк*. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 81.

экономической реальности как совокупности бесконечного числа индивидуальных субъектов хозяйства и производимых ими оценок ценности хозяйственных благ, серией политических статей в газете «Северный Курьер» («Усложнение жизни», «Высшая ценность жизни»[154], 1899–1900), этюдом по экономической истории крепостного права в России, учением о либерализме («В чём же истинный национализм?»), изложением своего нового философского кредо, призывом к философскому развитию марксизма в направлении («Назад к...») И. Г. Фихте и Ф. Лассаля, серией статей в журнале «Мир Божий», которую затем объединил в сборнике «На разные темы» (СПб., 1902).

> «Как я теперь понимаю, это время (январь—февраль 1901 года) было для П. Б. [Струве] моментом его окончательного, уже формального разрыва с русскими социал-демократами и его внутреннего осознания себя участником русского либерального движения. (...) Он писал тогда статьи в «Мире Божием» (постепенно переходившем на «марксистскую» платформу), в которых... продолжал идеалистическую борьбу не только с «народниками», но и с «ортодоксальными» марксистами, то есть с догматическим мировоззрением русских «социал-демократов»; главный политический смысл этой борьбы (по цензурным условиям выражаемый только намёками для чтения «между строк») состоял именно в призыве от сектантской партийности перейти к объединяющему всю русскую оппозицию соглашению в борьбе за политическую свободу», — вспоминал С. Л. Франк[155].

В течение 1900 года С. готовился к изданию в эмиграции радикального журнала в сотрудничестве своего «критиче-

[154] Ср.: *Е. Дюринг.* Ценность жизни. 4-е изд. [1891] / Рус. пер. Ю. М. Антоновского [1894]. М., 2010.

[155] *С. Л. Франк.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 25–26.

ского направления» в марксизме (вместе с Туган-Барановским, Булгаковым, Франком, Бердяевым) с издательским газетно-журнальным предприятием Ленина, Плеханова, Засулич и Потресова («Искра», «Заря») и даже выступил в первых номерах газеты «Искра» с авторскими статьями. Примечательно, что переговоры об этой издательской коалиции начались в конце марта — начале апреля 1900 года во Пскове на квартире ссыльного В. А. Оболенского, скорее уже сочувствовавшего С., но гостеприимно заранее принявшего на постой Ленина. Разногласия, подробно описанные в научной литературе с позиции Ленина, сделали невозможным длительное сотрудничество С. с «Искрой». Глядя на разногласия с иных сторон, можно кратко отметить, что «Искре» не хотелось оставаться в тени гораздо более крупного и денежного либерального проекта, который явно затевал С. (будущее «Освобождение») на средства одного и того же Д. Е. Жуковского и его редакционных возможностей, а С. в итоге оказалось дискомфортно состоять в коалиции с тем, кто вёл против него личностно и пропагандистски окрашенную публичную борьбу: радикальные марксисты правильно опасались раствориться в широкой политической коалиции, а С. не видел оснований поддерживать тех, кто не скрывал своей к нему ненависти. Старый социал-демократ, начавший свою партийную карьеру в начале 1890-х, вспоминал о своём с разговоре с Лениным в 1902 году:

> Ленин назвал Струве «изменником, ренегатом и новым Тихомировым. (...) Я считал Струве всегда человеком идейным и искренним, но для которого рабочее дело было ни в каком случае не его делом. (...) Я обратил внимание Владимира Ильича на возможные последствия подобного клеймения Струве. Я сказал ему: а что если кто-либо из рабочих, фанатически преданных делу, под влиянием травли Струве на страницах «Искры», вдруг решится расправиться с ним или даже убьёт его как «изменника и ренегата»? «Его и надо

> убить», — ответил мне Владимир Ильич. (...) — А что же? — возражал он мне горячась: по-вашему, мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?» (...) Я редко видал Владимира Ильича в состоянии того раздражения, которое он проявил при нашем разговоре о Струве»[156].

Вышедший из круга московских марксистов 1890-х, редактор марксистского издательства М. И. Водовозовой, хорошо знакомый семейному революционному кругу В. И. Ленина молодой экономист С. Л. Франк в изданной Водовозовой в 1900 г. книге об экономической категории «ценности» внятно выразил переход от принятой для себя С. и его кругом формы своей революционной работы только как «социалистической науки» (формула Ф. Энгельса) и «критического направления» в марксизме — как внеклассовой претензии на общенациональное интеллектуальное лидерство в целом и во внепартийной науке, в частности:

> «За последнее время в западно-европейской и русской экономической литературе одновременно замечается отрадный поворот: догматическое преклонение перед системой Маркса уступает место её критической проверке и созидательной работе её дальнейшего развития и дополнения. Это служит симптомом к прекращению того невыносимого состояния, в котором ещё до сих пор находится экономическая наука. Мы имеем в сущности не одну, а две экономические науки — науку «марксистскую» и науку «буржуазную», из которых каждая говорит на совершенно особом языке, не прислушиваясь к мнению другой и считая это мнение в большей или меньшей степени заведомой ложью. (...) тогда как так называемая «буржуазная» или «официальная» политическая экономия быстрыми шагами двигалась вперёд и с каждым днём завоёвывала новые горизонты, наука «марксистская», несмотря

[156] *К. Тахтарев*. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. № 24. Пг., 1924. С. 22–23.

на глубину и плодотворность её основных мыслей и талантливость её представителей, упорно топталась на одном месте, занимаясь догматическим толкованием старых, превратившихся почти в ходячие фразы, положений даже там, где действительность или научная мысль давным-давно их опередила. К счастью (...) уже недалеко то время, когда разногласие социально-политических миросозерцаний не будет выражаться в обособленном существовании двух самостоятельных наук. Для нас, русских, такая тенденция особенно необходима. Если европейская мысль не сумела ещё примирить двух научных направлений, то она по крайней мере знакома с результатами обоих. Иначе обстоит дело в России: вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. (...) Великое вековое течение европейской мысли стоит выше мнений, быть может, величайшего и гениальнейшего, но всё же одного из его представителей и не может потерпеть ущерба от критики этих мнений, которые служат лишь одним из этапов его научного освещения»[157].

[157] *С. Франк.* Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. СПб., 1900. С. I–II, VI. Непосредственно о теории Франк писал в духе австрийской школы политической экономии и штудий С. так: «Критическая разработка теории ценности Маркса — как и всех остальных его теорий — может и должна заключаться в исправлении и углублении её на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западно-европейской теоретической экономии (...) единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путём органического её соединения с... теорией субъективной ценности или предельной полезности» (С. V). И радикально применял эти новации к социальной философии: «Явления права, этики, общественных верований, принципов и идей, вообще все явления социальной культуры (...) суть только продукт психического взаимодействия отдельных людей и без остатка сводятся на индивидуальные психические элементы, из комбинации которых они возникают. (...) Точно так же и меновая ценность приобретает характер природного и относительно постоянного свойства товара, хотя она есть лишь продукт колеблющихся субъективных оценок» (С. 357).

Беспокойство Франка и, надо полагать, его наставника С. о единстве науки и отказе от её партийности, разумеется, было прямым продолжением борьбы С. за внеклассовость и внепартийность истины и этического идеала и, в источнике, «должного» (личной идейной свободы и независимости этического идеала) от «сущего» (исторической реальности), как бы первое, в конечном счёте, ни диктовалось вторым. Главным контекстом для этой апологии объективной или равно значимой для всех партий науки служила полемика вокруг реформизма и ревизионизма Э. Бернштейна, которые в своей критике марксистской доктрины опирались на новые данные науки и, в целом, были без ожесточения восприняты в СДПГ, занятой практической борьбой за политические и экономические интересы пролетариата. В решительную противоположность этому, в русской социал-демократической эмиграции в среде марксистов в России выступление Бернштейна против материализма, теории всеобщей социально-экономической революции («катастрофы», Zusammenbruchstheorie), теории обнищания пролетариата и др. в основе социал-демократической программы вызвало полновесную истерику. При этом мало кто обратил внимание на то, что всю серию своих критических очерков под названием «Проблемы социализма» Бернштейн уже публиковал в партийном органе «Neue Zeit» в 1897 и 1898 гг., что они мало что добавляли нового в общий контекст немецкой «социалистической науки» и тем более — катедер-марксизма, привыкших без чрезмерного пиетета относиться к наследию Маркса и Энгельса, что в этом контексте они во многом шли вдогонку, а не впереди публикаций Струве в русской и немецкой партийной печати, что — *главное — они почти не вызывали никакого полемического сопротивления* со стороны других марксистов[158], что, на-

[158] Исключением стали две статьи Плеханова июля и октября 1898 года, параллельно с тем, как Бернштейн обратился к Штуттгартскому съез-

конец, число сторонников Бернштейна в СДПГ и в России было невелико (в России их были буквально единицы — С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, др.).

Когда серия статей Бернштейна была завершена, С. кратко обсудил её итоги со своим многолетним единомышленником и конфидентом, в тот момент ссыльным А. Н. Потресовым. Потресов ответил ему 9 января 1899:

> «Я очень рад, что мы сходимся с Вами по крайней мере в оценке Бернштейна: «он плох в философии, немножко филистер, теоретически не совсем ясно мыслит». All right! подписываясь под всем этим, добавлю только следующее: полнейший невежда в философии, я не судил и не сужу о воззрениях Бернштейна в *этой* области и просто... готов Вам верить на слово. Но из-за чего же сыр-бор загорелся? Неужели из-за того, что «плохой философ» и «неясно мыслящий человек» осмелился поднять руку на ортодоксальную ветошь? Неужели из-за этого бомбардировал его своими статьями Parvus, негодовали Liebknecht, Schönlank, Zetkin, Luxemburg, скорбил Kautsky и гневался монист [Г. В. Плеханов]? (...) В статьях Бернштейна нет,

ду СДПГ 3–8 октября 1898 г. с изложением своих взглядов, выступившего на защиту марксистского материализма, словно Бернштейн был первым, кто не видел непременной связи между марксизмом и материализмом. Среди первых упрёков Бернштейну громче всего из уст Плеханова прозвучал династический argumentum ad hominem, обнажая претензию на некую персональную передачу догматической благодати от признанного вождя к его верному наследнику: «Г. Бернштейн много лет жил в ближайшем общении с Фр. Энгельсом и не понял его философии. Он, который мог обеими руками черпать из великой сокровищницы великого мыслителя (...) В 1889 г. я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашёл у нас разговор о философии...» (*Г. В. Плеханов*. Бернштейн и материализм [1898] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 40, 51).

> на мой взгляд, сколько-нибудь серьёзной работы мысли. (...) В многих и многих из его аргументов узнаются старые знакомцы: те давным-давно известные «поправки» и возражения, с которыми обыкновенно выступали против «ортодоксии» и наши доморощенные оппоненты, и их западноевропейские коллеги. И вот почему на мой взгляд мы имеем дело в статьях Бернштейна не с *«критикой»* или *«самокритикой» — таковую я всегда готов приветствовать*, — а не с чем иным, как самооплеванием. (...) Нельзя походя изрыгать: die Bewegung ist mir alles, das Endziel nichts. Это значит — другими словами — мне наплевать на идеологию того общественного движения, которое я ставлю якобы центром своих интересов»[159].

Выход книги Бернштейна в целом в 1899 году (в наилучшем русском переводе её заголовок «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») и сам статус автора как душеприказчика Энгельса и Маркса буквально взбесил Плеханова, который (что странно для эмигранта и почти одиночки в отношении к общенациональной партии с миллионами легальных избирателей) потребовал от СДПГ исключения Бернштейна из партии (оно было отвергнуто).

Отвечая на критику Плеханова, Бернштейн отверг его обвинения в эклектическом соединении социализма с данными «буржуазной науки», указав, что «9 / 10 элементов научного социализма взяты из сочинений «буржуазных экономистов», как будто вообще существует «партийная наука»...». На это Плеханову, в общем, нечего было ответить по существу, и ему пришлось в своей антикритике капитулировать, придав своим утверждениям частный, непринципиальный и даже двусмысленно обоюдоострый характер, а именно: «“Партийная наука”, строго говоря, невозможна.

[159] *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. №6. С. 40–41.

Но, к сожалению, очень возможно существование "*учёных*", *проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*»[160].

Почти одновременно с Плехановым на книгу Бернштейна и ответную ему книгу К. Каутского, также выступившего в защиту «ортодоксии» от Бернштейна, в немецкой марксистской печати выступил С.: его рецензия, как это уже стало обычно для его немецких текстов, прошла практически незамеченной в среде русских марксистов (хотя практически вся периодическая печать СДПГ была доступна в России, что показывает, например, известная переписка Ленина из ссылки в с. Шушенском) — настолько сложными им казались обсуждаемые вопросы, что даже форсированный алармизм Плеханова и позже Ленина-Ильина не мог их заставить увидеть в этой полемике нечто вредное для интересов распространения социал-демократии в России. С., в частности, писал:

> «Можно как угодно низко оценивать книгу Бернштейна, но она всё же обладает тем достоинством, что казалось бы окончательно решенные вопросы социализма в ней поняты и поставлены именно как проблемы (...) И всё же сомнения и возражения Бернштейна поражены одним недостатком. (...) Марксизм — это содержательно определённое учение, определённая точка зрения, может быть даже и эвристический принцип, но методом он является столь же мало, как и дарвинизм. Так же и то, что обычно называют «диалектикой», представляет собой метод лишь при метафизическом допущении тождества бытия и мышления; она есть метод онтологической логики.
>
> (...) Маркс всегда исходил из социализма как готового тезиса. Как исследователь, он обязан этой предубеждённости не только своими ошибками, но и своими блестящими достижениями. Ибо в эпоху Маркса лишь социалистический критик мог оценить грандиозное историческое значение капитализма

[160] *Г. В. Плеханов.* Cant против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г. В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 93.

и вместе с тем ясно постичь его историческую относительность. (...) С точки зрения последовательного эволюционизма, фундаментальное противопоставление «реформ на почве существующего правового порядка» и «радикального переворота основ этого порядка» просто бессмысленно. В бланкизме речь идёт не о прославлении «революции» в полицейском смысле (бунт), а о вере в основополагающее значение политического захвата власти в целях радикального общественного переворота. Эта вера теснейшим образом связана с верой в возможность «снятия» капиталистического общественного порядка. Противоречие между «бланкистским» революционизмом и марксистским эволюционизмом — это имманентное противоречие марксова учения о социальной эволюции в *его исторической определённости* (...)

Маркс, сам того не замечая, использовал несколько понятий ценности. Это происходит оттого, что он рассматривал две совершенно различные проблемы — социологическую проблему эксплуатации, в особенности капиталистической эксплуатации, и экономическую проблему ценности, и специально меновой ценности, — как *единую* и причем как *единственную* проблему ценности. Тем самым у Маркса в его теории ценности параллельно присутствуют и сливаются два различных угла зрения: угол зрения социологического рассмотрения, в соответствии с которым капиталистическое производство есть особая исторически определённая форма эксплуатации производителя и присвоения прибавочного продукта, и угол зрения экономического рассмотрения, в поле которого попадают явления обмена и тем самым собственно проблема ценности.

На Бернштейнову критику теории крушения Каутский отвечает утверждением, что такой теории среди аксиом социал-демократии вообще не существует. Мы бы живейшим образом приветствовали это несколько странно звучащее[161] утверж-

[161] Ср.: R. Luxemburg. Sozialreform oder Revolution. S. 56: «Поскольку.... крушение буржуазного общества есть краеугольный камень научного социализма» и т. д. — *Прим. П. Струве.*

дение как отказ от эволюционно-исторического утопизма, если бы оно хоть сколько-нибудь было верным. Но, к сожалению, Каутский сам заворожён теорией крушения, которую он объявляет несуществующей, и которая, однако, образует сокровеннейшую сущность ортодоксального марксизма.

«Теорию обнищания», решительно отвергнутую Бернштейном, Каутский подчёркнуто сохраняет в её релятивистском варианте. В этом он примыкает к Марксу и, в ещё большей степени, к Родбертусу, которого он тоже цитирует. При этом он говорит много верного (например, что упорство мелких предприятий часто является источником обнищания), но свой основной тезис «Доля рабочего в созданном им множестве продуктов сокращается» (S. 128) он нигде не доказал. (...) Основной аргумент в пользу допущений «социального обнищания» Каутский видит в росте детского и женского труда.

Сочинение Каутского против Бернштейна кульминирует в обвинении, что Бернштейн с помощью оппортунистических идей хочет добиться разжижения социал-демократии до уровня народной партии, в которой «классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазии имеют определяющее влияние» (179). Но мне это кажется совершенно недоказанным. Во-первых, и Бернштейну должно быть понятно, что в государстве, которое подобно Германии стремится превратиться в развитое «индустриальное государство», действительно *народная* партия не может не подчиняться интересам промышленного пролетариата.

(...) Мы понимаем суть дела иначе и соответственно можем сказать: социал-демократия полагает конечной целью «социальную революцию» и добивается этой конечной цели демократически-социалистическими реформами.

...Бернштейн отказался от некоторых аксиом марксизма. Но то, что он сделал это непоследовательно, что он лишил свои реалистические взгляды в порыве невнятного идеализма их лучшей опоры — материалистического понимания истории, всё это безмерно осложнило его позицию в поле-

> мике... не столько для науки *вообще* как коллективного целого, сколько для её социал-демократического употребления. То, что в лице Бернштейна социал-демократия сделала порядочные заимствования у «буржуазной» науки, — это не позор и не несчастье. Надеюсь, это будет способствовать тому, что фразы о «буржуазной науке» утратят свою власть над умами. Между прочим, больше всего Бернштейн перенял у фабианцев и, в особенности, у супругов Вебб»[162].

Да, тех самых супругов С. и Б. Вебб, чей труд о теории и практики британского тред-юнионизма ради заработка С. предложил переводить ссыльному Ленину и взялся его переводить, не зная английского языка, и высоко оценил и гонорарные условия перевода, и сам труд, несмотря на то, что он мог бы стать для него классическим примером «ревизионистской» и «буржуазной науки». В целом Бернштейн, немецкий ревизионизм и реформистская эволюция британского марксизма, похоже, застали русских социал-демократов, до 1903 года, совершенно новой эпохи в политической истории западного социализма, когда уже началось его нарастающее вхождение во власть, — так и не сумевших выстроить устойчивые партийные организации даже за границей, врасплох. «Конечная цель — ничто, а движение — всё» Бернштейна глубоко оскорбили русских марксистов, даже усилия Каутского сформулировать компромисс, «отвязав» природу постоянно отодвигающейся вдаль «конечной цели» от ежедневной практики, не помогли. Перед Россией были поставлены, как минимум, две радикальные цели: свержение самодержавия и достижение политической свободы — и уничтожение капитализма и достижение социализма и коммунизма (не важно:

[162] *Петр Струве.* [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm [1898] / Перевод Н. С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

революционным или эволюционным путём). И «критические марксисты» во главе со С. не в силах отрицать того, что проповедь Бернштейна стала лишь собранием полемических тем внутри марксизма за последние 10–15 лет, в том числе одномоментной «социальной революции» как *фразы*, принципиально не могли принять его отказа от «конечной цели», которую они сами уже «отвязали» от «сущего», обеспечив «должному» полную свободу нравственного идеализма. Только, видимо, их революция была уже не «прыжком из царства необходимости в царство свободы», не была социальной революцией, за которой следовал коммунизм, а актом национального освобождения одновременно от самодержавия и остатков крепостнического феодализма, синодального строя церкви в пользу её реформации, первоначального капитализма в пользу государственного социализма, конституционной демократии и национальных автономий. То есть национально-освободительной буржуазной и социалистической революций сразу. Весь горизонт своих научных занятий С. намеревался объединить созданием нового революционного миросозерцания, которое объединило бы данные науки с ценностями либеральной философии и социализма. В начале 1900 года он писал жене о своих растущих разногласиях с марксистами как «партийными товарищами» (parteigenossen): «Все они не понимают, что я недаром бросил якорь моего общественно-политического миросозерцания в твёрдый (для меня) грунт идеалистической метафизики и что поэтому я не только критикую, но и подготовляю новое политическое миросозерцание, гораздо более смелое, чем марксизм»[163].

Несмотря на удерживаемое публично фиксируемой идейной эволюцией «критических марксистов» их внешнее единство как «направления», С., Туган-Барановский, Булгаков, Б. А. Кистяковский, их младшие коллеги Н. А. Бер-

[163] Цит. по: *К. Ф. Шацилло*. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 59.

дяев и С. Л. Франк, в общем, несмотря на тогдашние отношения Бердяева и Франка к С. как учеников к учителю, отнюдь не были партией (их общей партией была так и не консолидировавшаяся русская социал-демократия), сектой, клубом единомышленников: они скорее были товарищами по интеллектуальному поиску в сторону от первоначального догматизма к широко расцветшему в лоне немецкой социал-демократии разнообразию экономической, социальной, исторической и философской науки, к которой они лично имели непосредственное соприкосновение как авторы, переводчики и редакторы. Это вовсе не снижало градуса их взаимной критики и острых разногласий, которым они, однако, не были склонны придавать политического или партийного звучания: например, С. остро полемизировал с Булгаковым, Булгаков — с Туган-Барановским и т. д.

Бернштейнианский ревизионизм стал ложной целью во внутрипартийной полемике марксистов, уведя внимание от главной перемены исторического момента: русская левая интеллигенция массово начала сосредотачиваться не вокруг доктринальных дискуссий марксистов, а вокруг внятного дела политического освобождения, внепартийное знамя которого подняло «Освобождение» С. и вокруг сети распространения которого в России уже в начале 1904 сложился леволиберальный «Союз Освобождения» (внутри руководящего ядра которого было ясно заметно присутствие социалистов-идеалистов[164]). Под эту широкую коа-

[164] О едва ли не партийном совещании «идеалистов» накануне одного из собраний для формирования «Союза Освобождения» летом 1903 года на границе Германии и Швейцарии в Шаффгаузене, в котором они также приняли весомое участие, подробно вспоминал С. Л. Франк: «Сначала съехалась в Штуттгарте [где издавалось «Освобождение»] небольшая группа ближайших единомышленников П. Б. [Струве] — из «интеллигентов» и так называемого «третьего элемента»; в их числе я помню С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева (с которым я тогда впервые познакомился), В. Я. Богучарского, С. Н. Прокоповича, Е. Д. Куско-

лицию С. и его «идеалистическое направление» (особенно в журнале Булгакова и Бердяева «Новый Путь» осенью 1904 и «Вопросы Жизни» в 1905 году) и стремились сформировать «новое мировоззрение», придающее обескрыленной практике социалистической борьбы новые идеалистические горизонты. Получалось, что идейный поиск представлял больший смысл не для спасения социал-демократии от оппортунизма, а для идейного достраивания современного русского либерализма на основе социал-либерального идеализма, над которым потрудились «Проблемы идеализма» и «идеалисты». В 1903 году С. привлёк С. Н. Булгакова к составлению аграрной программы либеральной оппозиции, давшей начало «Союзу Освобождения», а сам настоял на подготовке программы по рабочему вопросу, во всех своих положениях бывшей программой государственного социализма.

Наиболее опытные и с большим интеллектуальным горизонтом русские марксисты, особенно бывшие соратники С., увидели это очень ясно. Обсуждая вопросы недавней истории русского марксизма для исследовательского проекта «Общественное движение в России в начале XX-го века» (1909–1914), Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов, внутри этого проекта упорно перетолковывавшие даже самые случайные и индивидуальные события в категориях классового анализа (в итоге в дружеском дуэте генеральских сыновей С. и Потресова первый оказывался представителем мелкобуржуазной демократии, а второй — пролетарского революционаризма), не могли скрыть друг от друга более существенные обстоятельства. А именно то, что в 1900-е Плеханов, ведя полемику против С. как продолжение полемики против Бернштейна, просто сводил личные счёты, а главное направление эволюции С. было, конечно,

ву, Б. А. Кистяковского...» (*С. Л. Франк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 38).

не в сторону «бесцельного» Бернштейна, а в сторону либерализма[165].

Именно в начале 1900-х во внутрисоциалистической полемике в ходе практического партийного строительства и родилось клеймо «легального марксизма»[166], активно введённое в оборот Лениным, с тем чтобы показать и доказать изначальную «буржуазность» и «нереволюционность» марксистских «академиков», то есть на деле тех, кто — *не прекращая нелегальной работы* — в 1890-е гг. был идейным лидером и организатором, спонсором и практическим руководителем марксистской и социал-демократической практики в легальных институциях, в первую очередь — в легальной печати. Ирония этого полемического клейма состояла в том, что *никто* из нелегальных или эмигрировавших марксистов и революционеров вообще, в том числе сам Ленин и его конфиденты, никогда сами не пренебрегали возможностями, в том числе материальными, например, легальной печати и книгоиздания, для Ленина лично в течение всех 1890-х годов связанных исключительно и лично со Струве. На это тогда же публично и печатно Ленину и своим партийным товарищам указал центральный участник этой легальности 1890-х, тоже политически порвавший со Струве, — Потресов. Однако именно ленинское клеймо победило в русской, советской и западной историографии и до сих пор, за редкими исключениями, преобладает даже в энциклопедической литературе.

Дополнительную иронию клейму «легального марксизма» придал годы спустя сам Струве, в строительстве мифа своей жизни принявший полемическую эту подачу для утверждения своей якобы изначальной марксистской

[165] *Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов*. Письма 1898–1913 / Сост. И. Х. Урилов. М., 2007. См. переписку 1908 года.

[166] Об истории этого клейма подробно: *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5.

неортодоксальности и «буржуазности», мемуарной формулой которого стал для него «легальный марксизм»[167]. В этом Струве не только отвергал германский образец социал-демократической легальности, но и прямо противоречил общеизвестным фактам того, что никакой в принципе общепринятой и общеобязательной марксистской ортодоксальности ни в Германии вообще, ни в России до 1918 года не существовало, а вся «ортодоксальная нетерпимость», прежде осуждаемая самим Струве в полемике против части революционеров, была зеркальным клеймом на уличения в предательстве мифической догмы.

Наблюдатели не раз отмечали, что в Германии именно катедер-социалисты конца XIX века в начале XX века определили экономический язык и принципы государственного управления экономикой и управления крупнейшими корпорациями. Всё это уже в начале 1920-х гг. было подвергнуто восходящей звездой либертарианства Людвигом фон Мизесом резкой критике в качестве преступного социализма. Крах Веймарской республики, приход к власти нацистов, нацификация Австрии породили целое поколение австро-немецких критиков социализма и всего, что не крайний либерализм, как социализма — которые неизменно нашли приют в США и в конце и после Второй мировой войны сформулировали доктрину тоталитаризма,

[167] «Не подлежит сомнению, что главная роль «легального» марксизма, как идейного движения, состояла в направленном против народнической идеологии *историческом оправдании капитализма в России*. Русский «легальный» марксизм 90-х годов в сущности выполнял ту функцию, которая в других странах была историческим призванием и свершением экономического либерализма. И при том он выполнял её в обоих направлениях: и в отношении промышленного, и в отношении аграрного развития страны. Русский «легальный» марксизм явился истолкованием и оправданием индустриальной политики Витте; он был замечательным предвосхищением аграрной политики Столыпина» (*Пётр Струве.* Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 328–336).

отталкиваясь от немецкого опыта нацизма и антисемитизма, но и от государственной социальной политики, порождённой социал-демократической «легальностью» конца XIX века: Л. фон Мизес, Ф. А. фон Хайек, Й. Шумпетер, Х. Арендт, К. Фридрих. В США этого времени им интеллектуально сопутствовали члены Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков), поделившиеся с властями США своей многолетней экспертизой в области практики марксизма в России и СССР и, в том числе, категорическим отвержением мифа об «однопартийной диктатуре», отделявшей ортодоксов от неортодоксов.

Позже, подводя итог одному из своих научных замыслов, С. признался, что 1900–1901 гг. стали временем, когда ему «пришлось отложить» свои научные труды (по экономической истории, теоретической политической экономии, философии) — «так как на целый ряд лет я отдался исключительно публицистически-политической деятельности»[168]. К систематической научной работе С. вернулся лишь в 1913 году, но ненадолго, так и не завершив целостное изложение ни одной из своих научных теорий.

На этом пике свершилось и необратимое поражение С. в политических правах и его последующее почти полное погружение в нелегальную политическую борьбу, которое в целом и положило конец его главным творческим открытиям. Как вспоминал позже многолетний соперник С. в борьбе за лидерство в русском либеральном движении П. Н. Милюков, расставшись с марксизмом и подступив к работе в рамках либерального движения, С. «перестал быть идеалом молодёжи»[169].

4 марта 1901 С. принял участие в масштабной демонстрации возле Казанского собора Санкт-Петербурга в поддержку студентов, уволенных администрацией из университета

[168] *Пётр Струве.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. VIII.
[169] *П. Н. Милюков.* Воспоминания [1940]. М., 1991. С. 137.

с отдачей в солдаты. Демонстрация была разогнана полицией, С. был избит и арестован на две недели, после чего в административном порядке был выслан из столицы под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах, университетских городах и Ярославле.

Чуткий и просвещённый современник, студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, участник кружка А. С. Лаппо-Данилевского Р. В. Иванов (Иванов-Разумник) вспоминал о том дне так:

> «Время действия — полдень 4 марта 1901 года, место действия — площадь у Казанского собора в Петербурге. Площадь залита многочисленной толпой: студенты «всех родов знания», главным образом универсанты, но много и технологов, и горняков, и путейцев; молодые девушки — слушательницы Высших женских курсов. Много и штатских людей, среди них немало и пожилых. Вижу в толпе седобородую и всегда весело оживлённую фигуру известного публициста Н. Ф. Анненского; неподалёку от меня две восходящие марксистские звёзды — ходившие тогда в социал-демократах П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Но молодёжь — преобладает, заливает густою толпой всю громадную площадь. Тротуары Невского проспекта тоже залиты и просто любопытствующими, и втайне сочувствующими зрителями: всем известно, что ровно в полдень, когда ударит пушка с Петропавловской крепости, студенты пойдут демонстрацией по Невскому проспекту.
>
> На демонстрацию эту нас созвал подпольный студенческий Организационный Комитет, чтобы выразить этим протест против мероприятий министра народного просвещения Боголепова, создателя «временных правил» о сдаче в солдаты студентов, наиболее замешанных в бурно развивающемся студенческом движении. Боголепов был убит выстрелом бывшего студента Карповича 14 февраля 1901 года, но «временные правила» не были отменены. В виде проте-

ста мы объявили забастовку в стенах университета, а теперь заключали её демонстрацией на улицах города; тысячи студентов отозвались на призыв Организационного Комитета.... В прокламации, выпущенной 4 марта, Организационный Комитет (официально именовавшийся «Советом объединённых землячеств и студенческих организаций») обращался не только к студенчеству, но и ко всему русскому обществу: «Выступая на защиту попранных прав человека, на борьбу за них на общественно-политическом поприще, мы обращаемся ко всем слоям общества. Идите с нами!»

Итак — мы на площади; шумно оживлённая, нервно возбуждённая толпа — и ни одного полицейского. Полиция, пешая и конная, вместе с отрядами казаков, до поры до времени запрятана во дворах прилегающих к площади домов. Ждём сигнала. Ударила полуденная пушка — и началось...

В середине площади, в густой толпе молодёжи, развернулся красный флаг — и в ту же минуту распахнулись ворота домов на Казанской улице и Екатерининском канале, отряды казаков врезались в толпу, работая наотмашь нагайками. Вопли боли и ярости, стоны раненых; крики негодования зрителей, которых пешая и конная полиция, разгоняя, избивала на тротуарах...

Полная победа в несколько минут оказалась в руках казаков и полиции; мы были разгромлены, избиты, оттеснены к ступеням Казанского собора, куда и ввалились толпой, поддерживая раненых; их мы сложили на мраморные скамьи около гробницы Кутузова...

В соборе заканчивалось воскресное богослужение, прерванное нашим появлением, шумом и криками...

Земное начальство вскоре появилось в соборе в образе бородатого полицейского полковника, пристава Казанской части. Собор к тому времени до отказа наполнился студентами, искавшими спасения от продолжающегося на площади избиения и начавшихся арестов... пристав... обратился к нам с речью такого содержания: западные врата собора широко открыты для тех, кто пожелает спокойно уйти до-

мой, доказывая этим, что их присутствие на площади было случайным и что они — граждане вполне благонамеренные; оставшиеся будут рассматриваться как бунтовщики, и с ними будет поступлено по всей строгости закона; он даёт нам полчаса на размышление и на исход из храма, после чего оставшихся арестуют, и пусть они пеняют сами на себя...

Не для того мы шли на демонстрацию, чтобы доказать свою гражданскую благонамеренность! Но надо сказать правду, что после речи пристава толпа в соборе стала редеть и редеть: многие то небольшими группами, то поодиночке, конфузливо таясь, стали пробиваться к «западным вратам».

Когда через истекшие полчаса пристав вновь явился в собор, в нём оставалось только человек пятьсот—шестьсот студентов и сотня курсисток. Пристав развёл руками, сказал: «Вы сами этого хотите» — и предложил нам выходить через «западные врата» на Казанскую улицу, где нас уже ожидал сильный наряд полиции, окруживший нас и во главе с приставом направивший наши стопы прямо в полицейскую Казанскую часть, что неподалёку от Мариинского театра. Нас ввели во двор этого участка, заперли за нами ворота — и предоставили с часа дня и до позднего вечера проводить время по собственному нашему усмотрению. В середине дня нам дали хлеба, который мы по-братски между собой поделили. «Тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Среди толпы студентов и курсисток выделялось только несколько штатских (не в студенческих мундирах. — *М. К.*), а среди них — почтенные марксистские Диоскуры, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский»[170].

Поражённый в правах, ограниченный в географии передвижений, готовясь выехать в эмиграцию на неопределённо долгий срок для издания нелегального для России оппо-

[170] *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Сост. В. Г. Белоус. М., 2000. С. 98–101.

зиционного журнала «Освобождение», С. под прозрачным криптонимом[171] выступил в журнале «Вопросы философии и психологии» с исповеданием своего нового политического и идейного мировоззрения, которое биографически вполне могло оказаться и политическим завещанием и потому привлекло к себе особое внимание идейно-политической общественности. Наследуя риторической традиции И. С. Аксакова («В чём недостаточность русского патриотизма», 1864[172]) и посвящая свой труд памяти В. С. Соловьёва (умершего 31 июля 1900), в статье «В чём же истинный национализм?» С. изложил систему обоснования того, что можно назвать национальным возрождением на основе западного пути развития, синтезирующую наследие Фихте, Герцена, Соловьёва («Национального вопроса в России»), народнического народолюбия[173], права человека как основу «естественного права» и сердцевину «истинного либерализма». И поэтому он ополчился против славянофильского сужения «национального духа» до консервативных задач и одновременно максимально расширил смысл либерализма как движения «общенародного и идеального происхождения», начатого за «свободу совести» и служащего демократической практике, а не материальным интересам буржуазии. В финале С. сформулировал свой призыв к национальному освобождению как призыв к освобождению личности: «Если верно, что «нация есть начало ду-

[171] Он был вскоре раскрыт Н. А. Бердяевым, несмотря на то, что С. ещё находился в эмиграции: *Николай Бердяев.* О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь — декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 697.

[172] *Ср.: М. Катков.* Истинный и разумный патриотизм // Московские ведомости. 14 мая 1863. № 103.

[173] Впрочем, здесь С. явно перетолковывает социально-сословное понимание «народа» в духе русского XIX века как, в первую очередь, (общинного) крестьянства — в пользу его внесословного и внесоциального смысла как «нации» (в духе немецкого Nationalwirtschaft переводимого в русской и советской традиции как «народное хозяйство» или французского Nation переводимого как «нация» польским словом narod).

ховное», то истинный национализм не может быть ничем иным, как безусловным уважением к единственному реальному носителю и субъекту духовного начала на земле, к человеку»[174]. В этой проповеди С. следовал Новгородцеву, который за полгода до этого так же обращался к *правовому* наследию Соловьёва. В речи на торжественном заседании Московского психологического общества в память В. С. Соловьёва 2 февраля 1901 года он сказал о философе: «С горячностью истин-

[174] *П. Борисов.* В чём же истинный национализм? // Вопросы философии и психологии. Сентябрь—октябрь 1901. Кн. IV (59). I о. С. 493–495, 506–509, 511–512, 517, 528. Публикация статьи под псевдонимом, вероятно, была вызвана политической эмиграцией Струве за границу в декабре 1901 года (но в менее подверженном цензуре сборнике «На разные темы» (1902) С. уже переиздал эту статью под своими именем). Современный авторитетный исследователь в самых превосходных степенях описывает историческое значение русского опыта применения «естественного права» к либеральной философии и практике: «Конфликт права и этики, обозначившийся с развитием русского пореформенного общества, вызвал к жизни три направления русской философии права начала XX в. Они оказали несомненное влияние на мировое конституционно-правовое развитие. Это этическая (деонтологическая) теория, психологическая теория права и социологическая теория права. Первое направление, определявшееся как «возрождение естественного права», противопоставляло нравственный идеал и позитивное право. К этому направлению, наиболее видным представителем которого стал П. И. Новгородцев, принадлежали (или разделяли его идеи) другие крупные русские юристы начала XX в. — В. Гессен, И. Покровский, князья С. и Е. Трубецкие. Опираясь на философию неокантианства, данное направление стремилось переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить сущему — должное (идеал справедливости), действующей правовой системе русского самодержавия — концепцию либеральных правовых реформ. (...) Это направление наиболее близко деонтологическим трактовкам права, ставшим основой современной (сформировавшейся после Второй мировой войны) доктрины прав человека, положенной в основу Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), всех международно-правовых актов в этой области и национальных конституций. признающих их верховенство» (*А. Н. Медушевский*. Российская правовая традиция — опора или преграда? М., 2014. С. 51–52).

ного патриота он стремился указать своей стране истинный путь, — «путь жизни». Время ещё не ушло, и выбор свободен. «Мы не признаём предопределения ни в личной, ни в народной жизни, — писал он, — судьба людей и наций, пока они живы, в их доброй воле. Одно только мы *знаем наверное*: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречется от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины, — она никогда не будет иметь никакого успеха...»[175]

Здесь С., вслед за Новгородцевым, дал своим сподвижникам по идеалистическому реформированию социализма формулу национального возрождения, которая легла в основу недолговечного (1902–1905) «идеалистического направления» (в освободительном движении[176]) и была горячо поддержана[177], в частности, С. Н. Булгаковым, который источник своего вдохновения также (но в гораздо большей степени) нашёл в наследии В. С. Соловьёва[178].

---

[175] *П. И. Новгородцев.* Идея права в философии Вл. С. Соловьёва [1901] // П. И. Новгородцев. Об общественном идеале / Сост. А. В. Соболев. М., 1991. С. 529–530. Впервые опубликовано в Кн. VI «Вопросов философии и психологии» за 1901 год.

[176] К нему, кроме большинства авторов сборника «Проблемы идеализма», можно отнести и близкого к ним тогда С. А. Котляревского и ряд других авторов журналов «Вопросы философии и психологии» и «Вопросы Жизни».

[177] Продолжение этой риторической традиции см. также в статьях авторов, которые, несомненно, были знакомы с текстом С.: *С. Котляревский.* Об истинном и мнимом реализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь—декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 613; *С. Ф. Ольденбург.* Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1916; *Н. С. Трубецкой.* Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

[178] «Национальность не состоит в тех или других исторических пережитках, но представляет собою положительную духовную силу, которая требует их устранения для своего полного и свободного проявления

Отходя от партийных рамок практического марксизма, претендуя выстроить широкий фронт социалистов и либералов в борьбе против самодержавия, С. надеялся, вслед за законоучителями СДПГ, придать своему социализму громкое философское звучание в духе Фихте и Лассаля. Для большинства его партийных товарищей такой поворот С., несмотря на всю публичность его эволюции и несмотря на его укоренённость в партийной и теоретической литературе СДПГ, включая наследие Энгельса, был неожиданным, оторванным от практики и неприемлемым, неприятно созвучным (их различие не было очевидным) «ревизионизму» Бернштейна. Ленин позже не раз писал о том, что якобы с самого начала чувствовал и порицал «неполноценность» С. как марксиста, но на деле так и не понял, не оценил и не подверг внятной критике его «идеалистических» поисков 1897–1898–1899 годов, когда литературное сотрудничество со С. было наиболее близким. Вероятно не только потому, что оставался некомпетентным в тех специальных философских вопросах, в решении которых С. выстраивал своё «новое миросозерцание», но и потому, что просто не хотел рисковать утратой возможностей, которые предоставляло ему внутрипартийное сотрудничество со С. Ближайшая соратница Плеханова по марксист-

(это основное требование истинной политики национализма с большим публицистическим подъёмом было сформулировано в статье "В чём же состоит истинный национализм?"...) (...) До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, поставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма» (*С. Н. Булгаков.* Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 634, 627).

ской группе «Освобождение Труда», в прошлом героиня террористического народовольчества, близкая знакомая С., которой он всю жизнь восхищался независимо от политических разногласий, участница его издательских предприятий, В. И. Засулич разъясняла в немецком партийном органе «Neue Zeit» механизм раскола русского марксизма этого времени:

> «В начале движения для русских социал-демократов общепризнанным образцом считалась немецкая социал-демократия; во время же экономизма, напротив, в качестве образца приводились английские тред-юнионы и бельгийская партия с её кооперативными товариществами... на людей, взгляды которых только ещё начали оформляться, самым роковым образом подействовал тот переворот, который произошел в мыслях известнейших «столпов» марксизма Струве и Ко, работавших в легальной прессе. (Другие, которые писали в легальной прессе из мест ссылки или изгнания, могли пользоваться лишь незначительным влиянием уже по той причине, что они оставались незнакомыми для читателей, так как они почти каждую статью должны были подписывать разными псевдонимами)»[179].

Призыв С. к русской социал-демократии вернуться к идеалистическому пафосу Фихте и Лассаля был новым только именно для России, будучи излишним для СДПГ, где оба неизменно поминались с неизменным почтением, и был поддержан рядом единомышленников и учеников С., но почти не встретил позитивного отклика в партийных рядах, где некоторые не без оснований готовы были поднять его на смех за попытку искусственного, умозрительного, «интеллигентского» и кабинетного пафоса. При этом даже

[179] *В. И. Засулич.* Террористическое движение в России [1902] // В. И. Засулич. Избранные произведения. М., 1983. С. 366–367. Здесь эта статья впервые увидела свет на русском языке и была переиздана.

после того, как бернштейнианский ревизионизм доктрины актуализировал проблему философского обоснования исторического материализма, а философское разнообразие в СДПГ и западном социализме в целом превысило нормативное умолчание о философии как о Privatsache и стало предметом широко распространившейся моды, в том числе в России, к столетию «Речей к немецкой нации», в партийной печати один из партийных и публицистических патриархов СДПГ Франц Меринг (никогда не дезавуированный марксистской ортодоксией в России) выступил с новой апологией обоих культов:

> «Никто из лиц, явившихся после Фихте, не понял этого идеализма [Фихте] так глубоко, так резко и по существу, как Фердинан Лассаль. Он принял политическое наследие Фихте, вырвав его из опустошительных рук «образованных сословий» и передав его, как важное национальное дело, народу, который к тому времени созрел, мог отказаться от всякой помощи и с тех пор крепкими своими руками неустанно работает над осуществлением самой величественной идеи Фихте, открывшейся лишь взору умирающего мыслителя: над осуществлением истинного царства права, основанного на свободе и равенстве всех носящих человеческий образ и подобие»[180].

Одновременно с подготовкой «Проблем идеализма», С. предпринял экспериментальное издание книги Н. А. Бердяева с продолжением критики народнической «субъективной социологии», начатой в «Критических заметках» С. «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (СПб., 1901), снабдив его своим огромным предисловием, фактически — небольшой монографией. Книга стала наиболее

[180] *Ф. Меринг.* Речи Фихте к германскому народу [1908] // Ф. Меринг. На страже марксизма / Пер. Е. и И. Леонтьевых. М., 2011. С. 189.

серьёзным шагом к философскому примирению С. с «субъективизмом» Михайловского и философской программой «идеалистического направления» в социализме, которое, собственно, и создало на десятилетия вперёд особую моду на философию в русском социализме в целом. Одновременно «прощение» в радикальной среде получила и многолетняя борьба общественно маргинального антипода Михайловского — А. Л. Волынского «за идеализм»[181]. Однако большинство участников освободительного движения против самодержавия воспринимало этот «идеализм» как прежнее антиреволюционное «упадничество» и идейная капитуляция перед церковной санкцией самодержавия[182]. Соединение простой религиозности и социального

[181] «Прощением» А. Л. Волынского прозвучало принятое Бердяевым от имени направления имени «борьбы за идеализм» (в статье 1901 года в журнале «Мир Божий»), прямо и прежде монопольно связанное с именем Волынского и сборником его критических трудов «Борьба за идеализм» (1900). Это внешнее сближение вызвало критику в радикальной среде, но обнаружило суть раскола между прежней радикальной общественностью и интересами философии и новой культуры, ситуативно выраженными в фигуре Волынского. С., все 1890-е гг. осознанно преодолевавший это раскол, вспоминал в эмиграции о Волынском так, косвенно излагая свои культурные амбиции: «Либералы и радикалы возненавидели его за развенчание русской либерально-радикальной традиции в журналистике и литературной критике. Сейчас можно и должно сказать, что, развенчивая, Волынский был прав. Конечно, русский радикализм был философски малообразован и даже убог. Волынский вскрыл это убожество, и в этом его несомненная отрицательная заслуга. У него были философские знания и какая-то, казавшаяся в своё время кощунственной, неустрашимость суждений. Но, развенчивая, Волынский сам ничего не построял» (*П. Б. Струве.* О Фете — прозевала ли Россия Фета // П. Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981. С. 225).

[182] «Я веду культурную историю данного молодого поколения с 1892 г., когда Д. С. Мережковский издал свой «манифест» «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Мне пришлось столкнуться с этими литераторами, свергавшими «старые цепи» для «новой красоты», как раз когда они перенесли свои упадочные на-

протеста удалось лишь рабочему движению в Санкт-Петербурге во главе с Г. А. Гапоном. Соединение философского идеализма и религиозности с революционностью интеллигенции осталось делом узкого социального круга.

Рафинированный философ, эстет и практический социал-демократ Л. Габрилович (Галич) так оценил предисловие С. к книге Бердяева:

> «Впервые “возвращение к метафизике”, как лозунг передового движения, было брошено П. Б. Струве (...) Это яркое, блестящее предисловие, в сжатой афористической форме содержавшее целое мировоззрение, послужило мощным ферментом. Вокруг него заиграла и забродила молодая русская публицистика (...) в конце 1902 года вышли “Проблемы идеализма”, в которых необходимость метафизики высказывалась уже не как боевой тезис, а как самоочевидная предпосылка, не подверженная никакому сомнению. Вина за этот новый “этап” падает в значительной мере на бывшего главаря марксистов П. Б. Струве. (...) Философская начитанность Струве помогла ему отыскивать аргументы для утверждения “потусторонних” исканий на основаниях, схожих с легальными. Знаменательно, что “обращение” Струве послужило как бы сигналом к быстрому и поголовному “обращению” по всей линии марксистов-ревизионистов. То, что раньше целомудренно пряталось за кантианство, в приспособлении Штамлера, обнаружилось решительно и внезапно”[183]. В предисловии к книге Бердяева С., по замечанию внимательного современника, “отрицает возведение классовой точки зрения в необходи-

строения из литературы в политику. Таким являлся поворот к религиозно-философскому «идеализму» в сборнике 1902 г. — и уже совершенно открытое нападение того же круга на политику в сборнике “Вехи”» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 176–177).

[183] *Леонид Габрилович*. Новейшие русские метафизики (спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. Ноябрь — декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 646–647.

мость и следовательно ратует за полный простор для теоретической мысли. В сущности говоря, у Струве тут ничего не остаётся от исторического материализма»[184].

Популярный как автор очерков истории общественности и, благодаря своей партийности как социалиста-революционера, независимый по отношению к внутримарксистской полемике такой интеллектуальный свидетель, как Иванов-Разумник, дал этому совместному труду С. и его протеже Бердяева оценку в контексте его времени и очевидных для современных ему читателей авторских усилий:

> «Книга Бердяева-Струве была попыткой построения социологического (и именно социалистического) мировоззрения на основе трансцендентально-нормативного неокантианства, развитого в цельную и стройную систему Виндельбандом, верным учеником которого и является в этой книге Бердяев. (...) Новое "идеалистическое" течение сыграло во всяком случае громадную и развивающую роль. Марксизм поспешно ухватился за философию Авенариуса и Маха, признав этим самым бессилие философской позиции диалектического материализма; господствовавший раньше позитивизм принуждён был занять оборонительное положение. Высшей точки успеха идеалистическое течение достигло в 1903 году, когда появление сборника "Проблемы идеализма" было своего рода событием в истории развития русской философской мысли. В сборнике этом мирно уживаются рядом и трансцедентальный, и трансцедентный идеализм в борьбе против общего врага — позитивизма. (..) Книга Бердяева "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии"

[184] *А. Дживилегов.* [Рец.:] Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием Петра Струве // Вопросы философии и психологии. Январь — февраль 1902. Кн. I (61). II о. С. 613.

> объявила войну настолько же субъективизму Михайловского, насколько и ортодоксальному марксизму (...) Бердяев, однако, имел мужество признать, что во многом он стоит ближе к Михайловскому, чем к его противникам девяностых годов. (...) в книге этой и статьях единомышленников русская социалистическая мысль вышла наконец на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощно толклась более полувека. Начинается новый период в истории русской философской мысли, новая полоса в эволюции русской интеллигенции; старые идеалы получили новую точку опоры, получили несколько иную форму и изменили свой центр тяжести»[185].

Позже С. окончательно сформулировал своё кредо, в котором, по-видимому, вплоть до 1917 года сильнее всего звучал мотив превращения революционного социалиста не в консервативного реформиста, как пытались показать его марксистские критики, а скорее в индивидуалистического вождя авангардистского и модернистского типа, созвучного новой культуре его времени. Кредо, достроенное от идеализма до религиозности, звучало так: «На смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное миросозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённые новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческая* автономия. (...) Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая... захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»[186].

---

[185] *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. В 3-х т. Т. 3. М., 1997. С. 187–188, 190.

[186] Patriotica. С. 611. «Религия и социализм», 1909.

Какую же судьбу выбирал себе С., расставаясь с партийной социал-демократией и не спеша перестать быть социал-демократом в личном качестве? Несмотря на политически ангажированные мемуарные интерпретации своего марксистского прошлого как едва ли не буржуазной апологии капитализма в полемической столь удачно изобретённой Лениным и позже принятой С. оболочке «легального марксизма» — в их обоюдных интересах оказалось важным дезавуировать их радикальное сотрудничество в 1890-х — С. дал внятные описания того, как ему виделась судьба этаблированного социалиста, на примере того, кто повлиял на него не только идейно, но и образом биографии. В поздней немецкой энциклопедической статье о социальном либерализме он писал об эволюции Луйо Брентано в 1890-х гг.: «Брентано превратился в наиболее социально-политически опытного в академических кругах союзника социал-демократии и в этом качестве оказал, бесспорно, огромное влияние на молодое поколение немецких социалистов и профсоюзных деятелей, сам сознательно и бессознательно испытав влияние социал-демократии как мощного социального и политического движения»[187]. Проводя в применении к социологу Ф. Теннису градации догматичности социал-демократических мыслителей от крайней (через стадии: «вульгарный марксист», «последовательный марксист», «партийный социал-демократ») — к минимальной, С. в этой градации говорил и о себе: «я сам — *тогда* ещё умеренный социал-демократ-ревизионист (...) протагонист русского неортодоксального марксизма, выросший из либеральных потребностей и освободительных припадков русской интеллигенции...»[188]

[187] *П. Струве*. Социальный либерализм [1932] // П. Б. Струве. Избранные сочинения. С. 414–415. Пер. с нем. Н. С. Плотникова.

[188] *П. Струве*. Фердинанд Теннис (1855–1936). К оценке его социально-философского и социологического творчества [1937] // Там же. С. 425. Пер. с нем. Н. С. Плотникова. В переводе: «либералистских припадков».

3) 1901–1905: «идеалистическое направление»[189] в русском социализме

Тем временем именно «свобода совести» была дебютной организующей идеей сборника «Проблемы идеализма», с инициативой которого осенью 1901 года выступил С., затем попросив главного энтузиаста возрождения «естественного права» П. И. Новгородцева стать его титульным составителем[190].

[189] Идеалистическое направление в освободительном движении (социализме) — это самоназвание движения социалистических участников сборника «Проблемы идеализма» (1902) С., Бердяева, Булгакова, Франка, поддержанное Новгородцевым и С. А. Котляревским, было актуализировано автором этих строк для обозначения того образа направления, которое приняла для себя, прежде всего, группа этих бывших «критических марксистов», чтобы придать своей коллективной эволюции терминологически внятную динамику. См.: *М. А. Колеров*. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996 (раздел «Идеалистическое направление (1902–1906)»); *М. Колеров*. «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Новый Путь (1904) / Вопросы Жизни (1905); Народ (1906); Полярная Звезда (1905–1906) / Свобода и Культура (1906); Живая Жизнь (1907–1908). Росписи содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999. В историографии, в отличие от истории права, это понятие, однако, не получило развития, если не считать его простого воспроизведения (без ссылки на литературу) в статье: *Е. Л. Рудницкая*. Трактовка социализма «идеалистическим направлением» общественной мысли России. С. Н. Булгаков // Вопросы истории. М., 2006. № 5 (вошла в сб.: *Е. Л. Рудницкая*. Лики русской интеллигенции. М., 2007). О связи идеалистического направления в целом с социал-либеральной правовой мыслью в трудах Новгородцева, Е. Н. Трубецкого, Б. А. Кистяковского, Г. Ф. Шершеневича, Л. О. Петражицкого: *А. В. Попова*. Неолиберальная модель государственного и общественного устройства России на рубеже XIX–XX вв. М., 2012. С. 71–94 (Гл. II. § 1. Предмет философии права в трактовке представителей позитивистского и идеалистического направлений неолиберальной правовой доктрины).

[190] Несмотря на свой университетский статус приват-доцента и профессора, П. И. Новгородцев с середины 1890-х стоял очень близко к текущей

общественной полемике, явно выделяя в ней и разделяя позицию «критического направления» в марксизме. В 1901 г. он защитил и в 1902 г. издал докторскую диссертацию, в которой, рискуя навлечь на себя критику за бедность привлечённой литературы, сконцентрировал актуальные проблемы соотношения этических и общественных факторов в новейших трудах А. Д. Градовского, П. Н. Милюкова, Б. Н. Чичерина, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Н. Булгакова, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, Д. М. Петрушевского, Р. Ю. Виппера, И. М. Гревса, В. С. Соловьёва, включая внутримарксистскую полемику Булгакова и Струве 1896–1897 гг. о «свободе и необходимости» (*П. И. Новгородцев*. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902]. СПб., 2000). Фокусирование внимания Новгородцева на «критических марксистах» одновременно с вождём новейшего русского идеализма Соловьёвым и его последователями Трубецкими — не могло звучать иначе, как беспрецедентный аванс академической науки идеалистическому радикализму и прямая ему поддержка, вокруг которого созрело авторское ядро будущего сборника «Проблемы идеализма». Выступая за возрождение «естественного права», Новгородцев изначально вполне изящно обходил сложнейший вопрос о его возникновении, утверждая, что самостоятельная нравственная оценка явлений важнее условий образования права и за обоснованием её философии не к кому более обратиться, кроме как к Канту (Там же. С. 30–31). Новгородцев специально осветил политический смысл своего философского творчества, будучи известным практиком легальной и нелегальной либеральной оппозиции. Символически изображая Канта как основателя философии либерализма, а Гегеля как основателя философии социализма, Новгородцев искал между их крайностями линию социал-либерального баланса и для этого, хоть и выводил идеи из подчинения общественно-политическому контексту, подчёркивал их политические, прикладные роль и генетику. Здесь он прибегал к формуле Виппера: *«политическая идея есть действительно абстракция, хотя она... продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности данных...»* (С. 39). И резюмировал: «Иногда теоретик идёт в своих желаниях далее распространённых взглядов своего времени, иногда он только прикрывает громкими фразами свои партийные цели» (С. 67). Именно этот конфликт идей и практики в ходе реализации требований «естественного права» превращается в подобие революционной теории: «сущность естественно-правовой идеи состоит прежде всего в её критическом духе. Она знаменует собою независимый и самостоятельный суд над положительным правом. Это призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей. (...) Самый факт критики, самая идея суда над положительным порядком име-

Традиционно видя образец достижения целей политического либерализма в религиозном и институциональном опыте Британии, С. просил принять участие в сборнике только что эмигрировавшего в Англию историка-англомана П. Г. Виноградова, но тот отказался.

Осенью 1901 года С. начал организацию «идейного сборника», впоследствии получившего название «Проблемы идеализма» (издан на средства Д. Е. Жуковского под эгидой Московского психологического общества Московского университета в ноябре 1902), в котором, поручив официальное ведение дела либеральному правоведу П. И. Новгородцеву, объединил своих немногочисленных единомышленников по русскому «критическому марксизму» и «идеалистическому направлению» Б. А. Кистяковского, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и своих новых политических союзников в среде либеральных философов-соловьёвцев — С. Н. Трубецкого, Е. Н. Трубецкого и др. В своей статье в сборнике С., укрывшийся за криптонимом (П. Г.), вновь сводит счёты с Н. К. Михайловским за его позитивизм, хваля его за поиск «целостного миросозерцания», понимаемого как поиск идеальных, абсолютных основ мировоззрения. Выступая с автобиографической рецензией на формально избранную им книгу о Михайловском[191], С. дал первый в таком роде очерк собственной

ют огромное значение» (С. 225). И Новгородцев вполне революционно заключает, что в таких требованиях права «обыкновенно находили себе место идеальные стремления и самостоятельные и прогрессивные начала, которые не получили доступа в положительное право и существующий строй. Иногда заявления о естественной справедливости свидетельствуют о готовящихся конфликтах государственной жизни, о тех потрясениях, через которые она должна пройти, прежде чем проникнуться новыми началами. Соответственно степени обострения этих практических конфликтов возрастают пафос и красноречие теоретических построений, переходящих порою в пропаганду революционных идей» (С. 113).

[191] *С. П. Ранский*. Социология Н. К. Михайловского. СПб., 1901.

идейной эволюции как примера и части идейной борьбы в стране («К характеристике нашего философского развития»). К такому, лишённому скромности, жанру описания истории русской общественной мысли конца XIX–XX веков сквозь призму своей биографии С. впоследствии прибегал не раз. С. здесь от имени «критических марксистов» щедро признал важной идею Михайловского о независимости «должного» от «сущего», ещё недавно служившей ему примером субъективистского произвола народников-социалистов перед лицом марксистского «объективизма», и провозгласил, что теперь «критическими марксистами» открывается «широкая область метафизического творчества» на основе онтологии и этики В. С. Соловьёва, системы Б. Н. Чичерина, панпсихизма А. А. Козлова (в сборник был приглашён его сын С. А. Аскольдов), «конкретного идеализма» С. Н. Трубецкого.

Несмотря на то, что центральную роль в его составлении сыграл именно С., сборник «Проблемы идеализма» был издан под титульной редакцией П. И. Новгородцева, а самому С. как политическому эмигранту и публичному редактору выходившего в эмиграции с лета 1902 г. и нелегально распространявшегося в России журнала-газеты «Освобождение» пришлось скрыть своё участие в сборнике под узнаваемым псевдонимом. Это не помешало С. сформировать влиятельное лобби «практической философии», заинтересованное в практическом соединении философского идеализма с политическими либерализмом и радикализмом. Философски ангажированный марксист, не разделяя заявленной, по его мнению, более всего в статьях Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Жуковского, позиции «Проблем идеализма», вполне адекватно изложил идейную суть и политические пределы перемен в лагере революционеров, вступивших в коалицию с либералами: он увидел прежнее единство авторов сборника с традиционными революционерами в «практических вопросах», которое укрепило «психологический» успех

книги в среде интеллигенции. Сборник в его изложении всего лишь установил приоритет должного над сущим и отказался от позитивизма потому, что он был признан неспособным обосновать моральный идеал революционеров, за обоснованием которого они обратились к религии и философскому идеализму[192].

В свою очередь, либеральный критик и идеалист, в главном повторяя марксистского критика, внятно определил вес и непосредственную причину названного успеха: «Эта книга обратила на себя особенное внимание русского общества; ею заинтересовались даже те, кто вообще не склонен раскрывать сочинения философского характера. (...) Объясняется это, конечно, тем, что центр тяжести этой объёмистой книги лежит не столько в достоинствах её философского содержания, сколько в тех общественных воззрениях и симпатиях, которыми проникнуты её авторы — в своём большинстве, недавние или новые гости в доме отвлечённого мышления. Не то, что говорит эта книга, а то, «о чём она думает»,[193] — вот для многих её притяга-

[192] *Н. Рожков.* Значение и судьбы новейшего идеализма в России (По поводу книги «Проблемы идеализма») // Вопросы философии и психологии. Март—апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 315–316, 318–319. Эпоху спустя известный советский большевик и марксист чутко обнаружил доминирующую социалистическую, социал-демократическую тенденцию в этой эволюции С. и его круга, помещая её в контекст германской социал-демократии: «В настоящее время вся социал-демократия окрашена в один ревизионистский цвет (...) идеологи социал-демократии, освободившись от марксистского «груза», заняты не более и не менее, как созданием новой *социалистической религии.* (...) Подобно русским Булгаковым, Струве и Булгаковым, идеологи немецкой социал-демократии разочаровались в науке и находят единственное спасение уже не в этике, а просто в религии» (*А. М. Деборин.* Последнее слово ревизионизма [1924] // А. М. Деборин. Философия и марксизм. Изд. 3. М., 2011. С. 71).

[193] В своей авторецензии на сборник в журнале «Освобождение», названной «О чем думает одна книга?», С. написал: ««Проблемы идеализма» знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, нача-

тельная сила. Если бы «Проблемы идеализма» написали исключительно философы-специалисты, мирные деятели учёных кабинетов, то они, бесспорно, не вызвали бы такого шума и страстей. Но самые имена писателей, которые до сих пор известны были своей работой в иных областях теории и практики и которые чаще всего примыкали к действенному марксизму, — самые эти имена сосредоточили вокруг себя новый и обширный контингент читателей. (...) «Проблемы идеализма» хорошо показывают, что служение передовым гражданским идеалам и спиритуалистическое мировоззрение вполне совместимы. Но кто знаком с историей философии, тот в этом никогда и не сомневался»[194].

Редакция издаваемого Московским психологическим обществом журнала «Вопросы философии и психологии» в это время широко открыла свои страницы для представителей «идеалистического направления», главой которого в России, в отсутствие С., стал Булгаков, — для самого Булгакова, Франка, Бердяева, близкого к ним Котляревского, который в те дни ярко заявил о себе диссертациями о католическом социализме и религиозном факторе национального освобождения. Вплоть до издания журнала «Вопросы Жизни» в 1905 году (и осенних месяцев журнала «Новый Путь» 1904 года) этот журнал стал фактически философским органом направления, что было замечено не только критиками, но и радикальной аудиторией[195].

ло которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Соловьёв. Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения» (Цит. по: *М. А. Колеров.* Не мир, но меч: русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб., 1996. С. 48).

[194] *Ю. Айхенвальд.* [Рец.:] Проблемы идеализма. Сборник статей под редакцией П. И. Новгородцева // Вопросы философии и психологии. Март — апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 333, 356.

[195] И наблюдали это ещё с первого эпизода сотрудничества — с полемики С. и Булгакова в 1896–1897 гг.: «Когда в недрах марксизма зародилось

Кроме того, в одном номере с текстами Булгакова, Новгородцева, Аскольдова, Е. Н. Трубецкого немедленно по выходе в свет «Проблем идеализма», не опасаясь эмигрантского статуса С. и демонстрируя солидарность с его новым политическим идеализмом, «Вопросы философии и психологии» опубликовали неумеренно апологетическую рецензию другого соавтора С. по «Проблемам идеализма» С. Л. Франка на сборник С. марксистского и «критического» периодов «На разные темы» (1902), прямо называя автора по имени. Франк с наибольшей точностью выразил, очевидно, оригинальный пафос и основные тезисы авторского мифа С. о своём призвании и задачах развиваемой им русской политической мысли, воспринятые рецензентом «из первых рук». Франк тем активней форсировал свой апологетический тон, что честно признавал факт невнимания общества и печати[196], с которым была встречена эта книга. «Весьма крупную величину» 33-летнего С. в русской современности Франк первым из биографов С. увидел (и превратил эту формулу в банальную) в соединении в проповеди С. «науки и публицистики, теории и практики, отвлечённой и прикладной мысли», которое оказывалось ответом на давнюю проблему, поставленную

течение, нашедшее потом своё выражение в лозунге «назад к Канту», П. Б. Струве и некоторые другие видные тогда марксисты, перенесшие свои изыскания на философскую почву, начали печатать свои статьи в журнале, выходившем под редакцией С. Н. Трубецкого. Известный дотоле только специалистам, журнал появился в более широких кругах читающей публики. Преклонявшиеся в ту пору перед г. Струве, русские ученики Маркса готовы были, казалось, с головой уйти в увлекшую его «гносеологию». Но это продолжалось очень недолго. Область была слишком специальна и экскурсии в неё для непосвящённых были слишком утомительны» (*А. В. Пешехонов*. Накануне [Сборник статей из журнала «Русское Богатство», 1904–1905]. СПб., 1906. С. 156. («Памяти парламентёра», октябрь 1905)).

[196] Объявления о продаже нераспроданной книги С. «На разные темы» журнал С. «Полярная Звезда» всё ещё публиковал даже весной 1906 года.

«субъективным методом» Михайловского так, как её акцентировал сам С. (а позже довёл до хрестоматийного звучания Н. А. Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» в сборнике «Вехи»). В творчестве С. этот ответ Франк обнаружил в том, что его «искание *практической* правды — правды социально-политической, этической и отчасти даже (в последнее время) религиозной... [при том что у других деятелей] жажда "правды-справедливости" (термин г. Михайловского), потребность найти нравственно удовлетворяющие ответы на "проклятые вопросы"... редко уживается мирно и гармонически с влечением к "правде-истине"» — и достигнутое С. соединение морали, политики и науки[197]. Пример такого соединения апологет увидел в «Критических заметках» С., где «вывод о неизбежной европеизации русской экономической жизни» опирался одновременно на экономический анализ и теорию познания.

Примечательно, что «критический» сборник С. приветствовал и его политический оппонент, марксист-бернштейнианец С. Н. Прокопович в марксистском журнале «Образование». Он писал, также прямо приветствуя эмигранта: «Сборник статей П. Б. Струве представляет собою самое крупное литературное явление за этот год. Струве по праву занимал и занимает первое место среди молодого поколения писателей, вступивших в литературу в середине 90-х годов. Его кругозор гораздо шире поля зрения его соратников по перу; он уважает и ценит теоретическую мысль и литературу вообще и имеет смелость додумывать свои мысли до конца...» Прокопович точно вычленил в це-

[197] *С. Франк.* [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб., 1902 // Вопросы философии и психологии: Книга 66 (1). Январь — февраль 1903. М., 1903. С. 96–97 (с неточным названием переиздано в: *С. Л. Франк.* Русское мировоззрение / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1996. С. 481–486). С. Прокопович [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.) Сборник статей. СПб., 1902 // Образование. СПб., 1902. № 10. III о. С. 80–82, 84.

лом томе написанных по случаю статей С. его новую программу: в апелляции «назад к Лассалю и Фихте» — развитие мысли Фихте о том, что «конечная цель» — «устроить всеобщую жизнь и ввести человеческий порядок вещей»; в признании о новой основе своей этики: «Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую (...) я выбираю эти идеалы потому, что они выражают то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы». Обоснованно привлекая к анализу не вошедшее в сборник обширное предисловие С. к книге его протеже Н. А. Бердяева о Михайловском, Прокопович вычленяет из него формулу нового, этического и идеалистического социализма: «Социальный идеал должен быть подчинён идеалу этическому, социальная политика должна быть подчинена этическому началу (...) Мораль свободно выполняемого долга, состоящего в осуществлении абсолютного блага, есть единственная мораль, способная создать нового человека и новое общество...». Далее, защищая Бернштейна от «сектантских» претензий С. к нему как к «филистеру» и осуждения им экономических интересов пролетариата как буржуазных и их обслуживание ревизионистами, критик, однако, поддерживает С. в том, что его внеклассовая этика смыкает социализм с либерализмом: «Идею либерализма Струве вполне основательно видит в защите естественных прав человека, а не классовых интересов буржуазии»[198].

«Проблемы идеализма» — как действие по сути коалиционное, объединившее недавних марксистов, а ныне — радикальных социалистов, с политическими либералами и политическими философами-наследниками В. С. Соловьёва и сторонниками «возрождения естественного права» — заметно отодвинули в тень самоорганизацию круга С., который в сентябре 1901 г. успел высту-

[198] Там же. С. 85.

пить с менее громким, но вполне громким манифестом, скандально посвящённым фигуре несомненного лидера радикальной оппозиции Н. К. Михайловского в дни широкого празднования 40-летия его общественной деятельности[199], — книгой Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» и большим предисловием к ней С. (С. обнаружил в ссыльном марксисте Бердяеве близкие настроения и помог ему дебютировать в печати с проповедью соединения социал-демократии с философским идеализмом) В своём предисловии (написано ещё в сентябре—октябре 1900) С. прямо провозгласил от имени своих единомышленников, что книга Бердяева, имеющая своей целью «внести идеалистическую струю в марксизм», —

> «знаменует собой в нашем направлении умственную жизнь и критическое движение, противополагающиеся духовной смерти и догматическому застою (...) В предлагаемой книге то практическое направление, появление которого в России относится к 90-м годам, составляя самый крупный факт в умственно-общественной жизни этого десятилетия, совершенно открыто и решительно делает поворот к философскому идеализму и вступает, таким образом, в союз с духовными силами, которые до сих пор лишь по историческому недоразумению считались ему враждебными (...) Исторически — мировоззрение Маркса вызрело из оппозиции всякой идеалистической философии, в частности и гегелевскому логизму. С идеалистической философией у марксизма общё лишь стремление к широкому синтетическому построению мирового целого, т. е. обща лишь голая форма целостного миросозерцания. И то эта формальная связь сознательно устанавливается лишь во второй период литературной деятельности Маркса, когда его материализм

[199] Сорокалетие деятельности Н. К. Михайловского отмечалось 16–17 октября 1900.

становится диалектическим, когда происходит синтез материалистической метафизики и диалектической логики. Важный шаг в деле критической перестройки марксизма на основе идеалистической философии делает книга Бердяева. Его критика, обращённая против г. Михайловского, направляется против ограниченности всякого позитивизма вообще... если отбросить скудную диалектику и ещё более скудный материализм, то и ортодоксальная форма марксизма представится нам в образе позитивизма»[200].

Развивая свою личную критику Михайловского, но уже расставшись с классовым марксизмом, но вновь присягая «бесподобному научному зданию» Маркса в области социальной философии, С. снова возвращается к проблеме сущего и должного — и здесь вынужден солидаризоваться с прежним и нынешним оппонентом против себя самого, прежнего марксиста середины 1890-х гг:

«Как классовая точка зрения не есть критерий истины, так интересы класса не суть критерий должного. Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую, или благоприятна ему; наоборот, я потому стал на точку зрения этого класса, что в ней я нашёл истину. Я признаю такие-то идеалы ценными не потому, что они идеалы данного (моего) класса; наоборот, я выбираю эти идеалы потому, что выражают то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы, они — безусловно автономны. С точки зрения этих законов я исследую конкретную действительность и оцениваю её. Истина и идеал не заимствуют своего достоинства от классовой

[200] *Пётр Струве.* Предисловие // Н. А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском [1901]. С. 8, 5, 10.

> точки зрения, а сообщают ей это достоинство. Такова точка зрения философского идеализма. Принципиально, это — внеклассовая, общечеловеческая точка зрения, и было бы нечестно и смешно утаивать это. Г. Михайловский всегда совершенно правильно отстаивал самозаконность этической совести, о которой столь часто забывают ортодоксальные марксисты...»[201]

Уже в этом тексте, стоящем на границе «критического направления в марксизме» и «идеализма», С. настойчиво закладывал основу для включения в свою будущую программу освободительной коалиции и «естественное право», видя в нём юридическую и философскую основу для борьбы за полное политическое освобождение, главным смыслом которого было бы не просто ограничение самодержавия, а признание полных прав личности независимо от форм ограничения монархии:

> «Отказ от “естественного права” представляется нам не только социологической или исторической ошибкой. Этот отказ для нас есть моральная невозможность. С той этической точки зрения, на которой мы стояли и стоим всегда, «естественное право» не может быть уступлено ни за чьё и ни за какое “счастье”»[202].

За два месяца до выхода в свет московского сборника «Проблемы идеализма», 22 сентября 1902, главный пропагандист «возрождения естественного права» Новгородцев, как лицо будущего идейного события и представитель московской университетской либеральной школы права, выступил в Санкт-Петербургском университете с речью «О задачах современной философии права», в которой впервые заявил о сложившемся направлении в философии

[201] Там же. С. 24–26.
[202] Там же. С. 78.

права и политике, не останавливая внимания на различиях их составных частей, либеральном праве и социалистической практике[203]:

> «Мне приятно думать, что в настоящее время то идеалистическое направление философии права, к которому я принадлежу, не представляет исключительного достояния какого-либо учёного, но объединяет под общим знаменем целый ряд представителей нового поколения юристов и публицистов»[204].

Новгородцев, довольно холодно заметив о марксистском прошлом своих новых единомышленников («мы уже пережили эпоху крайних увлечений историческим принципом и социологической методой»), вновь (как и в своей диссертации о Гегеле и Канте) вывел за пределы анализа происхождение «идеальных начал» естественного права, подтверждая «необходимость понять и обосновать нравственную проблему, как самостоятельную и независимую от всяких исторических и социологических предпосылок. Это стремление находило для себя, прежде всего, опору в самом факте нравственного сознания, которое возвышает свой голос над несовершенной действительностью, как бы ни казалась она необходимой для теоретических размышлений»[205].

Радикальная апелляция к независимости нравственного сознания, столь близкая С. того времени, однако, в строе

[203] Санкт-Петербург был «идейной территорией» многолетнего оппонента «естественного права» Новгородцева — Л. И. Петражицкого. О длительной полемике между ними по этому и близким вопросам см.: *Е. В. Тимошина*. Идея справедливости в дискурсе петербургской школы философии права // Исследования по истории русской мысли [10]. Ежегодник за 2010–2011 год. М., 2014.

[204] *П. И. Новгородцев*. О задачах современной философии права [1902] // П. И. Новгородцев. Сочинения / Сост. М. А. Колеров, Н. С. Плотников. М., 1995. С. 300.

[205] Там же. С. 301, 304–305.

рассуждений Новгородцева уже имела перед собой готовый горизонт социал-либеральной доктрины, которую С. ещё только предстояло достроить, основываясь на своём социалистическом опыте. Новгородцев говорил:

> «То, что мы вносим, то, что мы предлагаем, существует не со вчерашнего дня. Это не туманная социальная динамика, относительно которой ещё не известно, есть ли она или нет; это — вечные основы морального сознания, принципы равенства и свободы, справедливости и любви»[206].

То есть Новгородцев в это время уже имел ясный образ должного там, где С., как ни странно, не мог (и, думаю, так и не смог никогда) предъявить того главного, что, собственно, и требовалось от человека с марксистским опытом и социалиста, — внятного пафоса социальной справедливости.

Возглавив и отчасти породив русский марксизм как течение, С., по оценке Франка, встал к нему же в оппозицию, породив течение «критического марксизма», которое (видимо, к моменту составления «Проблем идеализма») начало строить «самостоятельную общественно-философскую программу». «Новый строй идей» С., который он поторопился изобразить в качестве итоговых фрагментов своего марксистского сборника статей за 1893–1901 гг., явно со слов самого С., Франк находил в статьях «Право и права» (1901) и «В чём же истинный национализм?», в которых материалистически-классовое обоснование политической (социалистической и либеральной) программы заменялось «философско-этическими» моральными правами и абсолютной ценностью личности. И главное, что, согласно апологии, объединяло прежний марксизм С. (где свобода личности была подчинена и реализована в следовании научной закономерности) с его «новым строем идей» (где свобода личности ставилась выше материального

[206] Там же. С. 305–306.

вообще), — это «последовательное и решительное западничество» и «идея *культуры* и *культурного развития*»[207]. Здесь же Франк высказал надежду, что, как и прежде, идеи С. окажут «сильное воздействие на общественное мнение» и «увлекут за собой». Но на практике оказалось, что новое обоснование социального идеала на принципах свободы личности и приоритета культуры пришлось повторить ряд лет спустя, уже в иную эпоху, убеждаясь, что политическая практика перекрывает перспективы свободного творчества. Франк в своей апологии посетовал на отсутствие в сводном сборнике С. его преимущественно научных трудов: предисловия к книге Бердяева о Михайловском, немецкой статьи «Учение Маркса о социальном развитии», работ о крепостном хозяйстве, немецкого же критического отклика на ревизионистскую программу Э. Бернштейна.

В начале 1901 г. в либеральной газете «Право» С. выступил с по необходимости кратким манифестом о том новом образе общественно-политической борьбы, ради которого он разрывал свои партийные связи с классовым марксизмом и вступал в коалицию с земскими, традиционно вполне умеренными либералами. Здесь он, укрывшись за стилистически узнаваемый криптоним, опубликовал статью «Право и права». Находя политическое вдохновение в образце британского парламентаризма и фигуре русского англомана историка П. Г. Виноградова, образ национального возрождения и социалистической политики С. находил в германской практике[208]. Именно вновь апеллируя к ценностям «естественного права», национального освобо-

[207] *С. Франк.* [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). С. 99–102.

[208] В историческом понятии «Германия» в дореволюционной России традиционно соединялись объединённая Пруссией Германия и её предшественники — и Австрия внутри Австро-Венгрии. Яркий пример этого см. в очерке из представительной серии: *А. К. Дживелегов.* История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб., 1908 (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / Под ред. Н. И. Кареева и И. В. Лучицкого).

ждения[209], С. предлагал традиционному либерализму преодолеть партийные рамки[210] своей борьбы за историческое обусловленное право. Он писал: «правовой порядок ценен не только потому, что он выражает собой господство объективного и бесстрастного права, а и потому, что, благодаря господству этого... права, обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности». Полноту прав человека он соединял с исторической традицией русской «национально терпимой и сильной национальности», но, ожидая «усложнения национальной жизни»,[211] — одновременно отвергал

[209] В течение середины XIX в., на глазах поколения родителей С. прошло успешное превращение Германии и Италии в национальные государства. Даже такой вполне холодный в отношении пафоса национального возрождения и прямо враждебный к русскому национализму и особенно враждебный к славянской национально-освободительной борьбе в её сербском примере, как Милюков, разделял общее для русской оппозиции восхищение прежними образцами национального возрождения в Европе, также сопряжёнными с государственным объединением, но — в отличие от сербского — поддержанного именно революционной, а не официальной Россией. Он вспоминал: «Я переживал душой итальянское risorgimento и триумф национального принципа в годы объединения Италии» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 432).

[210] В газетной версии статьи С. обращался к «каждой здравомыслящей политической партии» (Стлб. 89), а при переиздании её в своём сборнике «На разные темы» уже заменил надпартийный образ «всех здравомыслящих людей» (С. 522).

[211] «Усложнение жизни» («усложнение национальной культуры») — одно из центральных общественно-политических понятий С. 1890–1900-х гг., позволявших ему соблюсти цензурные требования «эзопова языка» и одновременно выразить некоторую доктрину («удачное понятие, — говорил С. позже, — in nuce содержит в себе целую научную теорию»). Понятие «усложнения», связанное с интенсивной русской идейной традицией «сложности» (начиная с М. Погодина («Дела становятся час от часу мудрёнее, отношения сложнее; а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами»), опираясь на «сложность» зрелости и демократии у К. Н. Леонтьева («Византинизм и Славянство»), имея в виду и то, что писал в своём «Московском сборнике» К. П. Победоносцев (1896) («как усложняются формы быта общественного» и др.), С. впервые применил в описании и развитии

и славянофильское отрицание самоценности прав личности, и позитивистскую успокоенность на достижении набора формальных прав, ставя задачу масштабного социалистического и либерального синтеза в понятии *достойной* жизни (и лица, и нации), намеченного В. С. Соловьёвым[212] и впоследствии развитого в дни Революции 1905 г. именно в журнале С. П. И. Новгородцевым и И. А. Покров-

экономической жизни капитализирующейся и индустриализирующейся России в «Критических заметках» и затем в журнале «Новое Слово» (*П. Б.* Текущие вопросы внутренней жизни // Новое Слово. СПб., 1897. № 6. II о. С. 157). Одним из манифестов С. для перехода от «критического марксизма» к «идеализму» стал его специальный комментарий к понятию «усложнение жизни» («Северный Курьер», 1899). И позже С. сохранял верность этому понятию. В дебютной статье С. как редактора «Освобождения» говорилось: «Усложняющаяся жизнь великого народа требует широких политических форм, свободы и простора для личной и общественной самодеятельности» (*П. Струве.* От редактора // Освобождение. 1902. № 1. 18 июня). Постфактум, после революции 1905 года, отметившей крах усилий самодержавия избежать политических перемен, С. вернулся к этой формуле и в своей статье в сборнике «Вехи»: «Крушение этой политики было неизбежно, и в связи с усложнением общественной жизни и с войной оно совершилось очень быстро». См. также: «Эра Витте [дала] усложнение экономической жизни» (Patriotica. С. 212. «Чрезмерность полиции и к чему она приведёт?», 1908).

[212] Развивая «право на прожиточный минимум / существование» Г. Еллинека в «минимум Добра» В. С. Соловьёв (см.: *Е. А. Прибыткова.* Несвоевременный современник: философия права В. С. Соловьёва. М., 2011. Глава III) предопределил внесение русскими «возродителями естественного права» этой новации «право на достойное существование» (см.: Там же. Глава IV. §2) в фундамент *современного, социализированного либерализма* и затем — в основу современного цивилизованного права. См. также специально об этом: *Е. А. Прибыткова*. В поисках «этического минимума»: Г. Еллинек, Э. ф. Гартман, Вл. Соколов // Исследования по истории русской мысли [8]. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009. К исследованию Е. А. Прибытковой следует добавить и толкование «права на достойное существование» социалистом С. И. Гессеном: *С. И. Гессен*. Правовое государство и социализм [1924–1925] // С. И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 187–189.

ским[213] и сподвижником С. по «критическому марксизму» Б. А. Кистяковским: «Никакая техника и никакой объективный правопорядок не достаточны для великой развивающейся и усложняющейся национальной культуры современной России. (...) Кто мнит *задачу достойной*[214] *национальной жизни* разрешить путём усвоения промышленной техники (...) тот питает мечту, которая была бы пагубной и грозила поставить нашу родину... спиной к Европе, если бы она не была совершенно утопической»[215]. Этот новый манифест С. встретил идейную поддержку в либеральной среде. Постфактум С. кратко определил эту свою социал-либеральную программу как революционную борьбу во имя права, а себя отнёс к числу «*идейных и практических революционеров* во имя начал права, понимаемого в двуеди-

[213] *П. И. Новгородцев*. Два этюда. 1. Перед завесой. 2. Право на достойное человеческое существование // Полярная Звезда. СПб., 1905. № 3; *И. Покровский*. Право на существование // Свобода и Культура. СПб., 1906. № 4. Переизд.: *П. И. Новгородцев, И. А. Покровский*. О праве на существование. М., 1911. См. также: «Человек борется не просто за своё существование, а за достойное существование» (*С. Н. Булгаков*. Очерки по истории экономических учений. I. (1913)). См. формулировки Новгородцева со ссылкой на детализацию этого права в «Оправдании добра» В. С. Соловьёва: «Среди тех прав, которые помещаются обыкновенно в современных декларациях, нет одного, которое по всем данным должно бы найти место в символе веры современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование. А между тем, если есть какая-либо яркая и отличительная черта нового воззрения, которое всё более даёт себя знать в различных общественных заявлениях, так это именно — признание за указанным правом не нравственного только, но и юридического значения. (...) Речь идёт в данном случае, очевидно, о том, чтобы обеспечить для каждого возможность человеческого существования и освободить от гнёта таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно (*П. И. Новгородцев*. Право на достойное человеческое существование [1905] // П. И. Новгородцев. Сочинения. С. 321–322).

[214] В газетной публикации ошибочно «достойную». Исправлено по переизданию в сборнике «На разные темы».

[215] *П. И.* Право и права // Право. СПб., 1901. № 2. 7 января. Стлб. 88–91.

ном смысле «Прав» (т. е. неприкосновенных прав личности) и «права» (т. е. возможной допустимости только правового преобразования правовых норм). Лежащие в основе этих *положений мысли* я (...) сформулировал в статье «Право и права», которая появилась в 1901 г. (...) и тогда же ветераном русской либеральной публицистики и большим юристом К. К. Арсеньевым была признана целой программой. (...) В эту эпоху я был ещё социалистом, но в своей духовной жизни и в своей политической деятельности я и тогда был уже движим прежде всего и более всего любовью к свободе и правовому государству. С тех пор возникла не теория, а практически огромная и роковая проблема соотношения между свободой и социализмом. Эту проблему поставил русский опыт»[216]. Несмотря на острые идейные и личные разногласия с политически близкими ему ортодоксальными марксистами А. Н. Потресовым, Г. В. Плехановым, В. И. Лениным, удивительно откровенно и эмоционально описанные последним по итогам переговоров с С. и Туган-Барановским об организации газеты «Искра» в декабре 1901, социал-демократическая партийность С. в целом не подвергалась сомнению даже его критиками: даже в ходе II съезда РСДРП в августе 1903 г. Ленин выражал надежду, что «Струве сорганизуется и войдет в партию»[217].

Перспективы творчества были принесены С. в жертву политической борьбе. Проведя лето 1901 в Твери и Тверской губернии, С. вступил в соглашение с земскими либералами, которые предложили ему организовать и возглавить в эмиграции аналог знаменитых изданий А. И. Герцена — финансируемую ими вместе с Д. Е. Жу-

[216] *П. Б. Струве*. О непримиримости (10 ноября 1935) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 813.

[217] *В. И. Ленин*. Заметки о прениях по §1 устава // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 7. С. 430. Об этом см.: *В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник*. Подлинная история РСДРП — РКП(б) — ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010. С. 71.

ковским двухнедельную газету «Освобождение» (Штуттгарт—Париж, 1902–1905). Поначалу кандидатом на руководство изданием выступал П. Н. Милюков, не имевший значимого редакторского опыта, но, не желая повторить «судьбу Герцена»[218], то есть обречь себя на, возможно, пожизненную эмиграцию, отказался, порекомендовав вместо себя С. Выехав за границу для организации издания, С. совершил вояж по европейским общественно-политическим столицам, где заручился поддержкой изданию со стороны практически всех ведущих социалистов, и решил начать издание в Штуттгарте, где издавался теоретический орган СДПГ «Neue Zeit», в партийном издательстве СДПГ. «Освобождение» стало большим и тиражным предприятием, которое точно так же, как «Искра», создало вокруг своей корреспондентской и читательской инфраструктуры прообраз социал-либеральной партии — «Союз Освобождения» (1904), в России превратившейся в конституционно-демократическую Партию народной свободы (1905). В приложении к газете, получившей в России,

[218] *П. Н. Милюков.* Воспоминания. С. 141.
Его выступление здесь библиографически давно известно, но до сих пор не привлекло внимания ни издателей наследия, ни биографов М. О. Гершензона: Письмо с берегов Женевского озера N. N. и ответ на него редактора «Освобождения» // Освобождение. Кн. I. Stuttgart, 1903. Об этом с указанием на признание авторства см.: *К. Ф. Шацилло.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 1985. При этом важно, что интенсивная литературная литературная связь Гершензона с московскими университетскими либералами П. И. Новгородцевым, Л. М. Лопатиным, С. Н. Трубецким, В. И. Вернадским, П. Г. Виноградовым (его секретарём в 1890-е был Гершензон), С. А. Котляревским (см. обширные литературные и театральные обозрения Гершензона в их журнале «Научное Слово», 1903–1905), по-видимому, оказалась для С. более весомой, чем более давняя его марксистская связь с Булгаковым (см.: *М. А. Колеров.* Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999).

несмотря на нелегальность, чрезвычайно широкое распространение, издавались оперативные «Листки Освобождения» и сборники «Книжки Освобождения», в которых, в частности, в развитие коалиции социалистов и либералов внутри «Проблем идеализма», в качестве политического мыслителя анонимно дебютировал яркий представитель круга московских университетских либеральных интеллектуалов и друг С. Н. Булгакова М. О. Гершензон, вступив в полемику со С. в защиту приоритета морального переворота от его проповеди политической революционности и создав тем самым идейную основу для будущего сотрудничества с ним в деле организации сборника «Вехи». Ближайшими редакционными сотрудниками С. в журнале стали А. А. Корнилов и С. Л. Франк. Благодаря «Освобождению», по свидетельству современницы, близко стоявшей к доставке и распространению издания в России, «кружковая известность [С.] в марксистских кругах превратилась в широкую общерусскую известность»[219].

Свою ключевую роль в формировании программы либеральной партии в это время С. использовал для внесения в среду умеренного земского либерализма социалистических требований по разрешению аграрного и рабочего вопросов[220]. Но три года напряжённого политического журнализма бесследно прошли для идейного творчества С. После «кровавого воскресения» 9 января 1905 года (его С. отметил никогда им не переиздававшейся статьёй «Палач народа»[221])

[219] *А. Тыркова-Вильямс.* На путях к свободе [1952] // А.Тыркова-Вильямс. Воспоминания. То, чего больше не будет. М, 1998. С. 268.

[220] *П. Н. Милюков.* Воспоминания. С. 166.

[221] Вот её текст полностью: «Народ шёл к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем. Всё равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу, — после событий 22 / 9 января 1905 г. царь Николай стал от-

растущий революционный процесс и явочное облегчение цензуры в России не дали эмигрантской газете успевать за событиями и конкурировать с легальной прессой внутри России.

Продолжая начатую в редакции «Освобождения» и в «Союзе Освобождения» борьбу за внесение социал-демократических программных требований в области рабочего вопроса, социалистических установок в области вопроса аграрного, после образования кадетской партии, членом ЦК которой он стал в 1906 году, С. не оставил этих усилий, с согласия партии став её главным экспертом и стратегом в рабочем и аграрном вопросах[222]. Здесь С. предлагал начать партийную пропаганду либеральной программы в среде крестьян и рабочих, сотрудничая с социалистами, лобби-

крыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нём не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах — и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас. Она душит нас спазмами, она владеет нами, она ведёт и приведёт нас туда, куда мы должны идти и прийти. Вчера еще были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжёт душу и неотвязным призывом гвоздит мозг. Против ужасных злодеяний, совершённых по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все, в ком есть простая, человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть покарано и что корень его должен быть истреблён. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть закончена. Ни о чём другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободой мы отомстим» (*П. С.* Палач народа // Освобождение. № 64. Париж, 25 января (12 января) 1905. С. 233: (Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 326–327).

[222] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 — середина 1930-х гг.. В 6 т. / Т. 1. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов. М., 1994. С. 47–48, 114, 140, 147–148, 169, 176, 178.

ровал проведение по спискам партии в Государственную думу рабочих и крестьян[223].

В контексте усилий С. в части рабочего вопроса остаётся без исследования замалчиваемая всеми без исключения участниками, свидетелями и мемуаристами деятельность С. во главе ежедневной петербургской газеты «Рабочее Слово» (выходила в свет с 31 марта по 16 мая 1906), центром идеологического вещания которой стал «великий и всеобщий идеал социализма», реализуемый в эволюционной борьбе пролетариата на основе профсоюзного движения. Ему удалось привлечь к (объявленному) сотрудничеству в газете таких опытных и признанных социалистических и политико-экономических авторов (В. С. Голубев, Л. Я. Гуревич, В. Э. Ден, М. И. Туган-Барановский, С. Л. Франк, В. В. Хижняков, М. И. Фридман, Г. Н. Штильман, А. А. Яблоновский), что само это исключало «притворный» характер издания, что, кстати, подтверждало и карательное внимание цензуры, конфисковавшей воскресные номера газеты: № 7 от 9 апреля и № 13 от 16 апреля. Надеюсь, в ближайшее время общий характер этого предприятия С. будет исследован.

Вплоть до весны 1908 года, когда политическая активность С. в рамках партии иссякла (и практически прекратилась с осени 1909, когда партийное большинство выступило против сборника «Вехи»), С. возглавлял партийную «рабочую комиссию» и был единственным лоббистом темы социальной политики в партии по германскому образцу. В это время, когда русская социал-демократия переживала период «ликвидаторства» нелегальной партийной инфраструктуры, С., не возвращаясь на классовые позиции, тем не менее публично выступал за необходимость и возможность в России «классовой рабочей партии» — «социал-демократической партии в западном

[223] *В. В. Шелохаев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 52, 157–159.

смысле»[224] (которая, как и преследуемая в 1870–1880-х гг. СДПГ, не обходилась без нелегальной работы).

Кроме того, наряду с П. Н. Милюковым, С. был главным инициатором обсуждения и создания партийной платформы в области внешней политики[225], которая отныне стала предметом его творчества одновременно с созданием по британскому имперскому образцу доктрины «Великой России» как внешнего могущества и национальных интересов, независимых от вопросов внутренней политики и партийных пристрастий, символизированных будь то в парламентской Англии или монархической Германии, как развивал эту мысль С. А. Котляревский[226] в одном из томов составленных С. и изданных В. П. Рябушинским сборников «Великая Россия». При этом в практических вопросах, в тени империалистической риторики в печати, во внутрипартийных дискуссиях, С. демонстрировал приверженность традиционным для оппозиции принципам пацифизма. Например, 1 марта 1909 года, в связи с присоединением Боснии к Австро-Венгрии, он предупреждал ЦК своей партии: «будь у нас правильная, основанная на действительных интересах народа политика, мы не имели бы никаких поводов к войне с кем бы то ни было. (...) А случись война, побиение России было бы грандиозное и невиданное в мире»[227].

Скрыто полемизируя с «Очерками философии культуры» С. и Франка, марксист и диалектический материалист А. М. Деборин в теоретическом органе СДПГ «Neue Zeit» выступил с очерком, в котором чутко уловил идейное от-

[224] Patriotica. С. 431. «На разные темы» (1908).

[225] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. С. 79, 133.

[226] *С. А. Котляревский.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сб. статей по военным и общественным вопросам. М., [1911]. С. 57.

[227] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. С. 343.

личие их проповеди «культуры» как цивилизации от революционных инспираций того времени: «Революция и культура! Эти понятия представляются современным буржуазным идеологам диаметрально противоположными (...) по их мнению, революция стремится к уничтожению «культуры», а «культура» требует сохранения существующего строя»[228].

В своём идейном развитии С., несмотря на попытки найти широкую философскую основу для «освободительного движения» против самодержавия, казалось, демонстративно предпочёл самоценность своих теоретических решений и быстро утратил социального адресата своей проповеди, рискуя быстро политически маргинализироваться в своём индивидуализме. Это вынуждало его искать новую, внеклассовую социальную опору в обществе, тщетно апеллируя к концепту «культуры» как системы преемственного цивилизованного развития. И лишь почти полное отсутствие в рядах русских либералов специалистов по рабочему вопросу (наиболее опытные эксперты по этому вопросу, работавшие в «Союзе Освобождения», внепартийные социал-демократы Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович не вступили в кадетскую партию, сочтя её, подобно Н. А. Бердяеву, слишком «буржуазной») заставляло С. сохранять рабочий вопрос в своей повестке дня (во многом как образ и практика СДПГ, перед которыми С. благоговел, даже став правым либералом), что, впрочем, почти не отражалось на его актуальном идейном творчестве.

Став одним из ключевых организаторов широкой нелегальной антисамодержавной коалиции либералов и социалистов в основанном при помощи газеты «Союзе Освобождения» (1904–1905), в момент легализации оппозиции в России после 17 октября 1905 года в виде конституционно-демократической партии С. вместе с П. Н. Милюко-

[228] *А. М. Деборин*. Революция и культура [1907] // А. М. Деборин. Философия и марксизм. Изд. 3. М., 2011. С. 1.

вым пытался организовать партийную печать, действовал по её избирательному списку в составе II Государственной думы (1907), но уже с 1908 года отошёл от активного участия в делах партии. Мемуаристка свидетельствовала: «Он всё проверял, переворачивал, перекапывал. Начав с марксизма и материализма, он через радикализм и идеализм дошёл до православия и монархизма. Немало образованных людей нашего с ним поколения прошли через этот путь. Но Струве шёл впереди. Он первый находил оправдание, объяснение, выражение для ещё не оформленных изменений в общественных настроениях... Это привлекало к нему как к мыслителю, как к публицисту, но мешало ему стать влиятельным политиком», «именно своеобразный дар умственной неугомонности и политической дальнозоркости мешал Струве стал руководящим политиком»[229].

4) 1905–1908: культура и партийный социал-либерализм

В 1905 году, ещё до возвращения из эмиграции, С. вместе со своим ближайшим сотрудником С. Л. Франком начал готовить к изданию общий труд «Культура и свобода», в котором, по свидетельству Франка, «должны были быть выражены основные общественно-философские идеи, к которым мы совместно пришли в то время (мы формулировали тогда нашу веру так, что определяющим началом её было несколько неопределённое понятие «духовной культуры», во всем многообразии её содержания)»[230]. Плодом

[229] *А. Тыркова-Вильямс.* На путях к свободе. С. 350, 468.

[230] *С. Л. Франк.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 45. Переиздание с исправлением названия мемуаров в соответствии с авторской волей: *С. Л. Франк.* Воспоминания о П. Б. Струве // Семён Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова и Ю. П. Сенокосова. М., 2001.

совместных усилий стали лишь общие для авторов «Очерки философии культуры» и статья С. «Индивидуализм и социализм», которые призваны были выстроить систему *«гуманистического индивидуализма»*[231]. При этом С. попытался выстроить прямую связь политического социализма с дисциплинарным философским идеализмом. Он писал в своей статье для этой книги: «[Социализм] колеблется в истории между двумя идейными полюсами. В одном социализме идейною сущностью является подчинение личности целому: личность есть средство, общество — цель, или иначе, личность есть орган, общество же организм. В другой концепции социализма целью и венцом является личность, общество же есть лишь средство или орудие осуществления целей личности. Первый тип есть *социализм* принципиальный, *философский*. Это социализм Платона, Фихте, Адама Мюллера, Родбертуса»[232].

Сверка с неполной авторизованной рукописью, хранящейся в фонде Струве в РГАСПИ (Ф. 279), даёт представления о планах дальнейшей работы соавторов и причинах её остановки:

> Во втором параграфе главы «Что такое культура?» (фрагмент «Порвав внутренне с наивной верой...») в первой редакции было написано (в квадратных скобках восстанавливается опущенный авторами при публикации текст): «Порвав внутренне с наивной верой *[в разные вещи (во что мы не можем в настоящее время верить, об этом ещё не раз будет речь ниже)]*, на чём же утвердит свое духовно-общественное бытие современный человек?». Кроме того, в отличие от опубликованного, окончание текста выглядело следующим образом: «Принцип личности и принцип культуры (...) сплетаются в цельное и внутренне-согласованное культурно-философское миросозерцание, которое

[231] Реконструкцию проекта см.: *П. Б. Струве*. Избранные сочинения. М., 1999. С. 127–160.

[232] Patriotica. С. 571. «Индивидуализм и социализм», 1906.

можно назвать ***гуманистическим индивидуализмом***. *[Нам предстоит теперь развить это миросозерцание в его философских, моральных и политических разветвлениях и показать, какие точки зрения оно даёт для решения отдельных культурных и общественных проблем, волнующих современность]»*[233].

Видно, что авторы всё ещё продолжали исходить из уже давнего для 1905 года собственного отказа (1898–1902 гг.) от революционного пути к социализму, что они вполне серьёзно планировали в своём «гуманистическом индивидуализме» найти основу для общественно-политической программы в переживающей революцию стране. Неудивительно, что эти намерения победить политическую катастрофу монархии и России в целом на пути утверждения широко понимаемой культуры потерпели крах. И в первую очередь потому, как это хорошо видел сам С., что одномоментное, как флотоводческое «все вдруг», перенаправление общественной борьбы с «против» на «за» — было прямо противоположным всей предыдущей революционной борьбе, в том числе, самого С. Он писал об этом: «прежде [до 1905] можно было сказать — и, по крайней мере, психологически это было верно, — что никакой культурный прогресс невозможен без решительного, принципиального политического разрыва с прошлым»[234]. Теперь культурному прогрессу тщетно устанавливались иные ориентиры.

[233] *П. Б. Струве.* Избранные сочинения. С. 454. С. переживал свой отказ от доктрины коммунистической революции как «теории катастрофы» (Zusammenbruch) и позже, почти в финале своей быстрой эволюции к апологии этатизма. Он и в 1907 году продолжал (себе, в первую очередь) напоминать резюме своей «Марксовой теории...»: «Вера в близкое, полное, механическое осуществление социализма, вообще в его «осуществление» рушится или, вернее, уже рухнула» (Patriotica. С. 64–65. «Facies hippocratica. К характеристике кризиса в современном социализме», 1907).

[234] *П. Б. Струве.* Избранные сочинения. С. 80. «Интеллигенция и народное хозяйство», 1908.

Сохранив верность индивидуализму, который ярче всего проявился в его полемике с Д. С. Мережковским вокруг революционной религиозности, С. вскоре начал окончательный отход от «гуманизма» в сторону всё более определённого этатизма, в котором целое было уже представлено не обществом, а государством, которое для С. в любом случае было «несомненнее» личности.

В 1908 году С. начал готовить к печати новую книгу «Государство, интеллигенция, революция», в которой намеревался дать очерк своего нового государственничества, политического национализма и новой революционности. Она должна была называться, но реализовалась лишь в трёх статьях, одна из которых вошла в сборник «Вехи»[235]. Идейный строй книги был реализован в публицистике С. В своём последнем сводном сборнике статей «Patriotica» (СПб., 1911), в котором представлены в основном статьи ноября 1905 — декабря 1910 гг., С. расширил свою идейно-философскую платформу, добавляя к реализованным в «Вехах» *консервативной* критике русского интеллигентского сознания и радикальной общественности и защите «личной годности», политической ответственности и пафоса государственного строительства. Восстанавливая баланс после общего предисловия М. О. Гершензона к «Вехам», где была заявлена преемственность авторов от П. Я. Чаадаева, В. С. Соловьёва и Л. Н. Толстого, С. подтверждает особое признание революционно-демократических авторитетов: «традициям и идеям эпохи Станкевича—Белинского, философские увлечения которой были так плодотворны для русской культуры и в духовном творчестве которой... Михаил Александрович Бакунин сыграл такую крупную роль... присуща вечная ценность»[236]. Здесь же С. систематизирует свою *социал-либеральную* критику «реального об-

[235] Этот проект реконструирован в: *П. Б. Струве.* Избранные сочинения. С. 163–210.

[236] Patriotica. С. 69. «Памяти А. А. Бакунина и П. А. Корсакова», 1907.

раза русской государственности» и «тех сил, которые заправляют судьбами государства», защиту политических прав и свобод «во имя идеалов демократии и социальной справедливости»[237], ставит задачу превращения буржуазной леволиберальной кадетской партии в монопольную для внеклассовой «идейно интеллигенции», а затем — «народную, крестьянско-рабочую». Здесь С. продолжает говорить не только о своей приверженности социализму, но и о своём марксизме и «социал-демократизме» германского образца, отрицая марксистское качество большевизма (Там же. С.17). Развивая свои прежние обвинения в адрес народничества как явления реакции, архаики, славянофильства и консерватизма, С. применяет их и к освободительному движению революции 1905 года в целом (именно как контрреволюцию С. позже оценил Октябрь 1917 года): «Консерватизм русской революционной интеллигенции сказался в том, что в идейном отношении наша революция всецело была во власти славянофильски-народнической теории: русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении; мы можем и должны перескочить через отвергаемые нашим интеллигентским сознанием «буржуазные» фазы: мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»[238].

После Манифеста 17 октября 1905 С. направился в Россию, намереваясь проникнуть в неё нелегально, но уже в пути, по личному докладу председателя Совета министров С. Ю. Витте императору С. был им персонально амнистирован[239] и немедленно вернулся из эмиграции, оставив жену и сотрудников ликвидировать дела «Освобождения». Вернувшись в Россию, С. попытался капитализировать свою известность как редактора-издателя «Освобождения», кото-

[237] Patriotica. С. 10. «От автора».

[238] Там же. С. 42. «Из размышлений о русской революции», 1908.

[239] *П. Б. Струве.* Тем, кто «Возрождение» замыслили побить «Освобождением» (27 июня 1925) // П. Б. Струве. Дневник политика. С. 29.

рое в печати сравнивали с «Колоколом» Герцена, а самого — чаще критически — с Герценом[240], и, развивая миф о Герцене как символе русского социалистического культурного западничества, начал редактирование так же отсылающего к фигуре предшественника и издаваемого специально под имя С. М. В. Пирожковым еженедельного журнала «Полярная Звезда» (декабрь 1905 — март 1906), который под давлением карательной цензуры был вынужден преобразовать в такой же журнал «Свобода и Культура» (апрель — май 1906). Его главным редакционным сотрудником здесь и отныне (до лета 1917) стал С. Л. Франк. Видимо, в сотрудничестве именно с Франком С. написал краткий манифест одновременно социалистического и либерального, национального социально-политического освобождения: «наш журнал... будет бороться за то, чтобы общественно-политическое бытие русской нации было непоколебимо утверждено на основах свободы, равенства и социальной справедливости. (...) Своё название наш журнал заимствовал у Рылеева и Герцена. Это значит, что мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций, которые связаны именно с этими славными именами»[241]. В издании С. демонстрировал весьма широкий фронт авторов от земцев до социал-демократов и христианских коммунистов (В. Д. Набоков, И. М. Гревс, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, С. А. Котляревский, Б. А. Кистяковский, Туган-Барановский, Бердяев, Булгаков, В. И. Вернадский, Ольденбург, Л. Галич, В. П. Свенцицкий), отстаивая свой проект кадетской партии (партии народной свободы) как широкой коалиции социалистов и либералов, построенной на практической философии компромисса, правового творчества, культуры

[240] Розанов назвал его «“маленьким Герценом” наших дней» (*В. В. Розанов*. Струве о духовном). См. также: *А. Луначарский*. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб., 1906. № 3.

[241] От редакции // Полярная Звезда. № 1. 15 декабря 1905. СПб., 1905. С. 3–4.

и новой социальной доктрины «права на достойное существование» (И. А. Покровский и П. И. Новгородцев). В литературно-критической и философской части в этом издании были значимо представлены Розанов, Мережковский, Гиппиус, Д. В. Философов, Л. И. Шестов. Несмотря на попытку сформулировать идеологию общенародного социал-либерального компромисса, отказавшегося от революционной перспективы, С. не встретил в этом понимания ни кадетской партии в целом[242], ни власти. Опубликованная уже в одном из первых номеров «Полярной Звезды» статья С. стала основанием для возбуждения против него уголовного дела, длившегося по 1913 год, когда оно было прекращено по амнистии в связи с 300-летием династии Романовых (одновременно С. был награждён и памятной медалью в честь этого юбилея). В подпавшей под уголовное преследование статье С. возлагая равную ответственность за кровавые события революции в Москве на власть — и интеллигенцию и народ, писал о «чудовище самодержавия» и «бесчинствах» правительства во главе с Витте: «С момента опубликования манифеста 17-го Октября я считаю, что в России есть конституция, а потому я полагаю, что в настоящее время я, «крамольный» литератор Пётр Струве, — лояльный гражданин, а адмирал Дубасов и действительный тайный советник Дурново — бунтовщики...»[243].

[242] Милюков, упорно строивший центральный орган кадетской партии и нашедший его в буржуазной газете «Речь», ревниво отвергал медийные интеграционные усилия С. и назвал «Полярную Звезду» — «личным органом» С., а его проповедь компромисса — «идиллией» (*П. Н. Милюков*. Воспоминания. С. 238). И в этом Милюков был прав: С., похоже, не замечал, что компромисс монархии с нацией и буржуазии с пролетариатом вокруг ценностей свободы и справедливости проповедовался от лица самого С., не претендовавшего, однако, на положение общенационального вождя и духовного авторитета, как, например, итальянский революционер и объединитель Мадзини.

[243] *П. Струве*. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. СПб., 1905. № 3. 30 декабря 1905. С. 224, 226–227.

Социал-демократ (большевик) и марксист А. В. Луначарский в своей персональной рубрике, названной «Заметки философа», обоснованно оценил практику этой «Полярной Звезды» как завершение социалистического «идеалистического направления», начатого «Проблемами идеализма», в лоне общеевропейской эволюции[244] социализма и левого либерализма, как часть эволюции С. как «равноускоренного движения слева направо»: имея в виду, что журнал рассылался подписчикам в красной упаковке («под бандеролью»), он определил его партийный цвет как «розовый», а о его авторах в лице С., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, П. И. Новгородцева заключил: «им вовсе не хочется порвать всякую связь со знаменем, со словом, которое... является знаменем и лозунгом будущего»[245]. Об обратном влиянии этого философски-политического идеализма, начатого кругом С., на революционную среду чуть позже вспоминал другой марксист: «Российское «третье сословие», в дни, когда развёртывалось революционное движение, увлекалось «проблемами идеализма» и идеалистической «культуры». Но теперь, вместе с ним, увлечению философией отдаются самые широкие слои интеллигенции, не исключая и таких, которые выделяли и продолжают ещё выделять из своей среды защитников пролетарских интересов»[246].

После нарастающего давления карательной цензуры, переименования журнала в «Свободу и Культуру», перемены

[244] «За последнее время в России много говорят и пишут об “идеализме” и его “проблемах”. Но оживление интереса к этим «проблемам» не составляет особенности только русской литературы; напротив, развитие этого направления в России стоит в несомненной связи с соответствующим течением западноевропейской мысли» (*В. Хвостов*. Идеалистическое направление в современной юриспруденции // Научное Слово. М., 1903. Кн. IV. С. 140).

[245] *А. Луначарский*. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб., 1906. № 3. II о. С. 83, 86, 89.

[246] *В. М. Шулятиков*. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха [1908]. С. 8.

главного редактора С. на его формального местоблюстителя С. Л. Франка и отказа издателя М. В. Пирожкова от продолжения журнала С. предложил продолжить издание его О. Н. Поповой, но она отказалась[247], готовя к изданию сборник процитированной и иных полемических работ Луначарского. В результате С. лишился последних собственных проектов в периодической печати и фактически — стабильных средств к существованию. Одновременно с началом занятий Первой Государственной думы России, в апреле—июне 1906 года редактировал газету И. Д. Сытина «Дума».

20 октября 1906 г. С. выступил Московском клубе партии с докладом «Идейные основы партии Народной Свободы», которому в печати придал ещё более широкий характер «Идеи и политика в современной России». Вменяя своей конституционно-демократической партии задачу стать общенациональным «блоком» либеральных и социалистических сил, не стесняясь его рыхлости и зыбкости и, видимо, уповая на то, что динамика развития событий сама скрепит его логикой борьбы, С.-социалист искал в лице кадетской партии «внеклассового объединения демократических элементов на широкой либеральной и демократической программе». Для этого он выступил в партийной печати с трактатом «Идеи и политика в современной России». Принимая во внимание, что хоть трактат и не вызвал значимых откликов, а акцентированный в нём призыв к политическому компромиссу прозвучал едва ли не как призыв к капитуляции перед самодержавием, следует признать, что данный в нём образ социал-либерализма либо «демократического социализма», во всяком случае, шёл в первом ряду истории тогдашних либерализма и социализма, из которых вскоре и выросла практическая «демократическая альтернатива» радикальному социализму и коммунизма, до сих пор питающая мировой консенсус вокруг идей социального государства. С. писал:

[247] О. Н. Попова — П. Б. Струве, 6 июня 1906 // РО РНБ (АДП). Ф. 753. № 84.

«Смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, — и всего человечества), в интересах всестороннего развития личности (...) В нашей партии могут быть и работать убеждённые социалисты, хотя доктринального лозунга социализма она и не написала на своём знамени. (...) Социализм в настоящее время должен бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основании которой определяется доброкачественность человека, его приверженность к известным идеалам реально осуществляемым политикою. А, с другой стороны социализм должен бы перестать быть тем пугалом, каким он был прежде. Ибо в настоящее время, в начале XX столетия, после всего того огромного опыта, социального и политического, который имеет теперь человечество, после той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятие «социализм» может смущать и пугать только, как бы выразиться деликатнее, только... старых и слабонервных дам обоего пола.

Происходит крушение доктринального социализма: всякий внимательный наблюдатель развития германского социализма должен констатировать неудержимую тенденцию в этом направлении. В связи с этим крушением должна измениться тактика германского социал-демократизма и должны открыться перспективы для создания именно того «блока»: общественных сил, который в России считается непрочным. (...)

Быть настоящим социал-демократом, т.е. стоять за идею классовой борьбы, как руководящую идею политики, и в то же самое время начисто отрицать революционизм. (...) Наша партия либеральная: она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для всякой личности и потому она демократична. И, в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а наоборот, утверждает в своей программе дей-

ственную, практическую идею социализма. В то же время она есть партия не классовая, а национальная»[248].

Словно исполняя давний свой завет себе создать новое целостное миросозерцание, равно противостоящее филистерству Бернштейна, утопизму Каутского и Плеханова, социальному бесчувствию традиционного русского либерализма, равно поднимающего права личности против политической несвободы самодержавия и политического сектантства социал-демократии, пытаясь выстроить *пока* внерелигиозную идеологию национального и социального освобождения, которое было бы именно освобождением в духе социальной революции, а не разрушением в духе социалистического переворота, позже С. вновь встал перед необходимостью равно «достроить» и социализм, и либерализм, взаимно их дополняя доктринальными расширениями. В поиске идейных образцов национального и социального освобождения С. и его единомышленники, вслед за Лассалем и Энгельсом, обращались к наследию И. Г. Фихте, в первую очередь, к его «Речам к немецкой нации». Этот яркий пример, надо признать, мало впечатлял даже просвещённую часть русской интеллигенции. И, например, Булгаков — как другой, в 1902–1905 гг. равный С., лидер русского социального идеализма и «идеалистического направления», настойчиво обращался к наследию В. С. Соловьёва. «До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, по-

[248] *П. Б. Струве.* Идеи и политика в современной России // П. Б. Струве. Избранные сочинения / Сост. М. А.Колеров. М., 1999. С. 45–62.

ставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма»[249]. Но и пафоса Соловьёва было явно недостаточно для социального движения. Всех затмевала поистине народная и общенациональная фигура Льва Толстого.

Формулируя причины духовного лидерства Льва Толстого как анархиста, социалиста, но прежде всего — борца за свободу религиозной совести и личности, С. видит главный недостаток социализма в его безрелигиозности и неспособности предложить принципиальное обеспечение неотъемлемых прав личности перед лицом коллективизма (подразумевается: *прав развитой культурной личности* перед лицом *принудительно примитивированного феодальной и капиталистической эксплуатацией коллективизма* — прежде, чем этот коллективизм будет культурно воспитан в условиях политической свободы) и личной ответственности:

> «По идее социализма стихийное хозяйственно-общественное взаимодействие людей должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением. Я нарочно подчёркиваю слово *сплошь*, ибо социализм требует не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы всё поле общественной жизни. В этом заключается основная трудность социализма, ибо очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и неспособен все происходящие в нём процессы подчинить одному плану. Это вытекает из существа дела, и отсюда явствует, что с реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении про-

[249] *С. Н. Булгаков.* Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В. В. Сапова. М., 2006. С. 627.

> блемы социализма. (...) Очевидно, для рационализации общественной жизни первым условием является рационализация и дисциплинирование индивидуальной жизни. В настоящее время в обществе, основанном на свободной конкуренции, такое дисциплинирование достигается естественным подбором (...) Демократический социализм должен изменить этот общественный уклад, рациональное устроение общественных дел и в огромной мере также и индивидуальной жизни перейдёт при нём к большинству общества. (...) Социализм немыслим при ослаблении чувства и идеи личной ответственности, и, таким образом, эта идея и её крепость в человеке есть необходимое (хотя, по всей вероятности, и недостаточное) условие осуществления социализма»[250].

В отличие от своих многолетних единомышленников Булгакова и Бердяева, особенно в отличие от учительских претензий Д. С. Мережковского, С. был убеждён, что даже великому духовному революционеру, Льву Толстому, как и любому духовному вождю времени, было просто не под силу стать «великим религиозным реформатором»[251], и, видимо, сама невозможность религиозной революции в современности останавливала поиск С. там, где его продолжали Булгаков и Бердяев. Этому под стать был и чисто философский идеализм С. как революционера и его типичный для революционера атеизм. Развитие С. по пути религиозного индивидуализма так и не дало заметных результатов вплоть до начала 1920-х гг., когда в эмиграции С. стал православным — и более всего именно политическим православным. Полемизируя с кругом Мережковского, тщащимся внести религиозность в революционное движение, он вполне нелицеприятно, идентифицируя себя с либера-

[250] *П. Струве.* Лев Толстой. 1. Смысл жизни [1908] // П. Струве. Избранное. С. 109–114.
[251] Там же. С. 107.

лами в настоящем и с социалистами в прошлом, признавал, что секуляризованный либерализм бессилен перехватить у социализма его внедоктринальный, но оттого не менее подлинный пафос справедливости, освобождения и жертвы, что либерализм не порождает религиозно окрашенного политического героизма:

> «Не религиозной ли смертью либерализма объясняется то, что он оказывается идейно так беспомощен в борьбе с социализмом, который практически лишь гораздо последовательнее своего секуляризованного родителя, а идейно с ним совершенно тождествен?! (...) [Социализм] был верой в тысячелетнее царство, которое *принципиально* отличается от всей предшествующей истории; являясь, как с довольно забавной метафизической наивностью сказал Энгельс, «прыжком из царства необходимости в царство свободы». Именно эта формальная религиозность, этот энтузиазм, прикреплявшийся к социализму, представлял себе, вопреки принципу эволюции, будущее общество не просто как усовершенствованное, или преобразованное, а как *совершенное*, или *преображённое*»[252].

Собственное кредо С. прозвучало в этом контексте действительно как рационалистическая «личная вера», не имеющая никаких шансов на её превращение в предмет общественной веры, фундамент социального движения, даже сколько-нибудь коллективного убеждения в рамках партийной ячейки. Есть подозрение, что эта «личная вера» была изобретена С. ad hoc, исключительно ради целей журнальной полемики:

> «Я думаю, что на смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное миросозерцание,

[252] *П. Б. Струве.* Религия и социализм. Ответ З. Н. Гиппиус [1914] // П. Б. Струве. Избранное. С. 94–95.

в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённая новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческая* автономия. В старом религиозном либерализме недаром были так сильны идеи божественного предопределения и божественной благодати. Всю силу творческой воли этот либерализм сосредоточил в Боге. Современное религиозное сознание с таким пониманием Бога и человека мириться не может. Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая мирно или бурно, медленно или быстро захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»[253].

Осенью 1906 возобновились прерванные революцией занятия в Санкт-Петербургском политехническом институте, основанном Витте в системе Министерства торговли и промышленности. 25 ноября 1906 С. был избран здесь преподавателем. Не пройдя академической карьеры, он здесь был обречён позже своих сверстников достигать университетских званий и позже обычного срока и в повышенном темпе защищать необходимые диссертации. Лишь 12 сентября 1908 он поступил сюда на государственную службу, когда был назначен доцентом по кафедре политической экономии, только 7 декабря 1913 получил степень магистра за диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 1», 30 июня 1914 стал экстраординарным профессором, 17 февраля 1917 защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2». На вакантное после смерти И. И. Янжула (октябрь 1914) место академика по политической экономии и статистике РАН еди-

[253] Там же. С. 97.

ногласно избран 22 марта 1917[254] (избрание утверждено 11 июня 1917[255].

В конце 1906 года, после смерти редактора журнала «Русская Мысль» (РМ) В. А. Гольцева, при котором РМ практически сошёл с общественной сцены, С. был приглашён известным историком и либеральным политическим деятелем, жителем Москвы А. А. Кизеветтером, которого издатели назначили новым редактором, разделить с ним редактирование классического либерального «толстого журнала» в качестве титульного соредактора, представлявшего петербургскую часть авторского коллектива и целевой аудитории. К этому времени журнал уже сместился на обочину общественного внимания, пропустив мимо своего внимания все ключевые дискуссии 1890–1900-х гг., а С. в свою очередь — после закрытия ПЗ и СК — оказался без собственного печатного органа, в котором он мог бы проводить свои идеи и консолидировать сторонников интеллектуального движения, условно называемого «от марксизма к идеализму». При несомненном лидерстве С. как более опытного журнального организатора, соредакторство с Кизеветтером сохранялось до лета 1911 года, отчасти сдерживая дальнейший политический дрейф С. вправо и поддерживая верность РМ литературной непартийности в художественной части издания. В 1911 году Кизеветтер решил

[254] Полный текст подписанного академиками А. С. Лаппо-Данилевским, Ф. И. Успенским и М. А. Дьяконовым представления от 8 марта 1917 к избранию академиком РАН опубликован: *А. Л. Дмитриев*. Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из истории экономики. СПб., 2001. С. 99–101; по другой копии источника здесь: *М. А. Колеров*. Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // Русский Сборник: Исследования по истории России. XI. М., 2012.

[255] Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 74 / 1006–1065. Л. 432–435 (Формулярный список о службе П. Б. Струве, 1917). См. также личное дело С. о службе в Политехническом институте: РГИА (СПб.). Ф. 25. Оп. 1. Ед. хр. 4336 (1909–1917 гг.); Ед. хр. 5345 (1917–1918 гг.).

прекратить долго накапливавшиеся разногласия со С. и подал в отставку с поста соредактора, оставшись близким сотрудником журнала[256]. С. стал единоличным редактором РМ, с 1912 года став уже редактором-издателем, каковым оставался до прекращения издания РМ в России летом 1918 года (и стал им при возобновлении РМ в эмиграции в 1921–1927 гг.). При этом С. не отказывался от партнёрства с теми, кто признавал его лидерство, и, например, начиная с 1909 г. заключил соглашение с «Московским Еженедельником» Е. Н. Трубецкого (издатель — М. К. Морозова) о льготной совокупной цене на издания при одновременной подписке на оба журнала.

С марта 1907 в РМ появилась новая рубрика «Философия / Философия и религия», которую, однако её основному автору С. Л. Франку, даже при расширении авторского коллектива за счёт Л. Е. Галича (Габриловича), А. К. Топоркова, Г. Г. Шпета, М. М. Рубинштейна, К. М. Милорадович, Н. О. Лосского, С. И. Гессена, П. П. Блонского, С. А. Аскольдова не удалось поднять её до общественного звучания. С целью утверждения публичного веса философии, С. ввёл в РМ дополнительную рубрику для статей и обзоров «Философское движение» (с февраля 1911 по декабрь 1915), где, рядом с классическими текстами Франка, проявилась активная авторская «практическая философия» А. З. Штейнберга, Галича, Новгородцева, Г. Э. Ланца, И. А. Ильина, С. В. Лурье.

Именно в РМ, рядом с последовательным отрицанием анархизма, народничества / славянофильства и социально-культурного мессианства С. выступил с послереволюционным и постлиберальным альтернативным кредо, одновременно сопроводив его нелицеприятным признанием:

[256] О предыстории этого см.: *М. А. Колеров.* О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А. А. Кизеветтера к П. Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006 / 2007 год. М., 2009.

«я западник и потому националист, я западник и потому — государственник»: и в результате *уже* фактом стало признаваемое им самим его «духовное одиночество в той среде, которую обычно зовут интеллигенцией»[257]. Прямо противореча позднейшему автоапологетическому мифотворчеству периода эмиграции, С. трезво говорил о себе и своём круге ещё *до* скандала вокруг «Вех»: «Нигде в мире действительно умеренные прогрессивные элементы не имели и не имеют так мало авторитета, как у нас [в России]. В эпохи [общественно-политического] подъёма они в общественном мнении стушёвываются пред крайними течениями; в эпохи реакции власть практически не ставит их ни во что»[258]. С. легко признавал свою «непопулярность» после революции 1905 г.: в противоположность тому, что в 1890-е гг. он был «кумиром молодёжи», теперь «успеха я не имею (...) в «новые вожди» я не попал и не попаду (...) той роли, которую я играл прежде и в русском марксизме, и в освободительном движении, я не могу и не хочу играть. (...) «Вождём» можно быть лишь тогда, когда либо «толпа» покорно следует за тобой, либо ты сам приспосабливаешься к толпе. (...) Когда я был руководителем *Нового Слова* и когда я был редактором *Освобождения*, я шёл в ногу с другими в своей деятельности осуществляя коллективное действие, был... в известной мере «артельным человеком». Это было нужно для дела и было нужно для меня», — писал он[259]. Впрочем, это политическое одиночество нисколько не препятствовало С. в политически успешном руководстве РМ.

В годы редакторского сотрудничества С. с Кизеветтером литературная часть РМ[260] находилась под руко-

[257] Patriotica. С. 116, 112.

[258] Patriotica. С. 203. «Нечто о моём мнимом импрессионизме», 1908.

[259] Patriotica. С. 426–427. «На разные темы», 1908.

[260] Подробно об этом см.: *М. А. Никитина.* Русская мысль // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.,1984; А. А. Гапоненков. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакцион-

водством Ф. К. Арнольда, С. В. Лурье, Ю. И. Айхенвальда (1907–1908)[261], Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус (1909), В. Я. Брюсова (1910–1912)[262], Л. Я. Гуревич (1913–1914), С. Л. Франка (1914–1918)[263]. В литературной части с 1907 года РМ была представлена сочинениями К. Д. Бальмонта, А. Серафимовича, Д. Мамина-Сибиряка, З. Н. Гиппиус, М. О. Гершензона, В. Я. Брюсова, Л. Я. Гуревич, Ф. К. Сологуба, С. Кречетова, Б. Садовского, М. Волошина, И. С. Шмелёва, И. А. Бунина, Б. К. Зайцева. В части философии и философской критики уже в 1907 г. РМ открылась для (кроме упомянутых выше) Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, Д. С. Мережковского, Д. В. Философова, Л. И. Шестова, В. В. Розанова, С. Л. Франка, Б. А. Кистяковского. В 1908 в РМ появились Н. Минский, В. И. Вернадский, Ф. Ф. Зелинский, А. М. Ремизов, С. М. Городецкий, Н. С. Гумилёв, К. Чуковский. Затем: Б. В. Савинков (В. Ропшин), А. А. Блок, Андрей Белый, М. М. Пришвин, Вяч. Иванов, А. Н. Толстой, О. Д. Форш, Е. Г. Лундберг, С. Н. Дурылин, Н. Я. Абрамович, В. Ф. Эрн (в 1909-м); Ф. А. Степун, И. И. Лапшин, А. И. Введенский, В. В. Жаботинский (в 1910-м); Б. А. Грифцов, Ю. К. Балтрушайтис, П. С. Романов, С. Парнок, А. А. Мейер, А. М. Огнёв (в 1911-м); И. Г. Эренбург, А. С. Грин, В. Ф. Ходасевич (в 1912-м); Д. В. Болдырев, Н. К. Пиксанов, Н. В. Недоб-

ная программа, литературно-философский контекст: Диссертация... доктора филологических наук. Саратов, 2004.

[261] Результаты его деятельности как редактора литературного отдела журнала С. оценивал скептически: *П. Б. Струве*. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда [1928] // П. Б. Струве. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Paris, 1981. С. 302.

[262] См.: *В. Я. Брюсов*. Письма к П. Б. Струве / Публ. А. Н. Михайловой // Литературный архив. М.; Л., 1960. Вып. 5; *И. Г. Ямпольский*. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого // Вопросы литературы. М., 1973. № 6.

[263] См. об этом: *М. К.* С. Л. Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

рово, М. А. Кузмин (в 1913-м); В. Н. Муравьев, С. Сергеев-Ценский, А. А. Ахматова, В. М. Жирмунский (в 1914-м); П. Н. Савицкий, Г. И. Чулков, С. А. Есенин, Е. И. Замятин, Л. И. Каннегиссер (в 1915-м), Н. В. Болдырев, Н. В. Устрялов, Б. А. Пильняк (в 1916-м), И. И. Фудель, В. В. Зеньковский, В. А. Зоргенфрей, С. Я. Маршак (в 1917-м). Постоянно испытывая серьёзные финансовые трудности, РМ не могла платить большие, конкурентные на рынке авторские гонорары и потому в области «идейного вещания» более рассчитывала на философскую солидарность, репутацию издания, идеологически и художественно терпимого к разнообразию, личные связи и авторскую активность литературных редакторов. Но, впервые опубликовав классические поэтические произведения Блока, Вяч. Иванова, Ахматовой, РМ так и не смогла предъявить читателю яркие образцы художественной прозы[264].

В принципиальной для периода интеллектуального самоопределения С. и важной для него по тематике своей рецензии на сборник А. П. Чехова «В сумерках» юношеский наставник С., редактор журнала «Вестник Европы» К. К. Арсеньев признавался: «Критический отдел наших периодических изданий давно уже не претендует на полноту, давно уже представляет пробелы, пополняемые более или менее случайно...»[265]. Поэтому представляется не случайным, что свою версию РМ С. снабдил значительно большими по сравнению с другими «толстыми журналами» объёмом и интенсивностью отделов рецензий, культурной хроники и (по образцу журнала «Мир Божий») энциклопедической по качеству библиографии, в этом смысле прямо наследуя недолговечному журналу Б. А. Кистяковского,

[264] На литературно-художественные усилия журнала дважды критически откликался В. А. Чудовский: Аполлон. СПб., 1911. № 8; 1913. № 2.

[265] *К. К. Арсеньев.* Беллетристы последнего времени [1887] // А. П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы / Изд. подг. Г. П. Бердников, А. Л. Гришунин. М., 1986. С. 295–296.

М. О. Гершензона и Е. Н. Орловой «Критическое Обозрение» (1907–1909) и журналу «Книга» («Новая Книга»). После прекращения «Критического Обозрения», с февраля 1911 С. ввёл в РМ постоянный раздел под таким же именем, соответствующий традиционному III отделу «толстого журнала», но оформленный как фактический «журнал в журнале», с собственной структурой и отдельным оглавлением. Этот раздел стал, вероятно, самой трудоёмкой и в этом — оригинальной частью РМ (близким к РМ по вёрстке и спектру рецензируемой литературы опытом такого внутреннего библиографического журнала был социалистический журнал «Мир Божий»): этот раздел и составлял весомую часть журнала вплоть до его закрытия летом 1918 года. Его беспрецедентно энциклопедический состав, отражая широкие интересы С., был неизменно представлен рецензиями на книги по естествознанию и точным наукам, статистике, политической экономии, финансам, медицине и гигиене, философии, праву, географии, этнографии, национальным проблемам, военному и морскому делу (где доминировали тексты А. А. Свечина), авиации, истории литературы, языкознанию (где с 1913 года, по рекомендации Л. Я. Гуревич, преобладали рецензии Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского[266]), религии и церкви, педагогике и народному образованию, изобразительному искусству.

После отдельных публикаций из неопубликованного наследия А. П. Чехова, В. В. Стасова, П. И. Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова, семьи Бакуниных, Г. И. Успенского, В. С. Соловьёва, специально для М. О. Гершензона в РМ был создан раздел «Материалы по истории русской литературы и культуры» (с первой книги 1911 года), в котором, однако, большее участие принял В. Я. Богучарский. В раз-

[266] Об этом см.: Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публ. Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум, вст. ст. Е. А. Тоддеса // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. Рига, 1988.

деле вышли многочисленные архивные публикации о русской классике (А. И. Герцен, А. Н. Островский, А. С. Пушкин, В. М. Гаршин, М. П. Драгоманов, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. П. Огарёв, Аксаковы, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. А. Григорьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, К. П. Победоносцев, К. Д. Кавелин, В. С. Соловьёв, Бакунины, Д. В. Григорович, А. С. Грибоедов, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Н. В. Гоголь). Впрочем, историко-культурная часть РМ проиграла и именно в избранной тематике специальному журналу «Голос Минувшего», начавшему выходить в свет с 1913 года, и в дальнейшем не была отмечена значительными историко-культурными открытиями.

Стержень своей редакционной политики С., очевидно, полагал вне партийных традиций и в этом принципиально спорил со сложившейся в России практикой. Он писал, едва приступив к руководству РМ: «Время «партийных» и даже «направленских» журналов... прошло. По умственной косности, по известному идейному консерватизму они могут иметь ещё наибольший успех в кругах интеллигенции..., но внутренно они мертвы. О «партийном» характере не только беллетристики, философии, литературной критики, но даже сколько-нибудь углублённой, сколько-нибудь философской публицистики, странно говорить»[267].

Журнал РМ в руках С. превратился в авторитетный «парламент мнений» в политическом отношении правее радикального социализма и левее политического монархизма. С. верно увидел, что критически, вместе со всеми ежемесячными (и даже еженедельными) изданиями, проигрывая мощной и массовой «большой» ежедневной прессе, расцветшей после 1905 года, в политической оперативности и влиянии (чтобы поспевать за политическими событиями, в 1917 году С. издавал в приложении к РМ двухнедельный тонкий журнал «Русская Свобода») и всё же обречён-

[267] Patriotica. С. 384–385. «На разные темы» (1908).

ная соблюдать универсальный формат «толстого журнала» с его большим литературно-художественным отделом, РМ испытывала и растущую конкуренцию в сфере идейного влияния других журналов этого формата, хотя теперь они могут показаться интеллектуально более пресными[268]. Журналу было трудно конкурировать и с партийно-направленческими непериодическими «идейными сборниками» и по своей рентабельности, и по теоретической монолитности и, следовательно, внятности привлекаемого ими внимания аудитории (именно это предопределило новое, после «Проблем идеализма», обращение круга С. к жанру «идейного сборника»[269] — в сборнике «Вехи»).

РМ под руководством С., оставаясь праволиберальным органом в своей внутриполитической публицистике, в остальном медленно смещалась в нишу внепартийной и политически в целом индифферентной высокой культуры, науки, философии, религии, фундаментального обсуждения, например, таких тем из актуальной интеллектуальной повестки дня, как «проблемы нового религиозного сознания», «проблемы аскетизма», философия прагматизма, национальный вопрос[270] и этнография, внешняя политика и империализм. Начиная с очерка «Великая Россия» (1908), С. был первым русским мыслителем, открывшим для России тему империализма, только на рубеже

[268] По данным студенческой библиотеки Московского технического училища, готовившего высшие инженерные кадры, в 1914 году, доли читателей, то есть иерархия «толстых» журналов (они поступали библиотеку бесплатно) по числу запросов, были таковы: либеральный «Вестник Европы» (29%), народническое «Русское Богатство» (22%), социал-демократический «Современный Мир» (19%), струвеанская «Русская Мысль» (18%), эсэровские «Заветы» (12%) (посчитано по: *А. Е. Иванов*. Мир российского студенчества. Конец XIX — начало XX века. Очерки. М., 2010. С.121).

[269] *М. А. Колеров.* Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947. М., 2000.

[270] Полемика о национализме в РМ с участием С. собрана в сб.: Национализм. Полемика 1909–1917. 2-е изд. / Сост. М. А. Колеров. М., 2015.

XIX и XX вв. получившую освещение в английской исторической и марксистской немецкой политико-экономической литературе (Р. Гильфердинг, К. Каутский) как связанные факты колониальной активности (англо-бурская война, интервенция в Китае, др.), многонационального единства и высшей капиталистической концентрации производства, переходящего в государственный социализм. В тот момент эта тема ещё не нашла отражение даже в русской марксистской литературе, впервые обратившейся к ней примерно в 1913 году (И. И. Скворцов, В. И. Ленин, М. Н. Покровский, М. П. Павлович (Вельтман)).

Однако в решительную противоположность громкому читательскому и рыночному успеху сборника «Вехи», в пяти изданиях 1909–1910 гг. вышедшего общим тиражом в 16 тыс. экземпляров, РМ как признанный «орган веховцев» в 1909 году собрал всего 2 500 подписчиков, что было в несколько раз меньше числа подписчиков у таких лидеров рынка «толстых журналов», как «Русское Богатство», и, главное, исключало перспективу его текущей финансовой рентабельности[271]. Активный автор РМ и опытный журналист, в будущем знаменитый советский литературовед Б. М. Эйхенбаум, чьи интересы, впрочем, скорее были подчинены личной научной карьере, двойственно похвалил и оценил журнал как «аристократический орган»[272]. Также подчинявший все искушения своей научной судьбе, однако принадлежавший к одному поколению со С., разделявший с ним пафос философского творчества вкупе с (впрочем, затухающим) интересом к общественной деятельности государственного масштаба близкий к кругу С. ещё со времён «идеалистического направления», Н. О. Лосский всё же оценивал РМ не с точки зрения демократичности аудито-

[271] Об этом подробнее: *Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001. С. 243.

[272] Б. М. Эйхенбаум — В. М. Жирмунскому 28 июля 1916 // Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского. С. 285.

рии, а под знаком общекультурной миссии журнала. Он вспоминал:

> «Опыт революции 1905 года многому научил русскую интеллигенцию. Освобождение от узости сознания, сосредоточенного только на политической борьбе с самодержавием и на социально-экономических проблемах, начавшееся уже до революции, пошло ускоренным ходом. Появился интерес к религиозным проблемам и к православию; ценность национальной идеи и государства стала привлекать к себе внимание; проблемы эстетики, художественного творчества, истории искусства стали увлекать широкие круги общества. Журнал «Русская мысль», редактором которого стал П. Б. Струве, был выражением расширения и подъёма интересов ко всему богатству духовной культуры»[273].

5) 1908–1917: религиозный индивидуализм и политический национализм

В сентябре 1908 С. поступил на службу в Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Великого Министерства торговли и промышленности доцентом по кафедре политической экономии. По итогам защиты диссертации «Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Часть 1» (изд.: СПб., 1913) на юридическом факультете Московского университета в декабре 1913 г. утверждён в степени магистра политической экономии и с февраля 1914 г. назначен экстраординарным профессором Политехнического института. В феврале 1917 г. на юридическом факультета киевского Университете св. Владимира защитил док-

[273] *Н. О. Лосский.* Воспоминания. Жизнь и философский путь [1958] / Сост. О. Т. Ермишина. М., 2008. С. 133–134.

торскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2» (изд.: СПб., 1916). В июне 1917 года по рекомендации академиков А. А. Чупрова, М. М. Дьяконова, А. С. Лаппо-Данилевского, Ф. И. Успенского был избран ординарным академиком Российской академии наук по политической экономии и статистике. Современный исследователь так резюмировал учение С. в этой науке: «Корни оригинальной научной концепции С. следует искать в недрах теории «австрийской школы» (Ф. Визер, К. Менгер, Е. Бем-Баверк), а основные его исследования во многом тождественны или предвосхищают философско-экономические построения американской «неоавстрийской школы» (Л. Мизес, Ф. Хайек, И. Киршнер, М. Розбар и др.). Если пытаться продолжить аналогию, то идеи С. ближе утончённому консерватизму Ф. Хайека, нежели прямолинейному догматизму Л. Мизеса. (...) В итоге [согласно С.] экономическая теория сводится к изучению процесса экономического взаимодействия отдельных независимых личностей, чей выбор взаимных услуг (или материализованных услуг — товаров) многофакторно отражается в цене. Цена в концепции С. становится центральной, системообразующей категорией»[274].

Продуманную оценку личностного своеобразия идейно-политической эволюции С. этого времени дал Л. Д. Троцкий:

> «С. на протяжении ряда лет ведёт с собой непрерывную и неутомимую борьбу: сегодня — со своим завтрашним, завтра — со своим вчерашним днём (...) каждой из этих идейных трагедий, казалось бы, достаточно, чтобы довести политика и писателя до морального банкротства и отчаяния. Но перед нами психологическое чудо: из всех своих идейных катастроф и политических крахов Пётр С. выходит, точно из лёгкой кори — невредимым... Как личность

[274] *М. П. Афанасьев.* Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 141, 142.

> С. не знает банкротства, ибо он как личность он не участвует в [партийной. — *М. К.*] борьбе. Его политические убеждения никогда не сливаются с его духовной физиономией (...) С. воображает себя не связанным ни с одним классом, ни с одной партией, ни с одной идеей, а непосредственно состоящим в распоряжении Матери-Истории генерал-инспектором по делам идеологии»[275].

16 марта 1909 года вышел в свет сборник «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, С., С. Л. Франк), в течение последующего года выдержавший пять переизданий и вызвавший громкую общественно-политическую полемику. Представителями политической оппозиции «Вехи», которые подвергли систематической критике идеалы и практику русской антиправительственной интеллигенции, отказались от революционной перспективы и присягнули политической эволюции, консервативной религиозной и правовой традиции, были объявлены актом предательства. Число сторонников «Вех» оказалось невелико. Несмотря на то, что этот сборник был инициирован Гершензоном, его финальный авторский коллектив почти полностью был составлен представителями круга С. из сборника «Проблемы идеализма»[276]. С. стал главным толкователем и пропагандистом антиинтеллигентской и государственнической проповеди сборника, в значительной мере подчинив её своей полемике с Д. С. Мережковским, которая увенчивала печатную дискуссию 1907–1908 гг. М. О. Меньшикова и В. В. Жаботинского, В. В. Жаботинского и С. о политических ценностях молодёжи и принципах национального

[275] *Л. Д. Троцкий.* Господин Пётр Струве (Попытка объяснения) [1909] // Л. Троцкий. Политические силуэты. М., 1990. С. 206–209.

[276] Об этом: *М. А. Колеров.* Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

(этнического) самоопределения общества[277]. С. представлял себе Мережковского в качестве нового претендента на роль религиозно-революционного вождя интеллигенции (в этом со С. были согласны Бердяев и Булгаков и даже В. В. Розанов[278]). Основой полемики с ним С. служило тогдашнее (и, по-видимому, подлинное, в отличие от его попыток участия в коллективной церковной религиозности «Братства Св. Софии» в эмиграции) убеждение С. в свершившемся преодолении «*старого* христианства». «Религиозному социализму» Мережковского С. противопоставлял свой «религиозный индивидуализм», «для которого не нужна и не интересна материализация царства Божия» и который реализовывал себя вне церкви и догматов[279]. Отрицая шансы Мережковского стать духовно-общественным вождём, С., несмотря на сотрудничество с ним в редакции «Русской Мысли», ещё до «Вех» спорил с широко распространившейся позже теорией об особой, «подспудной», «превращённой» религиозности русской атеистической революционной интеллигенции, на которую, в частности, опирались надежды Мережковского как общественного деятеля. С. так писал об этом: «Религиозности у “интеллигенции” не может быть вне религиозных идей. Религиозных идей у русской “интеллигенции” никогда не было. Религиозность русской революционной “интеллигенции” есть благочестивая легенда»[280]. Непосредственно откликаясь на французский сборник Мережковского, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова «Царь

[277] Переиздание антологии из периодической печати «По Вехам: Сборник статей об интеллигенции и “национальном лице”» (1909) см.: Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М. А. Колеров. М., 2015.

[278] Мережковский этого времени, по его словам, «завоёвывал или коммерчески приобретал себе левую славу» (*В. В. Розанов*. Литературные симулянты [1909] // В. В. Розанов. О писательстве и писателях / Собр. соч. под ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 326.

[279] Patriotica. С. 442, 446, 448, 452. «На разные темы», 1908.

[280] Patriotica. С. 113. «Спор с Д. С. Мережковским», 1908

и революция» (1907)[281], С. резюмировал: «Есть что-то трогательно детское в этом сочетании апокалипсиса и революционного социализма. Это самая художественная и в то время самая детская, самая наивная форма славянофильства и революционизма... Должен сознаться, апокалиптической теории Мережковского о русской революции я на французском языке не мог читать без улыбки»[282].

Здесь видно, что, несмотря на позднейшие интерпретации позиции С. как консервативно-религиозной, главный идейный конфликт между С. и «новым религиозным сознанием» развивался по линии отторжения его этатизма и индивидуализма С. от православия[283], от любой церкви, пар-

[281] *Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов.* Царь и революция. Сб. / Первое русское издание. М., 1999.

[282] Patriotica. Там же. С. 117. В ответ на статью Мережковского «Борьба за догмат» (Речь, 14 декабря 1908) С., официально объявляя о привлечении группы Мережковских к «ближайшему участию» в журнале, развивал свои идейные уличения: «Мережковскому нужна церковь, и потому ему (...) нужен какой-то идейный цемент, связывающий или склеивающий верующие души в некое соборное целое или единство. (...) Утопизм Мережковского, как религиозного мыслителя, и заключается в его (впрочем, отнюдь не оригинальной) попытке спасти от увядания и возродить социализм и материализм христианства, вдохнуть в него новую жизнь. (...) А для людей, стоящих духовно вне интеллигенции, религиозный социализм и религиозный материализм прямо невыносимы. (...) Двойной утопизм Мережковского обрекает всю его религиозно-общественную деятельность на неудачу. Тут для меня не может быть вопроса» (*Пётр Струве*. На разные темы // Русская Мысль. 1909. Кн. I. II о. С. 209–210).

[283] Эту позицию, впоследствии им замалчиваемую, С. публично выразил именно в заседании Религиозно-философского общества, где общий тон задавали Мережковские, а инициативу христианского социализма пытался перехватить В. Ф. Эрн: «У нас есть одно крупное, так сказать, действительное религиозное движение, — которое выходит из сферы литературной, — это то, что можно назвать русским протестантизмом. Можно спорить о том, хорошо это или дурно, — но нельзя отрицать, что русское религиозное движение адекватно Толстому. Это учение вошло в жизнь, а ваше [В. Ф. Эрн] учение идёт поверх православия, но в жизнь не входит. Это — «литературщина», так сказать.

тийности и социализации. С другой стороны, этот скепсис «веховской» проповеди С. вызвал протест в широких либеральных и революционных кругах, представители которых толковали её государственническую природу в условиях политической реакции в России — в узком диапазоне от «добросовестных заблуждений» и «политической наивности» С. до его личного, партийного и классового «предательства идеалов». Соредактор С. по РМ А. А. Кизеветтер и член редакции РМ С. В. Лурье на страницах журнала оперативно отмежевались от позиции «Вех», но фактически «веховская» риторика и сами «веховцы» в журнале преобладали, обеспечивая ему интеллектуальное лидерство в либеральной среде, несмотря на политическую маргинальность. В 1910 просвещённый дилетант и состоятельный эксперт-химик Лурье покинул редакцию и, видимо, участие в её капитале и расходах, что дополнительно заставило снижать гонорары в РМ, в первую очередь, на художественные произведения и переводы, составлявшие, в свою очередь, основу читательского и коммерческого успеха любого журнала.

Товарищи С. по либеральному движению и кадетской партии составили тематический сборник «Интеллиген-

Православие, конечно, в своё время вошло, создало крупные явления и огромные, так сказать, корни пустило. Но теперь обнаруживается огромное неудовлетворение. Ваше течение дальше литературы не идёт. Я думаю, что это неизбежно. Это не случайно. Это умерло, как и на Западе: там осталась только католическая церковь, но религиозное сознание приняло протестантскую форму. (...) всё наше движение, скажем, освободительное, — как принято теперь говорить и в кавычках, и без кавычек, — вся его слабая сторона в сравнении хотя бы с Английской Революцией заключается именно в отсутствии религиозного содержания. Этого отрицать нельзя (...) К сожалению, я вижу пока только литературщину, которая подымается над старой, уже загнившей почвой исторической церкви» (Прения по докладу В. Ф. Эрна «Идея христианского прогресса» на 6-м собрании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, 3 февраля 1908 / Публ. О. Т. Ермишина, О. В. Лексиной, Л. В. Хачатурян // Вопросы философии. М., 2005. № 7. С. 101–103).

ция в России» (1910), полностью посвящённый сборнику «Вехи»: в нём наиболее значимые для личной биографии С. и практического либерализма фигуры публично отказали С. «Вехам» в либерально-социалистической легитимности и солидарно отказали С. и его единомышленникам в праве выступать и призывать к покаянию от имени интеллигенции вообще и либеральной особенно, указав на их философскую маргинальность. И. И. Петрункевич («Интеллигенция и “Вехи”») и специально К. К. Арсеньев («Пути и приёмы покаяния») указали на то, что «ни «богоискателям», ни «богостроителям» не удаётся возбудить сколько-нибудь широкое и глубокое движение; никому из них не дано «глаголом жечь сердца людей». Нет этого дара и у господствующей церкви. (...) Проповедь «Вех» (...) бессильна возбудить чувство, в котором, сознательно или бессознательно, ищет для себя основу. Она не исходит из существующего религиозного движения и не соединяет в себе условий, необходимых для появления его в ближайшем будущем»[284]. Ближайший соратник С. в его марксистский период, М. И. Туган-Барановский («Интеллигенция и социализм») уличил авторов «Вех» в классовой буржуазности. П. Н. Милюков («Интеллигенция и историческая традиция»), демонстрируя позитивистскую солидарность с ортодоксальными марксистами и не боясь задеть и самого Туган-Барановского в его увлечениях, корень эволюции авторов «Вех» в сторону от радикального либерализма к религиозному консерватизму увидел в самой истории идейной борьбы этого круга марксистов 1890-х, которые, одновременно с общеевропейским увлечением политического марксизма идеалистической философией, вступили сначала на путь формулирования «критического направления в марксизме», а затем — «идеалистического направления в освободительном движении», которое внесло свой значи-

[284] Вехи [1909]; Интеллигенция в России [1910]: Сборники статей. М., 1991. С. 223–224.

тельный вклад и в создание самой кадетской партии. Милюков ставил диагноз с полным знанием дела, которое более всего касалось самого С., но явно преувеличивая его влияние: «Тогда ещё, впервые в конце 80-х годов, а окончательно и решительно с середины 90-х, кружок молодых философов, политико-экономов, юристов и литераторов выкинул знамя «борьбы за идеализм» против позитивизма и материализма русских шестидесятников и семидесятников (...) они проложили дорогу младшим, нынешним, и на обломках их «новых слов» расположился лагерем «марксизм» (...) Начав с протеста против всего «субъективного» во имя «объективной истины», они прежде всего реабилитировали «субъективное» как «психологическое» в отличие от «логического» как объективно-познавательного»[285].

Откликаясь уже на последовавшие после «Вех» усилия С. и Булгакова вместе с промышленником В. П. Рябушинским умозрительно сформулировать идеологические основы русского политического национализма как платформы для формирования коалиции национальной буржуазии и либеральной интеллигенции, Милюков верно заметил: «Вопрос о положительном содержании, на котором можно было бы основать русский национализм, остаётся самой тёмной из всех туманностей “Вех”»[286]. Милюков успешно противопоставил им неизменно близкого к ним (но не принявшего участия в сборнике) исследователя современной социально-политической практики и видного члена руководства кадетской партии П. И. Новгородцева, уже исходившего из общеевропейских итогов институционализации либеральной демократии и социализма: «По несчастью, кружок писателей, объединившихся в сборнике «Вехи», почерпнул свою философскую и научную подготовку исключительно из германских источников... Это, собственно, и ставит их в особенное затруднение, когда им приходится выбирать между «внешними фор-

[285] Там же. С. 301.
[286] Там же. С. 355.

мами» и «внутренним совершенствованием». Это же лишает их возможности справиться с примиряющей, промежуточной идеей социального воспитания в духе “солидарности”», вне опыта Англии, Франции и США[287].

Одним из самых громких событий вокруг литературной политики РМ в феврале 1912 года стал скандал вокруг категорического отказа С. принять к публикации в журнале первую часть романа Андрея Белого «Петербург», уже редакторски одобренную Брюсовым. В литературе настойчиво звучит мнение, что С. почему-то, в противоречие всей его политической борьбе и принципиальной редакционной терпимости, обидел антиправительственный и даже антимонархический пафос романа[288]. Сам Белый считал, что С. был обижен на образ либерального профессора, забыв, что в главах, которые писатель направил в РМ, этот образ отсутствовал. Анализ показывает, что Андрей Белый представил для публикации в РМ не роман, а лишь его первые главы в виде острого памфлета на самого С., невольно изобразившего интимную историю его ранней общественной карьеры, что и вызвало его крайний, хоть и не сформулированный ясно протест[289].

---

[287] Там же. С. 373.

[288] «Струве, один из идеологов конституционной монархии (?!) и лидеров кадетской партии, вряд ли способен был одобрить (?!) ту злую критику в адрес буржуазных верхов России и всей системы государственности, которая содержалась в романе Белого» (*Л. К. Долгополов*. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург / Изд. подг. Л. К. Долгополов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 556).

[289] *М. А. Колеров*. Почему П. Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // De Visu. М., 1994. № 5 / 6. Эти аргументы в целом приняты А. В. Лавровым: Примечания // Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А. В. Лавров. СПб., 2014. С. 969. Примечательно, что, независимо от привходящих обстоятельств, этот роман А. Белого внутри редакции РМ считался мерилом литературного «бреда» (*М. К.* С. Л.Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916). С. 589).

Несмотря на интеллектуальный авторитет, активное участие в литературном процессе, особую чуткость к философским новациям и фундаментальный анализ вопросов текущей политики, к 1910 году РМ в руках С. оказался в тяжёлой финансовой ситуации, а сокращение числа подписчиков лишило его перспектив самостоятельного выхода из банкротства. В 1911 г. новым сотрудником РМ был объявлен благотворитель газеты «Искра», журнала «Освобождение», сборника «Проблемы идеализма», журнала «Вопросы Жизни», переводчик Д. Е. Жуковский, что на деле означало его привлечение к РМ в качестве его акционера (пайщика), немедленно выступившего издателем сборников статей руководителей редакции РМ С. и С. Л. Франка — соответственно «Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.)» (СПб., 1911) и «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб., 1911)[290]. Однако финансовый дефицит РМ, по-видимому, превышал возможности Д. Е. Жуковского, и не его участие помогло РМ выжить. Участвуя вместе с С. Н. Булгаковым в политических встречах интеллигенции и профессуры с представителями крупного капитала в 1909–1910 гг., С. пытался внести в их политические приоритеты задачи общенационального экономического, внутри- и внешнеполитического развития. Однако главным результатом этих встреч для С. стала финансовая поддержка со стороны П. П. и В. П. Рябушинских обанкротившейся РМ[291], издание двух томов сборника «Великая Россия»

[290] Предыдущий сборник С. «На разные темы (1893–1901). Сборник статей» (СПб., 1902) объединял марксистские, критические и первые «идеалистические» статьи автора, устарев как актуальный текст ещё до Революции 1905 года. Важно учесть, что оба эти сборника С. плохо расходились в продаже и не встретили читательского успеха, вплоть до весны 1906 года появляясь в рекламных сообщениях о продаже нераспроданных тиражей этих книг.

[291] *В. В. Шелохаев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 286, 345.

(1910–1912) и ряда книг по экономической истории и теории под редакцией С. В любом случае, это помогло сохранить журнал настолько, что в глазах критиков он даже стал символом органа широкой либеральной коалиции. Ему попытались даже создать альтернативу разнообразные русские марксисты, планируя создать на деньги И. Д. Сытина общемарксистский толстый журнал на основе «Современника», который, по определению Ю. О. Мартова, должен был стать «контр-РМ» и включить в свой коллектив во главе с бывшим другом С. А. Н. Потресовым широкую коалицию в составе Горького, Троцкого, Мартова, Валентинова, Луначарского, Базарова, Рязанова и др. Но проект не состоялся[292].

Продолжая полемику 1908–1909 гг. о еврейском вопросе, начатую с утверждения «асемитизма» как курса на ассимиляцию, непосредственно после циркуляра председателя Совета министров П. А. Столыпина от 20 января 1910 года, в котором «украинцы» (после признания по запросу правительства Российской академией наук в 1905 году украинского — особым языком) были включены в состав «инородцев», и тем самым была официально уничтожена официальная же доктрина о триединстве русского народа (в составе великороссов, малороссов / украинцев и белорусов), С. предпринял многолетние публицистические усилия к формулированию основ русского надэтнического национализма, противостоящего официальному этническому национализму[293]. Главным

[292] И. *С. Розенталь.* Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 86–87.

[293] Тогда же в специальной статье по этому вопросу С. писал: «Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа? Первый национализм открыт для всех, не боится соперничества, сознательно задаётся прозелитизмом, потому что он верит в то, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ними окажется более крепким и стойким. Не может быть никакого сомнения: свободный, открытый, завоевательный на-

противником в этом вопросе для С. стало политическое движение в пользу обособления украинцев от русских и за автономию Украины. Придерживаясь, так сказать, «конструктивистского» взгляда на национально-государственное строительство как единство национально-политического освобождения и объединения, имевшего своим образцом объединение Германии и Италии в середине XIX века, С. в этом продолжал и собственную риторику С. и «идеалистического направления» (особенно Булгакова) о национальном освобождении как антисамодержавном «истинном национализме». «Антиукраинская» позиция С. в полемике по украинскому вопросу в 1911–1915 гг. была и продолжением интернациональной дискуссии статистиков, этнографов, демографов о принципе определения национальности при переписях: немецкие и русские научные принципы в пользу определения по языку (и отсюда отрицание статуса украинского как языка, а не диалекта, и, напротив, лексическое, литературное и школьное развитие его для обретения статуса языка у сторонников отдельной украинской национальности) — против французских и австро-венгерских определений этноса как географического единства. На деле — политическая борьба против дальнейшего строительства украинской нации для расчленения России, против тех, кто боролся за её автономию ради укрепления целостности России[294]. Сфо-

ционализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации (...) это есть вопрос о том, что быть или не быть Великой России (...) Отгораживаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. (...) Вот почему торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь не национально-государственному объединению, а национальному автономизму. Он не собирает, а дробит государство» (Patritica. С. 299–301. «Два национализма», 1910).

[294] *Жюльет Кадио.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 [2007]. М., 2010. С. 37–46, 124–127.

кусировав полемику о национализме на украинском вопросе, С. столкнулся с неожиданным сопротивлением в своей среде. В итоге 8 июня 1915 г. С. даже официально вышел из состава ЦК кадетской партии из-за своей изоляции в партии по украинскому вопросу[295], где ярче всего против него оказались многолетне и лично близкие ему лица: публично выступил Б. А. Кистяковский, не поддержал В. И. Вернадский, а вне партии — М. И. Туган-Барановский, связывавшие себя с украинским политическим движением за автономию Украины. Незадолго до этого Лев Троцкий в специальном очерке о жанре русского «толстого журнала» подвёл итоги курса, избранного С. во главе РМ: «Это, в сущности, единственный толстый журнал, который не просто живет автоматической силой идейной инерции, а действительно стремится вырабатывать «новые ценности»: национально-либеральный империализм на консервативной религиозно-философской платформе. Но именно поэтому «Русская мысль» вступает в конфликт с практическим, политическим, партийным либерализмом, с кадетством»[296].

В январе 1914 З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский организовали исключение В. В. Розанова из Санкт-Петербургского Религиозно-Философского Общества за антисемитские выступления писателя в печати в связи с известным делом еврея Бейлиса, обвинённого в «ритуальном убийстве»[297]. Протестуя против исключения Розанова, осуждая Розанова, но считая его «морально невменяемым» и потому неподсудным, Струве и солидарные с ним С. Л. Франк

[295] *В. В. Шелохаев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 426.

[296] *Л. Троцкий*. Судьба толстого журнала [1914] // Лев Троцкий. Литература и революция. М., 1991. С. 305.

[297] Об этом см.: Доклад Совета РФО и прения по вопросу об отношении Общества к деятельности В. В. Розанова / Публ. Е. В. Ивановой // Наш современник. М., 1990. № 10.

и Н. А. Бердяев подали заявления о выходе из Совета Общества[298].

[298] Струве писал председателю Общества А. В. Карташёву 26 января 1914: «Глубокоуважаемый Антон Владимирович! В виду того, что в печать проникли невероятные сведения о моем отношении к вопросу об исключении В. В. Розанова из числа членов Религиозно-Философского Общества, прошу Вас в сегодняшнем заседании огласить настоящее мое письмо, как особое мнение (на особом листе я препровождаю это особое мнение для приложения к протоколу). Я высказался в Совете Общества, как его член, вполне определённо против исключения Розанова по двум основным соображениям. *Во-первых*. Поведение Розанова — и именно это я высказал совершенно категорически в своих последних статьях о Розанове, после которых я сознательно и последовательно не возвращался к суждениям о личности и поведении этого писателя — по-моему глубокому убеждению совершенно устраняет применимость к нему начала вменения. Я вполне определённо считаю Розанова морально невменяемым. Поэтому в его деле, на мой взгляд, отсутствует основное *субъективное* условие разумного суда над человеком. *Во-вторых*. Религиозно-Философское Общество само по своим задачам не может притязать на функции суда, хотя бы морального, над отдельными лицами. Таким образом исключение из общества, как действие дисциплинарно-судебное, есть действие, не соответствующее природе такого общества, как Религиозно-философское. В силу этого в данном случае отсутствует и основное объективное условие разумного суда. По этим двум соображениям я в Совете Общества высказался против внесения в Общее Собрание предложения об исключении В. В. Розанова. В настоящее время я считаю для себя необходимым огласить это мое особое мнение и одновременно выхожу из состава Совета Общества, о чём прошу Вас сообщить сегодняшнему Общему Собранию. Искренно Вам преданный Петр Струве» (РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 1–1 об.; также: Записки С.-Петербургского Религиозно-Философского Общества. Вып. IV. Пг., 1914–1916. С. 23–24). Подобное же письмо направил А. В. Карташёву и С. Л. Франк: «исключение из членов нейтрального в политическом и религиозном отношении Общества не есть целесообразная и надлежащая форма борьбы с тем злом, которое представляет литературная деятельность Розанова последнего периода» (РГАЛИ. Ф. 2176. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1–2).
Развитие этих идей С. см. в: *С. А. Котляревский*. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909 (рец. Г. Н. Трубецкого в: Русская Мысль. 1910. Кн. III).

Одновременно в 1908–1916 гг. С. подробно, насколько это возможно в публицистике, возвращается к детализации своего кредо о противостоящем официальному «лженационализму», «дробящему государство», либеральном, надэтническом, государственно-объединительном в духе Фихте и Мадзини, «освободительном» национализме, прежде сформулированному в статье «В чём же истинный национализм?» (1900). Сначала С. противопоставляет «открытый» англосаксонский национализм — самозамкнутому еврейскому, и присягает первому, Затем, в упомянутой полемике о национализме 1916–1917 гг., он пытается придать ему внеправовой, метафизически-органический характер и формулирует своё представление о реализации национальных интересов в форме «Великой России» (статья «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества», 1908) — в соединении внутриполитических либеральных и социалистических прав, свобод и ценностей с империалистической внешнеполитической и внешнеэкономической экспансией России. Главным смыслом этого оказывалось стремление избежать сценария национальной катастрофы в результате противоборства великих держав: «*Слабая* Россия со всей позицией, со всем прошлым, со всеми традициями *великой* державы. Положение... опасное до трагизма. (...) При этом положении Россия... всегда может быть отброшена назад в XVII век и низведена на ту ступень, которую она занимала до великой северной войны»[299]. Ясно понимая, что будущую войну Россия будет вести против объединённого фронта Германии и Австро-Венгрии, С., тем не менее, требует переориентировать направление империалистических усилий России с Дальнего Востока на Ближний Восток и турецкие Проливы. При этом у С. нет сомнений, что политическое освобождение России означает политическое отделение от неё Финляндии и Польши. С точ-

[299] Patriotica. С. 137, 139. «Современное международное положение под историческим углом зрения», 1909. См. также: С. 235. «О “Вехах”», 1909; С. 299–301. «Два национализма», 1910.

ки же зрения литературной традиции, в этой концепции С. реабилитирует внешнюю политику и «внешнюю мощь» государства для левой и либеральной оппозиции, стремясь обосновать «новую русскую государственность», устанавливает «мерилом» эффективности внутренней политики правительства и политического класса страны того, «в какой мере эта политика содействует т. н. внешнему могуществу государства», «государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи... государство и нация должны органически срастись»[300]. Актом этого сращивания С. мыслит именно революцию: «Как смута [XVII века] была первым рождением нации, так революция XX века была её вторым рождением»[301]. «Государство... сверхразумно и внеразумно... Государство есть существо мистическое... Война есть самое видное, самое яркое, самое бесспорное обнаружение мистической природы государства... Могущество государства есть его мощь вовне»[302]. Из этой формулы впоследствии, прямо указывая на свою генетику, выросли национал-большевизм Н. В. Устрялова (1920) и идеология эмигрантского сборника «Смена Вех» (1921).

Февральскую революцию 1917 года С. встретил с надеждами на полноценное государственное строительство[303] и лично принял в нём участие, в апреле 1917 став директором Экономического департамента МИД России (при министре П. Н. Милюкове). В поддержку журнала «Русская Мысль» предпринял издание более оперативного журнала «Русская Свобода». Октябрьскую революцию оценил как антилиберальную контрреволюцию[304] и принял активное участие в Гражданской войне на стороне белых, а за-

[300] Patriotica. С. 73, 76–80, 93. «Великая Россия», 1908.
[301] Там же. С. 206. «Мнимая пропасть», 1908.
[302] Там же. С. 98, 100. «Отрывки о государстве», 1908.
[303] *П. Струве.* Освобождённая Россия // Русская Мысль. М.; СПб., 1917. Кн. II.
[304] *П. Струве.* В чём революция и контрреволюция? // Русская Мысль. М.; СПб., 1917. Кн. XI–XII. II о.

тем — в жизни правого крыла политической антибольшевистской эмиграции. Подвести итоги дореволюционного развития С. пытался в московском «идейном сборнике», составленном в развитие закрытого большевиками журнала «Русская Мысль», «Из глубины» (1918), в котором почти полностью приняло участие авторское ядро сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909): С., Бердяев, Булгаков, Франк, Изгоев и их единомышленники Новгородцев, Котляревский и другие, — но он не смог выйти в свет и был издан лишь малым тиражом годы спустя, не получив никакого распространения.

Архивы

РО РНБ (Архив Дома Плеханова). Ф.753 (письма С. к А. А. Кизеветтеру (1907–1911), Г. В. Плеханову (1895–1899), Н. А. Герд (1910–1911), Л. Я. Гуревич (1906–1910)); РО ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 89 (письма С. к Л. Я. Гуревич, 1906–1915), Ф. 39 (письма С. к З. А. Венгеровой, 1897–1899), Ф. 444 (переписка С. и Н. А. Герд с В. Я. Брюсовым, 1906–1916); РГИА. Ф. 727 (письма С. к Б. Э. Нольде, 1909–1916), Ф. 25 (Политехнический институт, личное дело С., 1909–1918), Ф. 776. Оп. 1. Д. 31а. Оп. 8. Д. 803, Оп. 21, ч. 1. Д. 342, Ф. 777. Оп. 25. Д. 1863б (цензурное дело журнала «Новое Слово», 1897); Ф. 776. Оп. 1. Д. 31а. Оп. 8. Д. 803, Оп. 21, ч. 1. Д. 342, Ф. 777. Оп. 25. Д. 1863б; Ф. 776. Оп. 1. Д. 32, Ф. 776. Оп. 8. Д. 1216, Ф. 777. Оп. 5. Д. 22 (цензурное дело журнала «Начало», 1899); РГАСПИ. Ф. 279 (личный фонд С.); ГАРФ. Ф. 604 (личный фонд С.).

Сочинения

П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб., 1894; *П. Струве*. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб., 1902; *П. Струве*. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник

статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб., 1911; *П. Струве*. Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Т. 1; Т. 2. Ч. 1. СПб., 1913–1916; *Pierre Struve*. Le Bolchévisme et Lénine // La Russie d'aujourd'hui et de demain / Dir. G. Klutchnikoff. № 1. Paris; Neufchatel, 1920; *П. Струве*. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Париж, 1949. № 9, 10, 12; Манифест РСДРП (1898) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть I. 1898–1925. М., 1953; *П. Б. Струве*. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н. А. Струве]. Париж, 1981; Материалы к творческой биографии П. Б. Струве / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *П. Б. Струве*. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В. Н. Жуков и А. П. Поляков. М., 1997; *Н. А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. С предисловием Петра Струве [1901] / Сост. В. В. Сапов. М., 1999; *П. Б. Струве*. Избранные сочинения / Сост. М. А. Колеров. М., 1999 (Приложение к журналу «Вопросы философии»); *Пётр Струве*. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина / Сост. А. В. Хашковский. СПб., 2000; *Русский социал-демократ Nemo [П. Б. Струве]*. Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892). Приложения: Петр Струве: 1. Письма о нашем времени (1894), 2. Усложнение жизни (1899), 3. О нашем времени. I. Высшая ценность жизни (1900) / Публ. М. А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; *П. Струве*. Марксова теория социального развития (1898) // Там же; *П. Струве*. [Рец.:] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus... (1898) // Там же; *Пётр Струве*. Палач народа (1905) // Там же; *Пётр Струве*. Карл Маркс и судьба марксизма (1933) // Там же; Национализм. Полемика 1909–1917. Сб. ст. / Сост. М. А. Колеров. М., 2000 (Переизд.: М., 2015); *П. Б. Струве*. Дневник политика (1925–1935) / Отв. ред. Н. А. Струве. М.; Париж, 2004; *П. Б. Струве*. Торговая политика России / Сост. М. М. Савченко. Челябинск, 2007; Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник

за 2006/2007 год. М., 2009; *П. Б. Струве*. Избранные труды / Сост. О. К. Иванцова. М., 2010.

Переводы

Г. Шульце-Геверниц. Крупное производство, его значение для экономического и социального прогресса / Пред. П. Струве. СПб., 1897; *М. Шиппель*. Денежное обращение и его общественное значение / Пер. под ред. П. Струве. СПб., 1897; *П. Кампфмейер*. Очерки по истории немецкой культуры / Под ред. П. Струве. СПб., 1898; *Карл Маркс*. Капитал. Т. 1 / Под ред. и с предисл. П. Б. Струве. СПб., 1898; *Поль Де-Рузье*. Профессиональные рабочие союзы во Франции / Под ред. и с предисл. П. Б. Струве. СПб., 1898; *В. Болин*. Спиноза / Пер. под ред. П. Струве. СПб, 1899; *Ю. Липперт*. История культуры / Пер. П. Струве. СПб., 1899; *Кюльпе*. Введение в философию / Пер. под ред. П. Б. Струве. СПб., 1901; *Т. Липпс*. Основные вопросы этики. Пер. под ред. П. Б. Струве и Н. О. Лосского. СПб., 1905.

Переписка

Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. В 3-х томах / Глав. ред. М. Т. Иовчук. М., 1973–1974; Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда», 1883–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания / Отв. ред. М. Т. Иовчук. М., 1984; *А. А. Борман*. Москва — 1918. (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. Кн.1. Л., 1991; *С. Л. Франк*. Письма к Н. А. и П. Б. Струве (1901–1905) / Публ. М. А. Колерова // Путь. № 1. М., 1992; *В. В. Розанов*. Письма к Н. К. Михайловскому [1892] и П. Б. Струве [1917] / Публ. М. А. Колерова // Вопросы философии. 1992. № 9; *А. Н. Потресов*. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; Испытание революцией и контрреволюцией: Переписка П. Б. Струве и С. Л. Франка (1922–1925) / Публ. М. А. Колерова и Ф. Буббайера // Вопросы философии. 1993. № 2; Н. А. Бердяев в начале пути (Письма к П. Б. и Н. А. Струве) [1899–1905] / Публ. М. А. Колерова // Лица. 3. М.; СПб., 1993; *Сергей Булгаков*.

Письма к П. Б. Струве (1901–1903) / Публ. М. А. Колерова // Новый Круг. № 3. Киев, 1993; *П. Б. Струве*. Письма к А. Н. Потресову (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Сер. 8, история. 1994. № 4.

Библиография

И. А. Кондакова. «Он не был бунтарём...» // Советская библиография. 1991. № 6. С. 85–107; *О. Л. Гнатюк*. П. Б. Струве. Библиография печатных работ и исследований о его творчестве // Вече. Альманах русской философии и культуры. 11. СПб., 1998; Библиография // Ричард Пайпс. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001. С. 581–671.

Литература

А. Фаресов. Народники и марксисты. СПб., 1899; *Мих. Оленов*. Так называемый «кризис марксизма». СПб., 1905; *Л. Аксельрод (Ортодокс)*. Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. М.; *Пг.*, 1923; Н. И. Кареев. Основы русской социологии [1920-е]. СПб., 1996; *А. М. Воден*. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. 1927. Т. 3;. *Б. С. Ижболдин*. П. Б. Струве как экономист // Новый журнал. № 9. Нью-Йорк, 1944; *Б. И. Николаевский*. П. Б. Струве // Новый журнал. № 10. Нью-Йорк, 1945; *С. Л. Франк*. П. Б. Струве (Опыт характеристики) [1949] // С. Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. А. А. Ермичев. СПб., 1996; *С. Л. Франк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956; *Н. А. Цуриков*. Пётр Бернгардович Струве [1953] // Н. А. Цуриков. Прошлое. М., 2006; *Н. Валентинов*. Из прошлого: П. Б. Струве о Ленине // Социалистический Вестник. 1954. № 8–9; *С. Л. Франк*. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956; *В. А. Максимова*. «Новое слово» и «Начало» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890–1904 / Отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1981; *М. А. Никитина*. «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.,1984; *К. Ф. Шацилло*. Русский либерализм накануне рево-

люции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985; *Е. В. Иванова*. Об исключении В. В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. М., 1990. № 10; *И. Кондакова*. «Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму...» // Ориентиры. М., 1991. № 2; *М. А. Колеров*. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5; *П. П. Гайденко*. Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *М. А. Колеров, Н. С. Плотников*. Творческий путь П. Б. Струве // Вопросы философии. М., 1992. № 12; *М. А. Колеров*. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // De Visu. М., 1993. № 9; *М. А. Колеров*. Журнал «Полярная Звезда / Свобода и Культура» (1905–1906) // Новое литературное обозрение. № 3. М., 1993; *З. М. Зотова*. Петр Бернгардович Струве // Вопросы истории. М., 1993. № 8; *О. Г. Простаков*. П. Б. Струве и В. В. Розанов // Мир источниковедения. Пенза, 1994; *М. А. Колеров*. Почему П. Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // De Visu. М., 1994. № 5 / 6; *М. П. Афанасьев*. Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. М., 1994. № 12; *И. П. Смирнов*. «От марксизма к идеализму»: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М., 1995 (переизд.: 2012); *М. А. Колеров*. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб., 1996; *Б. М. Виттенберг*. П. Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 1997; *М. А. Колеров*. «Начало» (1899). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998; *О. Л. Гнатюк*. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998; *М. В. Михайлова*. Нужно ли «обуздывать» личное? (Новые штрихи к портрету А. М. Калмыковой) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. Вып. I. М., 2000; *Б. П. Балуев*. П. Б. Струве как историк (к постановке проблемы) // Отечественная история. 2001. № 1; *А. Л. Дмитриев*. Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из ис-

тории экономики. СПб., 2001; *Ричард Пайпс*. Струве: левый либерал. 1870–1905 [1970]. М., 2001; *Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001; *С. Л. Франк*. Воспоминания о П. Б. Струве // Семен Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А. А. Гапоненкова и Ю. П. Сенокосова. М., 2001; *Йоахим Цвайнерт*. История экономической мысли в России. 1805–1905 [2002] / Пер. под ред. В. С. Автономова. М., 2007 (Глава 5.4); *А. Н. Потресов*. Избранное / Сост. Д. Б. Павлов. М., 2002; *М. А. Колеров*. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; Историки экономической мысли России: В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов / Сост. М. Г. Покидченко. М., 2003; *М. А. Колеров*. Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; *А. А. Гапоненков, С. В. Клейменова, Н. А. Попкова*. Русская Мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Указатель содержания. 1907–1908. М., 2003; *А. А. Гапоненков*. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст: Диссертация... доктора филологических наук. Саратов, 2004; *А. Н. Нарбут*. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20); *О. К. Иванцова*. Философия либерального консерватизма: Опыт историко-философского анализа наследия П. Б. Струве. М., 2004; *С. В. Белов*. История одной «дружбы» (В. И. Ленин и П. Б. Струве). СПб., 2005; *А. Дмитриев*. Эмигрантский диспут П. Б. Струве и А. Д. Билимовича [1923–1924] // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007; Из архива А. Н. Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев. М., 2007; Из архива А. Н. Потресова. Вып. 2. Письма А. М. Калмыковой. 1894–1905 гг. / Отв. ред. Н. В. Макаров. М., 2007; *Йоахим Цвайнерт*. История экономической мысли в России [2002]. М., 2008 (Глава 5.4); *О. В. Ананьев*. Петр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. СПб., 2009; *М. А. Колеров*. О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А. А. Кизеветтера к П. Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009; Из архива группы «Освобождение тру-

да». Вып. 1. Переписка 1883–1897 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев. М., 2009; Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 2. Переписка 1898–1903 гг. / Отв. ред. П. Ю. Савельев, С. В. Тютюкин. М., 2009; *Г. М. Гамбург*. Л. Толстой, «Вехи» и П. Б. Струве в 1909 г. // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011; Пётр Бернгардович Струве / Под ред. О. А. Жуковой и В. К. Кантора. М., 2012; *М. А. Колеров*. Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // Русский Сборник: Исследования по истории России. XI. М., 2012; *О. А. Жукова*. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П. Б. Струве) // Вопросы философии. М., 2012. № 3; *П. Ю. Савельев*. «Новое Слово» // Революционная мысль XIX — начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В. В. Журавлёв, А. В. Репников. М., 2013; *П. Ю. Савельев*. «Начало» // Революционная мысль XIX — начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В. В. Журавлёв, А. В. Репников. М., 2013; *В. Н. Жуков*. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; *В. В. Шелохаев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.